

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра философии политики и права

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Сборник
научных
работ

ВЫПУСК 1

Москва. 2010

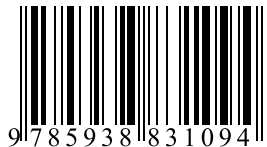
Издатель Воробьев А.В.

**Кафедра философии политики и права
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова**

Учебный корпус МГУ №1

ISBN 978-5-93883-109-4

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Выпуск 1

Москва
Издатель Воробьев А.В.
2010

УДК 1::32:34
ББК 87:66:67
Ф56

Печатается по решению Ученого совета
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Ф56 Философия политики и права: Сборник научных работ.
Вып. 1 / Под общ. ред. профессора Е.Н. Моцелкова, науч-
ный редактор профессор О.Ю. Бойцова. — М.: Издатель Во-
робьев А.В., 2010. — 288 с.

ISBN 978-5-93883-109-4

Первый выпуск сборника научных работ «Философия политики и права» посвящен презентации кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, образованной в конце 2008 г. Сборник нацелен на представление нового направления философского образования и научных исследований. Авторы статей, вошедших в первый выпуск, — профессора и преподаватели кафедры философии политики и права, а также профессора и преподаватели философского и юридического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, специализирующиеся по данной проблематике.

ISBN 978-5-93883-109-4

© Коллектив авторов, 2010.
© Воробьев А.В., оформление, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Философия политики и права — новое направление философского образования и научных исследований в Московском университете	4
РАЗДЕЛ I. Философия политики и права как образовательная и научная дисциплина	15
<i>В.Н. Расторгуев.</i> Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины.....	15
<i>Е.Н. Моцелков.</i> История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX — нач. XX в.).....	40
<i>О.Ю. Бойцова.</i> Политическое познание в XX в.: в поисках образца научного исследования.....	61
РАЗДЕЛ II. Актуальные проблемы философии политики и права .	83
<i>В.И. Шамшурин.</i> К вопросу о взаимосвязи философии политики и права с философией, политикой и правом.....	83
<i>И.А. Гобозов.</i> Философское обоснование права.....	98
<i>С.А. Хмелевская.</i> Национальная система права: явные и скрытые философские основания.....	120
<i>Е.А. Войниканис.</i> Парадигмальный сдвиг в современном праве....	138
<i>А.В. Соловьев.</i> Как возможна философия войны?.....	162
РАЗДЕЛ III. История философии политики и права	178
<i>А.Г. Сытин.</i> Судьбы идей демократии в западноевропейской политико-философской мысли XIV–XVII вв.....	178
<i>В.Н. Жуков.</i> П.И. Новгородцев как философ права.....	203
<i>В.С. Кржевов.</i> Концепция государства и права К. Шмитта: Место и роль в политической теории и практике XX в.	222
<i>К.Ю. Аласания.</i> Постмодернистская концепция власти во французской политической философии второй половины XX — начала XXI вв.....	250
ПРИЛОЖЕНИЕ	269
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА (Введение в дисциплину).....	269
АВТОРЫ СБОРНИКА	281
SUMMARY	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

Философия политики и права — новое направление философского образования и научных исследований в Московском университете

В конце 2008 года Ученым советом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова было принято решение о создании на философском факультете новой кафедры — **кафедры философии политики и права**.

Данное решение было продиктовано необходимостью целостного и систематизированного изучения и преподавания философских проблем политики и права с использованием исторических достижений гуманитарного знания в данной области и привлечением соответствующих новейших разработок современной философии, политологии и теоретического правоведения.

Наиболее разработанной в указанной проблематике следует признать **философию права**, которая как университетская дисциплина появляется в конце XVII в. (например, в Германии). В России уже во второй половине XVIII в. философия права преподается в Московском университете (С.Е. Десницкий, И.А. Третьяков, Я.И. Шнейдер), в 30–60-х гг. XIX в. в Московском, Петербургском университетах, Университете св. Владимира в Киеве (К.А. Неволин, П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин)¹. Особенно активно философия права развивается во второй половине XIX — начале XX в. и связана с работами таких ученых и университетских профессоров, как Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьёв, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой, П.Н. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич, В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, М.М. Ковалевский, И.В. Михайловский, В.Э. Вальденберг, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев.

Всплеск в развитии философии права не в последнюю очередь связывается с образованием в российских университетах, начиная

¹ См.: Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 96, 137.

с Университетского устава 1863 г., специальных кафедр, которые читали курсы по философии права (истории философии права). По Университетскому уставу 1884 г. в составе 12 кафедр юридического факультета в российских университетах предусмотрено создание кафедры энциклопедии права и *истории философии права*. Нужно иметь в виду, что *энциклопедия права* в то время трактовалась как «философское введение в курс юридических наук, читаемое на первом курсе юридического факультета»¹, и в этом понимании фактически сливалась с философией права. Значение данного курса для университетского образования в конце XIX — начале XX в. трудно переоценить, поскольку в условиях отсутствия в университетах философских факультетов и даже полноценных кафедр философии этот курс (энциклопедия права — философия права) давал фактически единственную возможность донесения до студентов философских знаний.

Книг, в название которых включалось бы понятие «философия права», за 30–40 лет до 1917 г. вышло немного, но богатейшая проблематика философии права разрабатывалась в научных трудах, которые назывались «Общая теория права», «Теория права и государства» и т.п.

В постсоветский период у нас в стране философия права получает свое новое развитие как научная и образовательная дисциплина. Она становится обязательным предметом, правда, в основном в юридических высших учебных заведениях и на юридических факультетах университетов. На философских факультетах (например, в МГУ) эта дисциплина появляется только благодаря усилиям энтузиастов, и то как факультативная дисциплина.

Выходит целый ряд научных монографий и учебников, написанных, правда, как правило, юристами (В.С. Нерсесянц, Д.А. Каримов, В.Н. Жуков, Э.В. Кузнецов, Б.М. Мальков, Г.И. Иконникова, В.П. Лященко, К.К. Жюль и др.²). Юристам же принадлежит авторство статей «Философия права» в большинстве (в том числе и в философских) энциклопедических изданиях. А единственный в

¹ См.: Малый энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 4. М., 1994. Стлб. 2150. (Репринт изд. СПб., 1909).

² См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права. 2-е изд. М., 2006; *Иконникова Г.И., Лященко В.П.* Философия права. М., 2007; *Кальной И.И.* Философия права. СПб., 2008; *Жюль К.К.* Философия и социология права. 2-е изд. М., 2005; *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006 и др.

России журнал «Философия права» выпускается в Ростове-на-Дону Ростовским юридическим институтом МВД России. Появляется и ряд серьезных изданий, посвященных изучению философии права в России¹.

Проблемы, или даже разделы, философии права все чаще включаются и в состав курсов социальной философии, а также спецкурсов (например, на философском факультете Московского университета).

Вместе с тем вопрос о том, частью какой науки является философия права — философии или правоведения, остается дискуссионным и по сей день. Примечательной в этой связи представляется позиция признанного специалиста в области философии права В.С. Нерсисянца. Так вот в «Юридической энциклопедии» этот автор определяет философию права как общетеоретическую *юридическую* дисциплину², тогда как в «Новой философской энциклопедии» тот же автор философию права трактует уже как самостоятельную научную дисциплину³. Остается только отметить, что оба указанных выше энциклопедических издания вышли в свет в 2001 г. Некоторые авторы прямо определяют философию права как самостоятельный раздел философии⁴. Другие находят выход из ситуации в диалектическом подходе и делают вывод о том, что философия права «представляет собой единство философского и юридического знания»⁵.

¹ См.: Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989; Жуков В.Н. Русская философия права: Естественнo-правовая школа первой половины XX века. М., 2001 и др. Здесь же следует указать и такое издание: Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология. СПб., 1997.

² См.: Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. М., 2001. С. 1156.

³ См.: Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 227. В предыдущем издании «Философской энциклопедии» в соответствующей статье философия права определялась как «общетеоретическое учение о праве» (автор статьи — известный юрист, академик В. Туманов). См.: Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 354.

⁴ См.: Словарь философских терминов / Под ред. В.Г. Кузнецова. М., 2004. С. 635, автор статьи — Е.А. Чичнева.

⁵ Иконникова Г.И., Лященко В.П. Философия права. М., 2007. С. 8. Такая точка зрения не является новой. Д.А. Керимов, например, считал, что «философия права представляет собой сложный симбиоз общей философии и социологии права» (Керимов Д.А. Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 4).

Теперь о **философии политики**. Данный термин в научном контексте у нас в стране используется уже несколько десятилетий. Можно, например, вспомнить в этой связи о существовании еще в 70-е гг. прошлого века Секции философии политики и международных отношений в Философском обществе СССР, которая выпускала различные сборники научных работ по данной проблематике¹. В 90-е и 2000-е гг. выходит ряд научных книг с искомым названием (А.С. Панарин, Э.А. Поздняков, И.А. Гобозов, А.Г. Дугин), а также разрабатывается ряд учебных курсов «Философия политики» на философских факультетах университетов (например, на факультете философии и политологии СПбГУ).

В научной литературе термин «философия политики» часто пересекается с термином «политическая философия». Вопрос о соотношении этих терминов у современных ученых не получил однозначного решения. Одни употребляют их фактически как тождественные, другие находят различие, рассматривая «философию политики» как часть философии, философского знания, а «политическую философию» относя к области политической науки². Думается, что второй подход более продуктивен, поскольку приближает нас к интерпретации проблемы соотношения философии и политики. «Философия политики» может трактоваться как приложение философии к области политической жизни, тогда как «политическая философия» является саморефлексией политики, ее «внутренним» знанием о самой себе. Первая решает вопросы, которые ставит перед философией политик, тогда как вторая решает вопросы, которые ставит перед политикой философия. Но на эти разные вопросы могут быть даны одинаковые ответы. «Философия политики» и «политическая философия», в любом случае, это пересекающиеся, взаимосвязанные области научного знания, поскольку в их соотношении фиксируется не разница смыслов, а только разница детерминации мысли, направленности мысли³.

¹ См., напр.: Мировое сообщество: философия политики и политические процессы. М., 1991.

² Существует и прямо противоположная точка зрения, согласно которой «политическая философия» — это «философская дисциплина, одна из основных областей философского знания о человеке и обществе» (Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 283).

³ О современных вариантах интерпретации соотношения философии права и политической философии см.: *Алексеева Т.А.* Политическая философия: От кон-

Взаимодействие философии политики и политической философии создает поле для научного диалога философии и политики. Кто из этих сторон сегодня более активен в этом диалоге, сказать трудно. Ясно, что концептуализация политики, исследование ее фундаментальных, сущностных оснований, поиск целей и смысла политики были и остаются важнейшей и пока плохо разработанной философской проблематикой. Да и современная политика все реже ставит перед философией смысловые вопросы. Конечно, в данном случае имеется в виду не реальная политика (и политики) — отсюда ждать этих вопросов наивно, — а политическая наука. Но представляется, что сегодня для многих молодых (и не только молодых) политологов, профессиональные интересы которых устойчиво ориентируются на технологии и практические приложения науки, метафизические проблемы являются малоинтересными и неперспективными.

Проблемы взаимоотношений философии и политики остро и всесторонне обсуждались еще в 1996 г. на «круглом столе», который организовал журнал «Вопросы философии». Когда читаешь материалы этого «круглого стола», то осознаешь, что данная проблематика и спустя 14 лет остается не менее, а может быть, даже более злободневной и дискуссионной¹.

Спор о соотношении философии политики и политической философии специфическим образом отразился в современной справочно-энциклопедической литературе. Так, в профильных энциклопедиях по гуманитарным наукам — «Новой философской энциклопедии» (4 т., 2001) и «Политической энциклопедии» (2 т., 1999) — мы не находим статьи под названием «Политическая философия». Нет такой статьи и в других многочисленных современных словарях и энциклопедиях. Как будто такого понятия (дисциплины) в современной науке вообще не существует.

Нет никаких следов научной дисциплины «Политическая философия» (как, впрочем, и «Философия права») и в новой Номенкла-

цепций к теориям. М., 2007. С. 15–18; Политическая философия в России. Настоящее и будущее (Материалы «круглого стола», проведенного журналом «Вопросы философии» совместно с факультетом политологии МГИМО и журналом «Полис») // ПОЛИС. 2002. № 4. С. 3–30 (особенно выступления Т.А. Алексеевой, М.В. Ильина, Б.Г. Капустина).

¹ См.: Философия и политика (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 3–41.

туре специальностей научных работников, которую Минобрнауки РФ ввел в действие с 1 января 2010 г. Лучше других, видимо, структуру современного гуманитарного знания понимают в Российском гуманитарном научном фонде, в Классификаторе которого для конкурсов 2010 г. эта дисциплина выделена отдельно в политических науках — «03-210 Политическая философия». В этом же Классификаторе в юридических науках значится (правда, в группе других дисциплин) и «Философия права» — «03.410 — Философия права. Теория права и государства, методы их изучения. История учений о праве и государстве. Сравнительное правоведение».

Следует также отметить и то обстоятельство, что в последние годы в самой философской науке все более употребительным и значимым становится термин «философия политики». Отметим только два факта: появление в «Новой философской энциклопедии» статьи «Философия политики» (А.С. Панарин, Т. 5, 2001) и секции «Философия политики» на V Российском философском конгрессе (Новосибирск, август 2009), тогда как на предыдущем, IV конгрессе в Москве (2005 г.) была секция «Политическая философия».

Философия политики вошла с 1 января 2010 г. в состав новой редакции «ваковской» специальности по политическим наукам («23.00.01 — теория и философия политики, история и методология политической науки»), что сделало данную проблематику фактически междисциплинарной. По целому ряду тем, входящих в паспорт данной специальности, соискателям докторских и кандидатских степеней по политическим наукам придется в своих исследованиях привлекать серьезный массив философских знаний.

Созданием в Московском университете кафедры философии политики и права делается важный шаг в сторону интеграции целого ряда гуманитарных наук, единого образовательного и научно-исследовательского поля, в котором интегрируются проблемы политики и права. Нельзя сказать, что это абсолютно новое изобретение. В российской высшей школе уже существует целый ряд отдельных учебных программ (например, «Учебно-методический комплекс» В.И. Пернацкого и Е.Н. Базурина в Волго-Вятской академии государственной службы, 2006), или разделов с названием «Философия политики и права» в программах более общих курсов (например, программа курса «Социальная философия» проф.

В.Г. Федотовой в Высшей школе экономики, 2000, раздел 20). А во второй половине 90-х гг. в перечень «ваковских» специальностей научных работников по разделу «Философские науки» входила специальность 09.00.10 («Философия политики и права»), по которой диссертационные советы присуждали ученые степени кандидата и доктора философских наук.

Важным новаторским элементом в создании новой кафедры философии политики и права в МГУ им. М.В. Ломоносова является постановка задачи изучения и интерпретации политики и права как интегрированного и целостного объекта философского анализа. При этом исходная идея основывается на убеждении, что политика и право являются двумя важнейшими взаимосвязанными регуляторами современной общественной жизни.

Вместе с тем историческая эволюция дифференцированного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по методу абстракции к разведению *политики* и *права* по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета¹, единого понимания сущности искомых феноменов. Многие современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки (политология и правоведение) отдельно друг от друга изучают политику и право как отдельные и самодостаточные сущности, тогда как в реальности они взаимно дополняют и взаимно обуславливают друг друга.

¹ Известные зарубежные систематизаторы гуманитарного знания Р. Пэнто и М. Гравитц считают, что в истории политической науки сосуществуют как равноценные три варианта определения предмета этой науки, которые актуальны и на современном этапе развития политологии. Для одних этим предметом является *государство*, для других — *власть*, для третьих — *политические отношения*. См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 186–187.

Политика и право как социальные регуляторы работают эффективно только тогда, когда существует ясное и точное знание того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь должен адекватно определить существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни и гуманитарной науки, но найти адекватные (идеальные) решения этой проблемы невозможно силами отдельных наук (политологии, юриспруденции, этики).

Таким образом, **концептуальная задача новой кафедры состоит в создании интегративной философской теории политики и права**. Именно интегративной, а не просто междисциплинарной. В научных кругах давно уже считается модным и прогрессивным подход, основанный на так называемой *междисциплинарности*, когда разрабатываются проблемы «на стыках наук», «в пограничных областях наук», при объединении усилий специалистов различных областей науки. Безусловно, где-то такие междисциплинарные исследования и принесли весомые результаты. Но чаще всего речь идет о псевдомеждисциплинарности, когда для достижения внеисследовательских целей (к примеру, для получения гранта или другого дополнительного финансирования) представители разных наук механически складывают свои результаты и оформляют это в едином научном проекте.

В нашем случае стоит другая, гораздо более сложная научная задача. Задача не **сложения** разных научных теорий, а **создания** новой, другой теории.

Мы видим несколько направлений реализации данной задачи:

1. Институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации;

2. Осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни;

3. Анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики;

4. Анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права;

5. Исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие темы, как норма и нормативность в политике и праве; взаимовлияние и взаимоограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

Отдельным направлением деятельности кафедры должно стать **философское (историософское)** осмысление исторических и современных характеристик и путей развития российской цивилизации, которая по своим объективным характеристикам может и должна стать благоприятным исследовательским полигоном для приложения интегративных гуманитарных теорий.

Научная теория российской цивилизации основывается на уникальной исторической природе и уникальных пространственно-временных характеристиках российской общественно-политической системы, на особых и долгоживущих тенденциях и традициях в политической, социально-экономической, духовно-идеологической и ментальных сферах национальной общественной жизни. Глубокое изучение этой системы уже поставило перед гуманитарной наукой ряд фундаментальных проблем. Выделим, для примера, две такие проблемы.

Первая. Проблема критериев прогресса. Является ли материально-экономическая компонента безусловной доминантой общественного прогресса, или следует признать, что для развития некоторых уникальных общественных систем (например, для России, Китая) не меньшее значение имеет духовно-идеологическая (а определенном отношении и политико-правовая) компонента?

Вторая проблема связана с траекторией социально-политической динамики общественных систем. Историческое развитие России невозможно объяснить и даже показать только в схемах линейно-поступательного развития. Здесь траектория более сложная, связанная с переплетением линейных трендов со спиральным, циклическим развитием. Наверное, неслучайно и первые циклические теории (не идеи, а теории) и появились в России (Леонть-

ев, Данилевский). В этих циклах мы также обнаруживаем специфические переплетения экономики и политики, политики и права, политики и морали.

Таким образом, интегративная теория России не только сможет объяснить перипетии национального развития, но и даст интерпретацию ряду фундаментальных вопросов гуманитарного знания.

Научная теория российской цивилизации будет, кроме всего прочего, способствовать созданию положительного образа России в мире, что отвечает особенностям современного этапа мирового развития, движению к многополярности, к увеличению всемирного разнообразия при укреплении взаимопонимания и сотрудничества. Такая разработка призвана противостоять всякого рода экстремистским и односторонним взглядам на Россию и её место в мире.

Для реализации данных направлений кафедра рассчитывает как на собственные силы (а это — 9 преподавателей и научных сотрудников, в их числе 4 доктора наук, профессора и 4 кандидата наук), а также и на связи с коллегами, специализирующимися в области философии политики и права во многих учебных и научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Казани, Краснодара, Астрахани и других городов России.

Важным кадровым потенциалом для реализации поставленных задач является аспирантура кафедры философии политики и права (на конец 2009 г. она насчитывает около 30 аспирантов). Образовательная деятельность кафедры имеет уникальную особенность, заключающуюся в том, что она работает в двух образовательных областях: студенты-специалисты (а в будущем, возможно, бакалавры и магистры) готовятся как философы, тогда как аспиранты специализируются в области политических наук. Подготовка аспирантов с начала 2010 г. ведется по двум специальностям («23.00.01. — теория и философия политики, история и методология политической науки» и «23.00.03 — политическая культура и идеологии»), которые позволяют рассчитывать на активное участие аспирантов в разработке именно интегративных аспектов современного гуманитарного знания.

* * *

Выход в свет первого выпуска научного сборника «Философия политики и права» знаменует начало трудной, но, надеемся, пло-

дотворной работы по философскому осмыслению политико-правовой реальности, которая, безусловно, в современных условиях является одним из базовых источников и оснований для формирования и развития определяющих процессов и тенденций общественной жизни.

Е.Н. МОЩЕЛКОВ

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

КОНТАКТЫ КАФЕДРЫ

сайт: www.fpp.philos.msu.ru

тел.: (495) 939 2442

e-mail: fpp@philos.msu.ru, enm@inbox.ru

Раздел I

Философия политики и права как образовательная и научная дисциплина

В.Н. Расторгуев

Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины

«...Якобы объективная социология использует столь же спорную философию, что и финалистская философия человеческой природы, послужившая нам точкой отсчета. Эта циничная философия политики под предлогом отказа от какой бы то ни было философии вообще утверждает все же некую разновидность философии. Вместо того чтобы провозглашать философию смысла, она утверждает философию отсутствия смысла. Она утверждает, что смысл политики — борьба, а не поиски обоснованной власти».

РЕЙМОН АРОН

«Демократия и тоталитаризм»

«Элиты, не побуждаемые к тому, чтобы сделать имеющееся в их распоряжении знание общедоступным, не станут заниматься ни формализацией, ни анализом. Они будут довольствоваться либо не поддающейся анализу интуицией, либо священным знанием, сохраняемым для элиты и передаваемым по наследству ее членам целиком. ... Неплохую службу философам, изучающим закономерности истории, могло бы сослужить обучение их у «творцов» истории. Каковы бы ни были интеллектуальные возможности людей, стоящих у кормила власти, едва ли они позволят себе действовать по неверно составленному плану. Практическая деятельность быстрее разоблачает иллюзию, чем отвлечённое умозрение... Большая близость к средоточию власти необходима (хотя и недостаточна) для понимания её внутреннего механизма».

КАРЛ МАНХЕЙМ

«Социология культуры»

Объект политического знания: граница между социальным и политическим

Вопрос о том, что изучают политические науки в целом и философия политики в частности, обычно занимает в учебной литературе всего несколько предложений или абзацев, а ответ на него представляется самоочевидным: политология во всем ее многооб-

разии — это наука, об объекте которой лучше всего говорит ее название. И действительно, что же еще может изучать политология, кроме политики и политиков? Столь же простым видится и определение политики как особой деятельности, в рамках которой осуществляется борьба за обладание властью, ее удержание и участие в делах государственного управления, что делает возможным контроль за ресурсами и поддержание общественного порядка. К такому выводу подталкивает и этимология термина «политика», который, как известно, связывают с греческими словами «*politiko*» (государственные или общественные дела) и «*polis*» (государство).

При этом следует иметь в виду, что слова «политический» и «социальный» (общественный) настолько близки по значению, что обычно воспринимаются как полные синонимы, хотя многие авторы не только употребляют их как совершенно различные термины, но и с большим или меньшим успехом доказывают принципиальный характер этих отличий (аналог — споры вокруг «философии политики» и «политической философии»). Кто же прав в данном случае, и какие факторы предопределяют взаимное сближение или противопоставление этих понятий, пестроту мнений и суждений? Назовем три наиболее существенные причины, породившие и поддерживающие дискуссии о взаимоотношении социального и политического.

Во-первых, разночтения возникли по причинам *лингво-страноведческого характера*. (Этот немного громоздкий термин используется в тех случаях, когда языковые особенности и традиции тех или иных народов исследуются на основе междисциплинарного анализа с учетом политического устройства отдельных стран, истории межгосударственных контактов.) Как известно, в конце Средневековья и в эпоху Возрождения лексикон европейских народов стал существенно пополняться. Образованные слои общества, почувствовав дух интеллектуальной свободы, жадно впитывали культурное и философское наследие греко-римской античности, в том числе и знания в области политики. Они пытались мысленно перенести на свою почву представления древних мыслителей о многообразии форм правления, о природе тирании и демократии, о сущности государства и власти, подвергали сомнению все то, что казалось неизменным и не подлежащим критике. Это пополнение культурного и словарного запаса происходило в основном благодаря многочисленным и «параллельным» заимст-

ованиям из греческого и латинского языков (преимущественно из латинских переводов греческих рукописей). При этом новые слова и понятия по-разному закреплялись и переосмыслялись сначала в европейских, а позднее и в других языках мира.

В результате возникли удивительные языковые и культурные парадоксы. С одной стороны, укрепились особые региональные традиции словоупотребления, когда одни и те же слова приобретали значения, зачастую противоположные тем, которые стали нормой в рамках языковых традиций других регионов и народов. Так, представления о «культуре» и «цивилизации» в немецком языке существенно отличались в тот период от общеевропейской традиции. Если в Германии с представлением о цивилизации и цивилизованности стали связывать нивелировку индивидуальности и даже манерность, а в понятие «культура» вкладывалось, напротив, сугубо позитивное представление о творческом начале, то англичанами и французами эти слова воспринимались как синонимы исключительно с позитивной коннотацией. С другой стороны, слова из различных языков зачастую использовались для обозначения одних и тех же понятий. Именно это и произошло в случае с «политическим» и «социальным», когда возникла своеобразная «конкуренция» этих терминов и у образованных людей появился повод найти или придумать, изобрести смысловые различия между ними, чем они, конечно, и воспользовались.

Во-вторых, когда в речи употребляют слова «политический» и «социальный», то в этом случае имеют в виду, как правило, один и тот же предмет, ставший объектом познания, но фиксируют внимание на разных его аспектах. Причем столь многогранный объект, каким является человеческое сообщество, сразу превращается в грубую схему, когда мы механически противопоставляем политическое и социальное, разрушая традицию и создавая искусственные барьеры между родственными явлениями. В одном из самых популярных в западном мире учебников по сравнительной политологии, написанном под руководством известного американского политолога Габриэля Алмонда, говорится, что «предмет политики составляют человеческие решения, а политическая наука — это изучение таких решений». Основываясь на том, что далеко не все из них являются собственно политическими, поскольку к последним относятся лишь *публичные* и *властные* решения, Алмонд делает вывод о соотношении политического и социального: «по-

литика, — по его мнению, — социальна по своей сути, поскольку она всегда затрагивает множество людей, и ее следствия сказываются на многих»¹.

Пожалуй, только для отдельных профессиональных политиков, общественных деятелей и ученых, которые в силу своей узкой специализации придают особое значение разграничению терминов «политический» и «социальный», имеет смысл сужать объемы этих понятий таким образом, чтобы они даже не пересеклись. Воистину, прав был Козьма Прутков, когда уподобил специалиста флюсу, ибо полнота его односторонняя. В силу функциональной ограниченности, односторонности ведомственного подхода границы социальной сферы, которая уже по определению охватывает все виды человеческой деятельности, иногда сводят, к примеру, до области функционирования социальных служб или благотворительной деятельности, а границы политической сферы — до проблем государственного строительства или управления. Очевидно, что подобное противопоставление более чем условно, поскольку социальная защита и благотворительность напрямую связаны с политической сферой, являясь предметом ведения социальной политики, и, следовательно, неотделимы от задач государственного строительства и управления.

В целом для современной политики и для науки, изучающей политику, характерен поиск единых подходов к решению социальных и политических проблем. Так, в основы законодательства многих стран, в том числе и в текст Конституции Российской Федерации, включен важный принцип, органично объединяющий понятия «социальное» и «политическое» — это положение о *социальном государстве*, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Концепция социального государства, принятая версия которой заимствована из современной западной теоретической социологии и политологии, имеет множество вариантов и противоречивых интерпретаций, что требует, конечно, не беглого упоминания, а детального анализа. Дискуссии о природе социального государства не только позволяют лучше понять роль полити-

¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. Учебное пособие для студентов-политологов. М., 2002. С. 17–18.

ческих идей в процессе государственного строительства, но и оценить политическую ситуацию в современной России, перспективы устойчивого развития нашей страны в условиях глобализирующегося мира.

В-третьих, взаимопроникновение политического и социального — это результат развития множества традиционных и новообразованных социально-политических наук, дополняющих друг друга в стремлении создать целостную картину социального мира.

Аргументом против сделанного вывода, на первый взгляд, может служить принятое сегодня достаточно жесткое разграничение социологии и политологии как специализированных областей знания. Но *специализация* в сфере научного знания и *автономизация* наук являются проявлением общей тенденции, характерной для становления системы наук о природе и обществе. Под автономизацией наук здесь понимается достаточно высокая степень их обособления, что является закономерным следствием лавинообразного роста объемов поступающей информации, которая остается мало доступной или вовсе не доступной без ее селекции и систематизации по отраслевому принципу.

К обособлению ведет и постоянное совершенствование методов и специальных технологий, эффективных только в рамках узконаправленных исследований. Внешне эта направленность развития проявляется в создании научных журналов, ориентированных на сравнительно узкую аудиторию и в соответствующей «профориентации» на всех этапах подготовки и переподготовки научных и преподавательских кадров. По мере усиления этих тенденций можно уже говорить об *институционализации* (иногда этот же термин пишется иначе: «*институализация*») новых научных дисциплин, то есть о формальном признании со стороны научного сообщества их самостоятельного статуса среди других наук, что свидетельствует об их становлении в качестве социального института. Науки, которые уже стали достаточно обособленными и отвечают вышеназванным требованиям, называют, соответственно, *институционализированными*. Но «разветвление» специализированного знания ведет не столько к самоизоляции и отчуждению, сколько к осознанию потребности в междисциплинарном синтезе. Это напоминает крону дерева: бесчисленные новые ветви и побеги потому и получают право на жизнь, что сохраняется общая корневая система.

Проблемное поле политологии и социологии

Анализ механизмов «размножения» и автономизации политических наук позволяет выявить две разнонаправленные тенденции. Первая тенденция — это постоянно углубляющаяся дифференциация объектно-предметного поля уже институционализированных наук (в данном случае — разделение политологии и социологии) и вторая — расширение проблемного поля единой науки.

Объектно-предметным полем науки (или ее объектной и предметной областью) называют все то, на что направлен научный интерес ученых (то есть предметы, ставшие объектами познания), а проблемным полем науки — весь комплекс теоретических и практических задач, которые требуют для своего решения использования научных методов. Чтобы лучше понять, чем проблемное поле науки отличается от объектно-предметного, можно воспользоваться простой аналогией и сопоставить природную и политическую карты Земли. Если для географическо-климатической карты, к примеру, не суть важно, где проходят или когда-то проходили государственные границы, но исключительно важно выделить характерные особенности местности (речная сеть, горные массивы, климатические зоны и т.п.), то для политической картографии несравненно важнее зафиксировать собственно политические разграничения. Здесь в центре внимания находятся линии устоявшихся или спорных границ, зоны и векторы политического влияния одних стран на другие (так называемые зоны национальных интересов), уровень независимости (суверенности) государств, «болевы́е точки» отдельных политических регионов — очаги конфликтов, границы военных блоков и экономических межгосударственных союзов. При этом, внимательно вглядываясь даже в самую далекую от политики — природную — карту планеты, начинаешь замечать следы политических разделений и последствия политических решений, способных изменить не только условия жизни в отдельных регионах планеты, но и сам климат. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, которые легко заметит глаз эколога или биолога. Среди подобных фактов можно указать, к примеру, на масштабные процессы наступающего опустынивания колоссальных территорий Земли, ставшие расплатой за интенсивное освоение и деградацию природных регионов, и грандиозные ирригационные системы, строительство и функциониро-

вание которых лучше, чем любая политическая карта, свидетельствует о существовании мощных и обширных государственных образований.

Заметные климатические изменения свидетельствуют о направленности геополитических процессов и, в частности, об усугубляющемся разделении мира на Север (так политологи называют группу стран, прибирающих к своим рукам основные ресурсы планеты) и Юг (к ним относят «неуспешные» страны, население которых находится на грани выживания, хотя некоторые из них являются «энергетическими донорами» государств-лидеров). Эти изменения связывают с так называемым тепловым эффектом, несущим миру невиданные прежде разрушения, угрозу уничтожения целых культурных миров и кардинальным изменением политической карты, с которой, возможно, навсегда исчезнут многие государства. Столь серьезные риски обусловлены, как считают некоторые специалисты, резким увеличением слива в атмосферу (выбросов) тепловых газов в результате интенсивного экономического роста в развитых странах. Главным виновником глобального теплового загрязнения являются США, потребляющие львиную долю мировых ресурсов и отказывающиеся компенсировать ущерб, наносимый природе планеты.

О разрушительных последствиях политических ошибок и афер говорят и столетиями не заживающие раны, нанесенные Земле в результате войн. Надолго сохранятся, например, следы серии экологических катастроф на территории бывшей Югославии после так называемой «гуманитарной интервенции», превратившей этот уникальный природный регион в зону неутраченных межэтнических конфликтов. Впрочем, иногда приходится сталкиваться с фактами, свидетельствующими о позитивном влиянии на природу социально-экономических катастроф и даже войн. Так, распад СССР и некогда единой экономической системы привел к тотальному разрушению производственного потенциала, невосполнимым социальным и культурным потерям, но на какое-то время положительно отразился на состоянии биосистем. Не менее показательно и обилие сохранившихся видов и подвидов живых существ, обязанных своим выживанием затянувшимся межгосударственным и межэтническим конфликтам (зоны отчуждения между враждебно настроенными племенами и государствами, в том числе и огромные минные поля, оставшиеся после войн, на-

долго остаются недоступными для освоения, что сохраняет флору и фауну).

Но если природная карта многое говорит политологам, то даже самая, казалось бы, схематичная политическая карта также может многое рассказать о природных особенностях регионов. «Политкартографы» не в состоянии абстрагироваться ни от контуров континентов, ни от речных сетей и горных цепей, поскольку именно здесь скрыты глубинные причины, объясняющие направленность этногенеза, зарождение и становление государств, типы межцивилизационных контактов. Да и у политического передела мира, который продолжается с новой силой в эпоху глобализации, например у процессов европейской политической интеграции, есть границы, в том числе границы географические и климатические. Задачи у картографов-естествоиспытателей и картографов-политологов, конечно, не совпадают, но Земля у всех одна, общая. Похожим образом обстоит дело и с разграничением социального и политологического в процессе научного познания и политической деятельности: социальные и социологические проблемы перерастают в политические и политологические, а те, в свою очередь, не могут быть решены, если забыть об их социальных аспектах и отказаться от методов социологических исследований.

Условием успешного решения многих теоретических и практических, в том числе и политических проблем служит преодоление любых научно-отраслевых барьеров, открытость для междисциплинарных исследований. Это не мешает увидеть и нечто общее, например, далеко не случайный характер возникновения дисциплинарных границ, глубинную связь между отдельными проблемами и специализированными областями знания, на поле которых проблемы зарождаются и формулируются. История науки подтверждает это предположение, примером чему может служить взаимоотношение социологии как комплекса быстро развивающихся дисциплин (социология труда, социология личности, социология культуры и т.п.) и еще более динамичной области — собственно политических наук (политическая психология и философия политики, политическая аксиология и т.п.).

Прогрессирующая специализация привела к результату, который следовало ожидать: с одной стороны, к возникновению *социологии политики*, и, с другой стороны, к развитию *политической социологии*... Только человек, лишенный юмора, не заметит того,

с какой иронией сама наука демонстрирует условность границ, посредством которых ученые выделяют свои «делянки» — объектные и предметные области *состоявшихся*, то есть обособившихся дисциплин. Ставшее сегодня почти традиционным разделение социологии и политических наук возникло в середине девятнадцатого века, и этим мы обязаны Огюсту Конт — мыслителю, без которого невозможно представить становление социального знания. Специализируясь в области политических наук, Конт ввел в научный оборот новое название для своего учения — «социология», положив начало современной традиции. Почему он придал новый смысл знакомому слову, сконструировал новое понятие? По мнению известного французского политолога (политического социолога) Доминика Кола, это было сделано Контом для того, чтобы выделить собственную концепцию из числа других наук и продемонстрировать тем самым свою решимость «порвать с предыдущими веками». При этом Кола считает, что задачи политической социологии и политологии во многом пересекаются или совпадают, поскольку «анализ отношений между политикой, которую в первом приближении можно назвать властными отношениями, и другими видами общественной практики и социальными институтами является, очевидно, важной задачей формирования основ политической науки»¹.

Пример Конта, на который мы сослались, был далеко не первым и не единственным в истории науки и культуры. Дело в том, что подавляющее большинство ученых стремятся использовать любую возможность, чтобы сказать *свое слово в науке*. А самый «простой», на первый взгляд, и эффектный способ сделать это — попытаться не только самому кардинально переосмыслить какое-то общеупотребимое слово или широко используемое научное понятие, но и заставить других людей принять это новое значение. В идеале это изобретенное значение будут считать своим (не забывая имени автора и его теории) не одни лишь представители научного сообщества, но все носители языка и даже цивилизованное человечество. Любой человек, получивший хотя бы очень среднее образование, где бы он ни жил и кем бы ни был по национальной принадлежности или политической ориентации, легко соединит в уме понятие «атом» с именем Демокрита, а термин «вещь-в-себе-и-для-себя» с учением Канта.

¹ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 3.

Естественно, что огромное количество философов и политологов сделало все, от них зависящее, чтобы на свой лад интерпретировать, а еще лучше — полностью переосмыслить само понятие «политика».

Предметная область политики и политологии как науки

Как бы ни различались подходы к определению политики, почти во всех случаях в политологии во главу угла все-таки ставится вопрос о власти и роли государства в ее распределении. М. Вебер отмечает, что в основе политики лежит стремление к оказанию влияния на распределение власти между государствами или внутри государства. Р. Арон различает всего два основных пути проявления политики — это политика тех, кто сосредоточил в своих руках власть и ее осуществляет, и политика тех, кто властью не обладает и хочет ею завладеть. По сути, все сходятся на том, что политику можно рассматривать как особую науку — *науку властвовать и подчиняться*. Под наукой в данном случае понимают не теоретическое знание или, во всяком случае, не только и не столько теоретическое знание, сколько то, что в обиходе называют «наукой жить» или «житейской мудростью», подразумевая по этим накопление опыта, соответствующих навыков, умений, рецептурных знаний. Именно этим (еще «далеким от истины» и требующим углубленного «рассмотрения первичного образования предметов») определением политики начинает Аристотель книгу первую своего трактата «Политика»: «государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки — политики»¹.

Из сказанного можно сделать некоторые предварительные выводы о том, что является предметом политологии. Но этого явно недостаточно. При более внимательном анализе возникает ряд методологических затруднений, требующих углубленного историко-философского и междисциплинарного анализа. Политолог-профессионал не должен уходить от этой проблематики, поскольку философия — это именно та среда, где зародилась и живет полити-

¹ Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 376.

ческая мысль. С самого начала остановимся на некоторых затруднениях (проблемах) более подробно, чтобы избежать примитивизма и школярства при изучении политики. В политологии, как и в политике, нельзя верить на слово: слишком сильно здесь влияние разнонаправленных интересов, слишком велика опасность скрытого манипулирования сознанием, слишком трудно поддаются проверке на истинность политические решения и доктрины. Поэтому каждому гражданину, а тем более политологу, важно оставить за собой право на критический подход ко всему тому, что нам предлагают просто запомнить, принять как очевидность и данность.

Так что же непонятого или тем более спорного содержится в простом суждении «политология — наука о политике и политиках»? Почему по этому поводу дискутируют ученые? Сама постановка вопроса о предмете любой науки требует филигранной философской и общей культуры, терпимости к непохожему мнению и широкой эрудиции, поскольку здесь открывается множество проблем из различных сфер знания и практической деятельности.

Философский, а точнее, философско-эпистемологический анализ предмета политологии дает возможность *договориться о понятиях* и сверить собственные позиции с подходами великих мыслителей прошлого, которые детально проработали проблему становления предметной области знания в ее эпистемологическом аспекте. Немаловажно и то обстоятельство, что все крупные политологи не только хорошо владели и владеют этими источниками (образование и профессионализм обязывают знать основы своей науки), но и были вынуждены определить свое отношение к позициям классиков. Даже среди самых критически настроенных политологов-теоретиков вряд ли кто-нибудь рискнет навлечь на себя насмешки коллег, продемонстрировав неуважение к философской традиции. Такое неуважение обычно свидетельствует не столько о самобытности дарования, сколько о серьезных пробелах в образованности.

Из сказанного можно сделать два предварительных вывода:

— *во-первых*, изучение политологии целесообразно совмещать с углубленным штудированием философского наследия (по этой причине в ряде университетов мира будущие политологи получают, прежде всего, фундаментальное философское образование, а в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова

политологическое отделение было создано именно на философском факультете);

– во-вторых, сколь бы ни различались политологические концепции и сколь бы несовместимыми они ни представлялись, у тех из них, которые имеют право называться научными, есть общая философская основа, что сохраняет преемственность и дает основания как для сопоставительного анализа, так и для возникновения новых идей и политологических концепций из многообразия уже сформулированных прежде позиций.

Относительно предмета каждой науки и политологии, в том числе, мы должны сначала ответить на два вопроса: *существует ли такой предмет в действительности или является плодом воображения и что он собой представляет?* Эти вопросы были в общем виде сформулированы еще Платоном, который в диалоге «Политик» сравнивал политику как *государственное искусство* с искусством строителя и ремесленника, с заботами по управлению домом: строительные искусства и все ремесла обладают знанием, как бы *вросшим в дела*, и, таким образом, они создают вещи, которых раньше не существовало. На этом основании Платон различает два вида знаний — *практическое и познавательное*. При этом политическое знание, питающее и практику (деятельность политиков), и теорию (научный поиск), являет собой единство обоих начал: «...для всего, что мы сейчас рассматриваем, по-видимому, есть единое знание: назовут ли его искусством царствовать, государственным искусством или искусством домоуправления — нам нет никакой разницы»¹.

Итак, существует ли предмет политологии в действительности или является плодом воображения? Этот вопрос, получивший наиболее глубокое и развернутое осмысление в трудах Гегеля, по его словам, не вызывает особых затруднений в *обыкновенных науках*, но становится центральным в науках о человеке и обществе. Приведем две цитаты из первого тома гегелевской «Эстетики», где, по нашему мнению, наиболее просто и вместе с тем убедительно объясняется данная проблема. «Могло бы даже показаться смешным, — пишет Гегель в самом начале исследования, — если бы кто-нибудь потребовал, чтобы в астрономии и физике доказывалось, что существуют солнце, звезды, магнетические явления

¹ Платон. Политик // Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 2. С. 12.

и т. д. В этих науках, имеющих дело с чувственно наличными явлениями, предметы берутся из внешнего опыта, и, вместо того чтобы *доказывать* их существование, считается достаточным *указать* на них. Однако уже в пределах нефилософских дисциплин могут возникать сомнения относительно существования их предметов. Так, например, в психологии, учении о духе, может возникнуть сомнение, *существует* ли дух, душа, то есть отличная от материального, самостоятельная субъективность; в теологии может возникнуть сомнение, *существует* ли *бог*¹. (Данное суждение Гегеля следует дополнить тем фактом, что именно в области естественных наук впоследствии, по мере расширения их предметной области, вопрос о реальности предмета познания перешел в число важнейших методологических проблем науки.)

Второй вопрос решается Гегелем следующим образом: предмет науки — это не только фрагмент реального мира или мира наших идей, но еще и идеальное по форме *содержание нашего сознания*.

Остановимся на этой позиции подробнее, поскольку в ней скрыто явное противоречие. Если следовать ходу рассуждений Гегеля, даже реальный предмет, становясь предметом науки, превращается в нечто идеальное, существующее лишь в сознании. Но разве между реальностью и сознанием нет различий? Это противоречие Гегель разрешает двумя связанными между собой способами: он предлагает собственную философскую систему, открывающую всеобщую логику развития, а в рамках своей философской системы специально исследует логику становления научного знания. Рассмотрим в самом общем виде ход его рассуждений.

Во-первых, Гегель как основатель нового учения, призванного стать энциклопедией всех знаний о мире, рассматривает этот мир в его историческом становлении и эволюции как самопознание мирового духа. Эта эволюция прослеживается в неживой и живой природе, в направленности развития социальных и политических процессов и институтов, а также в развитии идей, в том числе правовых и политических. По словам Гегеля, «конкретные идеи, народные духи, имеют свою истину и назначение в конкретной идее, которая есть абсолютная всеобщность, — в мировом духе; вокруг его трона они стоят как свершители его осуществления и

¹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М., 1968. Т. 1. С. 29–30.

как свидетели и краса его славы»¹. Независимо от того, принимаем ли мы или отвергаем объективно-идеалистическую и (или) религиозную основу учения о мировом духе, нельзя не признать за гегелевской логикой колоссальный эвристический (познавательный) потенциал, без которого невозможно представить теперь историю научной мысли.

Во-вторых, Гегель выступает в качестве методолога науки (его методологические идеи можно рассматривать как в связи с учением о мировом духе, так и совершенно независимо от «большой теории») и убедительно доказывает, что человеческое познание, абстрагируясь от объекта, и конструирует свой *внутренний предмет*, как бы замещающий в сознании человека реальность. При этом сознание не только не отрывается от этой реальности, но, напротив, проникает в самую сущность познаваемых предметов, вскрывая их внутреннюю связь и логику развития. Продолжая свою мысль, Гегель пишет: «Кажется, если предметы носят субъективный характер, то есть существуют лишь в духе, а не как внешние чувственные объекты, то мы знаем, что в духе имеется лишь то, что он произвел своей деятельностью... Именно это сомнение, существует ли вообще предмет нашего представления и созерцания, не порождает ли субъективное сознание его в себе случайно и соответствует ли произведенный им предмет тому, как он существует в его в-себе-и-для-себя-бытии, — это сомнение как раз и вызывает в человеке высшую научную потребность показать или доказать предмет согласно его необходимости, даже если нам представляется, что он существует или имеется перед нами. Это доказательство, проведенное с подлинно научной строгостью, одновременно дает ответ и на вопрос о том, что такое тот или иной предмет»².

Большинство выдающихся профессиональных политологов-теоретиков опиралось и опирается в своих построениях на достижения немецкой классической философии и, в частности, на гегелевский философский анализ проблемы предмета науки. Если для «теоретиков» отношение к философской классике в целом и гегелевскому учению в частности не подвержено внешним влияниям и потому устойчиво (это основа основ их деятельности), то для по-

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 347.

² Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М., 1968. Т. 1. С. 30.

литологов другой профессиональной ориентации, связанных с обслуживанием реальной политики, это отношение прямо связано с оценкой политической значимости того или иного классика. Приведем несколько примеров из творчества крупных ученых, каждый из которых может считаться основоположником собственного направления в политической науке. Так, один из ведущих политологов современной Франции Жан-Франсуа Лиотар, следуя гегелевской логике, подчеркивает, что именно в вопросе о предмете науки открывается *родство предметов науки и политики*. По его мнению, «вопрос об объекте и предмете политологии сразу погружает нас в ее проблематику, где грань между теорией и реальной жизнью размыта до такой степени, что далеко не всегда удается определить, о чем идет речь — о политике как объекте познания или о познании как об объекте политики»¹.

Выдающийся немецкий социолог и политолог Карл Манхейм, который стоял у истоков социологии знания, в вопросе об обществе как о предмете научного знания также использовал гегелевский подход. При этом он специально подчеркивал значимость такого подхода для становления социальных наук в целом и политологии в частности, крайне негативно оценивая отношение к гегелевскому наследию своего молодого коллеги английского политолога Карла Раймунда Поппера, и как многие именитые западные политологи середины сороковых — начала 50-х гг. XX в., был убежден, что метод историцизма, берущий начало в немецкой классической философии и, прежде всего, в учении Гегеля, играет регрессивную роль в науке, искажая не только предмет политологии, но и цели самой политики. «Политическая порочность» этого метода заключена, по мнению Поппера, в том, что он направляет научный поиск на открытие якобы объективно существующих законов социального и политического развития, а само это допущение служит идеологической основой и оправданием тоталитарных режимов, которые обосновывают свою легитимность ссылкой на эти законы. Из этого следует, что именно историцизм Гегеля породил и утопическую доктрину Карла Маркса, и все наиболее опасные течения политической мысли XX в. Попперу принадлежат даже высказывания, возлагающие часть ответственности за рождение национал-социализма на историцизм Гегеля... Как видим, отвле-

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 29.

ченная философская мысль и реальная политика, от которой зависят судьбы миллионов, пересекаются самым неожиданным образом.

Манхейм придерживался принципиально иной позиции и в оценке великого гегелевского наследия, и в понимании предмета и функций политического знания. По его мнению, отказ от этого наследия под предлогом его «политической опасности и реакционности» куда более опасен и реакционен, так как ведет к вырождению науки о политике и самой политики. На вопрос о том, «какое отношение имеет Гегель к нашему современнику?» Манхейм отвечает предельно лаконично и убедительно: «Именно Гегель создал модель структурного подхода к предмету, именно он подготовил мышление последующих социологов истории и гуманитариев к восприятию исторических явлений в едином, всеобъемлющем контексте»¹. А ложная интерпретация некоторых последователей гегелевского учения, в том числе и Маркса, которая свела его учение об эволюции Абсолютного Духа к социальной истории политических идей, была чужда мышлению Гегеля. Согласно собственной позиции Манхейма, разделение объектов научного анализа в социологии и политологии на реальные социальные процессы и мир идей не означает наличия в реальном мире двух объективно существующих реальностей: «В конечном счете, дуализм действительности, разделенной на царство идей и царство социальных отношений, царство вещей, должен вылиться в целостный взгляд на первоначальную природу человеческой реальности»².

Вымысел или умысел: подлинные и «виртуальные» предметы политики и политологии

Наиболее неожиданное применение гегелевской интерпретации предмета политологии (еще более оно было бы неожиданным и, думается, неприемлемым для самого Гегеля) было предложено в рамках концепции *символической власти* и *символического капитала*. Эта концепция возникла в 70-х гг. ушедшего века и получила сегодня чрезвычайно широкое распространение в политологии

¹ Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000. С. 62.

² Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000. С. 24.

наших дней. По мнению одного из создателей этого учения французского философа Пьера Бурдьё, назвавшего свою теорию *конструктивистским структурализмом*, политика — это не только создание, конструирование социальной реальности (позиция, близкая гегелевской) но и навязывание этой сконструированной реальности общественному сознанию. Бурдьё выделяет три основных типа социальной (политической) власти, относя к первому типу обладание *экономическим капиталом* в различных его формах, ко второму — *культурным капиталом* и к третьему — *символическим капиталом*, в роли которого могут выступать все виды капитала. От того, кто и каким капиталом владеет, зависит положение отдельных людей и групп (субъектов политики) в *социальном пространстве*.

Из этих, казалось бы, сугубо теоретических и отвлеченных рассуждений, идущих от философии Канта и Гегеля, Бурдьё делает неожиданный практический вывод, который принципиально меняет представление и о природе политики, и обо всей политической структуре современного общества. По его мнению, известное выражение «формирование рабочего класса» следует понимать буквально, а не так, как его интерпретируют, например, марксисты, имея в виду закономерный процесс смены общественно-экономических формаций, который приводит в эпоху капитализма к становлению пролетариата — «могильщика капитала». Рабочий класс, согласно теории символической власти, представляет собой не что иное, как *артефакт*, то есть не реальный факт, а факт искусственный, сфабрикованный — нечто, созданное *политиками* специально для того, чтобы бороться за власть. Благодаря этому изобретению у политиков появляется совершенно новый ресурс — они выступают уже не от себя лично (кто они такие, чтобы с ними считаться?), а от имени целого восходящего класса. Кроме того, они ищут и находят поддержку у тех, кто идентифицирует себя с этой изобретенной общностью. Благодаря политической пропаганде огромное количество людей, которые никогда не встречались и даже не догадывались о существовании друг друга, узнали из политической доктрины, ставшей их достоянием, что они представляют собой единую мировую общность — *самый передовой класс*, которому должна принадлежать вся полнота власти не только в собственной стране, но и в мире. Из той же доктрины узнали они и о *своей* исторической миссии, заключающейся в полном

уничтожении частной собственности и самого государства, стоящего на страже интересов собственников.

От большевиков, апологетов марксизма, которые привнесли в него не только свою энергию, но и немало новшеств (К. Маркс, как известно, очень дорожил чистотой созданного им учения и потому весьма настороженно относился к марксистам, особенно к русским), российские рабочие в начале двадцатого века почерпнули знания о своем высшем предназначении. Они узнали также, что для осуществления этой миссии им необходимо доверять не царю и правительству и служить не Богу и отечеству, а авангарду пролетариата — большевистской партии. Но партия не производит идеи, а лишь проводит их в жизнь. Поэтому партию, а с нею и всех пролетариев должны вести за собой учителя и вожди мирового пролетариата, пониманию которых доступны объективные законы социального развития и его заветная цель — всемирная революция и построение бесклассового общества. И если подобная сверхконцентрация власти больше похожа на диктатуру, чем на власть народа, то это означает лишь одно: пролетарская диктатура и есть высшая форма демократии. Легко ли было простым труженникам, не владевшим ни собственностью, ни знаниями, ни властью, устоять перед обещанной им ролью мирового гегемона, перед возможностью взять в свои руки *всю* власть? Легко ли было им не поверить лозунгу: «кто был ничем, тот станет всем»? Именно так политические идеи находили и находят своих потенциальных носителей и адептов.

Очевидно, что политические доктрины — созидательные или разрушительные, — овладев массами, не менее действенны, чем вековые политические институты, которые, как показывает история, не выдерживают натиска идей. По этой причине, по мысли Бурдьё, в *предмет* науки, изучающей политику, должна входить не только реальность, но и ее восприятие, которое навязывается людям теми, кто имеет власть над их умами. Таким образом, чисто символическая власть, *навязывающая* обществу определенные представления, на самом деле оказывается не чем иным, как вполне реальной «политической властью, которая способна создавать новые группы, манипулировать объективной структурой общества»¹.

¹ Bourdieu P. Choses dites. P., 1987. P. 147.

Логика рассуждений, которую демонстрирует Бурдье, представляется весьма убедительной и продуктивной. Но у нее есть, как минимум, три серьезных методологических порока.

Первый порок или, скажем корректней, особенность концепции Бурдье заключается в том, что его теория не только открывает механизмы политического мифотворчества, но и глубоко скрывает эти механизмы. В частности, она обнажает технологию приобретения власти через превращение сконструированных в воображении объектов в реальную политическую силу, которую ее «конструкторы» используют для превращения своей концепции в господствующую политическую доктрину и для собственного восхождения на волне *индоктринации* (индоктринацией обычно называют «поглощение» и усвоение доктрин массовым сознанием). Но, обнажая природу захвата власти с использованием символического капитала, эта же теория уводит исследователя от подлинной природы социального расслоения, в том числе и от теории классов. Классовая теория, хотя и «скомпрометировала» себя в глазах сторонников демократии как весьма опасная и радикальная политическая доктрина, остается вполне конкурентоспособной научной теорией, не утратившей способности выявлять экономические причины социального неравенства. Как бы мы ни поддавались очень глубоким рассуждениям о «виртуальном характере» классов, достаточно вспомнить кровавую историю классовых столкновений, чтобы понять, что такие «фантомы», как политические классы, могут быть куда реальнее, чем та реальность, которая не требует доказательств своего существования.

Второй порок концепции Бурдье проявляется в том, что ее автор и сам начинает верить в осуществимость в полное и окончательное преодоление «символического иллюзионизма», маскирующего «рыночную правду» любых человеческих отношений. Эта оценка концепции Бурдье принадлежит одному из самых самобытных политологов современной России Александру Сергеевичу Панарину, который внес значительный вклад в критическое осмысление и развитие теории символического капитала. По мнению Панарина, «вся добуржуазная многотысячелетняя история отношений, равно как и вся реальность современных внеэкономических отношений, рассматривается Бурдье как психоаналитическая уловка извечного инстинкта стяжательности, несправедливо «репрессированного» в

прошлом, но сегодня идущего к своей полной и окончательной легитимизации»¹.

Третий порок представляется не менее существенным. Его можно определить как отсутствие «методологических тормозов», то есть сколько-нибудь убедительных обоснований, не позволяющих подвергнуть сомнению подлинность самой политики и ее институтов, в том числе и наиважнейших, какими являются государство и гражданское общество. Еще легче, воспользовавшись теорией символической власти, объявить пустыми фантомами все те ценности, которыми дорожит современное общество — демократию, социальные завоевания и гарантии, любые проявления культуры².

Институциональный аспект становления философии политики

Среди множества подходов к постановке вопроса о статусе той или иной научной дисциплины и, соответственно, о механизмах ее институционализации, можно выделить два основных. Первый

¹ См.: *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. Гл. 3.

² Эту завораживающую, но нигилистическую по сути перспективу лучше других, пожалуй, нарисовал Хорхе Луис Борхес в небольшой новелле «Утопия усталого человека», где автор повествует о своем визите в будущее. Приведем только маленький фрагмент его диалога с человеком, живущим в «постполитическом завтра»: «В моем любопытном прошлом, — пишет Борхес о нашем времени, мысленно переступив порог этого «завтра», — господствовал дикий предрассудок: считалось позором не знать обо всех тех событиях, что ежедневно происходили, с утра и до вечера. Планета была заполнена призрачными сообществами: Канада, Бразилия, Швейцарское Конго и Общий рынок. Почти никто не знал предыстории этих платонических образований, но зато был прекрасен, в мельчайших деталях знаком с конгрессом учителей, о причинах разрыва дипломатических отношений и о президентских посланиях, составленных секретарями секретарей с той мудрой расплывчатостью формулировок, что была присуща этому жанру. ... Послов и министров возили, словно калек, в длинных ревущих автомобилях...». На вопрос о том, что же произошло с правительствами, собеседник из будущего отвечает: «Постепенно они начали выходить из употребления. Ими назначались выборы, объявлялись войны,.. и никто на земле их не читл. Пресса перестала публиковать их декларации и изображения. Политикам пришлось подыскивать достойные занятия: одни стали хорошими комиками, другие хорошими знахарями...» (См.: *Борхес Х.Л.* Утопия усталого человека // *Борхес Х.Л.* Коллекция. СПб., 1992).

подход — административно-корпоративный. Здесь доминирует установка на целесообразность и эффективность той или иной модели управления образовательными и (или) исследовательскими учреждениями и центрами, а также программами и проектами. Второй — собственно философско-методологический, позволяющий либо предварить, либо обосновать *ad hoc* административное, а иногда и сугубо политическое решение, предопределившее судьбу научных школ (научная политика, а тем более организация научных исследований и образовательных программ в области политологии — составная часть самой политики).

Сочетание этих подходов, установок и принципов характерно для истории становления политических наук в целом и во многом объясняет выбор моделей институционализации политологических школ в США и Европе в середине и второй половине прошлого века. Здесь же кроется и подлинная причина не вполне определенного статуса философии политики — дисциплины, которая на фоне ускоренного и хорошо организованного «политологического бума» конца 50–70-х гг. с явно выраженной установкой на компаративистские исследовательские проекты долго не могла получить «права гражданства». И это понятно, поскольку философия политики делала своим предметом не «механику» и «технологии» осуществления власти (когда вопрос о ее оправдании незаметно подменяется дискуссией о выборе и совершенствовании конкурирующих моделей демократического правления), а само *право на власть* и «священное знание» политических элит. Неслучайно, думается, в русском языке элиты точно называются знатью (знать — персонифицированная власть, т. е. лица и семьи, *знающие*, где находятся ресурсы власти, как функционируют ее механизмы и «приводные ремни», в чем заключаются правила политической игры и риски игроков).

Философия политики — научная и вузовская дисциплина, которая не только занимает свое признанное место в системе философских и политических наук, но и является важным звеном мирового культурного наследия, о чем чаще всего забывают даже представители научного сообщества, рассуждая о «местоположении» этой дисциплины в системе философских, социальных и политических наук. Для того чтобы получить полноценное, объемное представление о предметной области, эвристическом потенциале и функциях философии политики, важно не ограничи-

ваться рамками новейшей истории, хотя это важнейший этап институционализации политических наук, хотя именно в новейшее время можно детально проследить смену представлений о статусе философии политики. К примеру, требуют описания и осмысления «взлеты и падения» интереса к предмету — от попыток полностью исключить эту область знания из узкого круга «подлинно научных» объектов политологии, очерченного адептами бихевиористских школ, до постмодернистского (и особенно «постпостмодернистского») ренессанса философско-политологической проблематики. Ключ к пониманию специфики предмета этой науки на всех стадиях ее институционализации — методологическая установка на изучение межцивилизационных контактов в современном мире и особых механизмов наследования античной философско-политической культуры в каждой из национальных культур (в каждом из культурно-исторических типов, составивших блок самобытных цивилизаций, сохранившихся к началу третьего тысячелетия).

«Восстановление в правах» философии политики и пробуждение интереса к качественному анализу политических феноменов — закономерная реакция на грубую политическую индоктринацию науки, идеологическую зафрахтованность научного сообщества и некритическое перенесение естественнонаучных методов на сферу политики и политологии.

В отечественной политологии, имеющей слишком короткую собственную историю, чтобы можно было с полным основанием говорить о существовании сложившихся оригинальных школ, эта «подвешенность» новой дисциплины особенно заметна. Она проявляется, в частности, в сосуществовании (синонимии) или своеобразной конкуренции различных версий еще не устоявшегося названия самой научной и вузовской дисциплины («философия политики» и «политическая философия»), а также в попытках построить на словесной игре некую теорию, позволяющую, по мнению ряда авторов, по-новому увидеть архитектуру политических наук. Но такой подход может представлять интерес только в одном случае — если он помогает в рамках отдельного исследования решить или хотя бы поставить какую-то новую методологическую проблему, выходящую за пределы «ведомственных» споров о распределении «научных делянок». Чаще всего такие споры, возникающие время от времени в академической среде, обычно

провоцируются введением новых административно-управленческих схем или образовательных стандартов, затрагивающих интересы отдельных групп в рамках научного сообщества.

Миссия философии политики в нынешнем состоянии этой дисциплины и всего философско-политического наследия заключена как в сохранении исторической преемственности, так и в производстве смыслов (эта функция философского знания была удачно названа Ж. Делезом и Ф. Гваттари концептотворящей деятельностью). В этом же контексте следует рассматривать и *воспроизводство самих наследников*, которым доступно наследие, то есть общение с мыслителями прошлого как с современниками. Такая связь «сквозь времена» делает современниками не только носителей одной культуры, идентифицирующих себя с нею, но и представителей разных эпох и культур. Она становится возможной благодаря как минимум двум обстоятельствам — приобщению потенциальных наследников к концептотворящей деятельности, природа которой остается неизменной со сменой эпох, и тому факту, что концепты, произведенные философией, «всегда несли и несут на себе личную подпись: аристотелевская субстанция, декартовское *cogito*, лейбницианская монада, кантовское априори, шеллингианская потенция, бергсоновская длительность...»¹.

Философия политики представляет собой одновременно и особую область знаний, включенных (встроенных) в процесс политической деятельности, и их «теоретического двойника» — знаний на стыке гуманитарии, социальных наук и правосознания на его теоретическом уровне (правовые доктрины) и уровне «бытовом» (обычное право). Никто не сможет провести явную границу между политической реальностью и философской идеей, заложенной в политическую доктрину, по той простой причине, что эта идея, зачастую скрытая за оболочкой господствующей политической доктрины, способна кардинально преобразовать мировые политические системы. Более того, она может до неузнаваемости изменить всю политическую карту мира, сам образ мысли и образ жизни миллионов людей.

Мысленное пространство философии политики не имеет и сколько-нибудь четких географических, культурных и временных границ: к какой изолированной национальной культуре или эпохе

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб., 2008. С. 18.

можно «приписать», к примеру, античную философию, насквозь пронизанную политической проблематикой и пронизывающую историю почти всех народов мира? Правда, со временем было почти полностью утрачено отношение к реальной политике как к высшему проявлению человеческого гения и «строительной науке», благодаря которой только и возможно народосбережение (сбережение граждан и народов) и природосбережение. Со временем в обиход вошло иное отношение, выраженное формулой «политика — грязное дело». Это клише до такой степени прочно вошло в узус мировых языков, что сегодня трудно представить, насколько сильным и глубоким было чувство уважения к политике и насколько сильно был развит «гражданский инстинкт» у мыслителей древней Эллады, направляющий все их помыслы.

«Осколком» этого ушедшего мира и по сей день остается странство философии политики, где царят свои законы, один из которых — открытая конкуренция вечных идей, доминирующая над конкуренцией людей и преходящих групповых интересов. Здесь всегда востребована свобода мысли, совершенно не характерная для институализированных и автономизированных научных дисциплин, каждая из которых имеет достаточно жесткий аксиоматический и парадигмальный фундамент. Эта свобода трудно совместима также и с правом, дорожащим четко очерченной системой догматов. Но труднее всего она соединяется с политической деятельностью, проникающей во все поры социальной жизни, но тщательно обособленной и скрытой от посторонних глаз, когда речь заходит о «политической кухне», где производятся не только политические решения назревших проблем, но и новые проблемы, не имеющие разумного решения.

Однако несвобода политики и политиков от политических «инвесторов», «ресурсов» и конъюнктуры не исключает потребности в свободе маневра, недостижимой при несвободе мысли. Именно философское мышление с его постоянной готовностью поставить под сомнение любую аксиому или догму, любое правило, концептуальную схему или алгоритм поведения придает политике энергию развития и возвращает политикам потерянный смысл деятельности на публичном поприще. Именно в этой пограничной области практического и теоретического знания с момента возникновения философии и политики зарождались, получали развитие и распространение политические идеи, теории, доктрины и

идеологии, способные изменять политическую жизнь общества. Более того, сама философская и политическая мысль в историческом плане так же неразрывны, как неразрывны теория и практика политического строительства. Различия в политических системах разных стран и разных времен во многом объясняются конкуренцией идей. Философия политики детально раскрывает скрытые механизмы превращения этих идей в «кровь и плоть политики», то есть в институциональные факты.

И — в заключение — что дает курс «Философия политики» студентам?

1. Существенный вклад в профессиональную компетентность выпускников (почти все известные философы с момента возникновения философского знания уделяли должное внимание проблемам философии политики, а следовательно, пробелы в этой сфере — признак неполноценной профессиональной подготовки).

2. Навыки экспертно-аналитической работы.

3. Повышение общей политической культуры.

4. Широкие возможности для специализации и самостоятельной научной работы (в Европе самые большие тиражи научной литературы — по философским проблемам политики и геополитики).

5. Возможности для расширения профессионального горизонта для тех, кто специализируется по другим философским дисциплинам (в курсе «Философия политики» специальные разделы посвящены политической онтологии и эпистемологии, политической аксиологии и праксиологии).

6. Новые перспективы для будущей трудовой деятельности, поскольку сфера профессиональной политики нуждается в огромном количестве специалистов самого широкого профиля, но особенно востребованы «системщики» — люди, обладающие развитым креативным мышлением и высокой эрудицией.

7. Курс философии политики выполняет функцию «противоядия» от политической индоктринации, т. е. от «заражения» политическими идеологиями, поскольку открывает тщательно скрытые от «профанов» (граждан) механизмы манипулирования.

Е.Н. Моцелков

История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX — нач. XX в.)

В начале XIX в. в Российской империи начинает формироваться система университетского образования. Наряду с Московским университетом, основанным в 1755 г., в 1804–1805 гг. открываются еще два университета — Казанский и Харьковский¹.

В 1804 г. учреждается Университетский устав, в котором впервые устанавливается единая для всех российских университетов структура факультетов, кафедр и основных учебных курсов.

Одной из ключевых гуманитарных дисциплин российского университетского образования с самых начальных стадий ее формирования следует признать **историю философии права**, которая на протяжении ста лет (с начала XIX по начало XX в.) в своем развитии проходит целый ряд этапов.

I

На начальных этапах становления истории философии права в российских университетах содержание учебных курсов во многом опиралось на труды западноевропейских (главным образом — германских) авторов.

Существует подробный обзор мировой литературы по истории философии права, который составил выдающийся государствовед XIX в. П.Г. Редкин. Из этого обзора следует, что первые сочинения, в которых, по мнению Редкина, «зарождается история философии права», появляются в самом конце XVII — в первые деся-

¹ Кроме этих университетов в начале XIX в. в прибалтийских окраинах Российской империи существовало еще два университета — Дерптский (с 1802 г., современный г. Тарту, Эстония) и Виленский (с 1803 по 1832 гг. в г. Вильна, современный г. Вильнюс, Литва).

тилетия XVIII вв. Авторами этих сочинений были Буддей, Людовици, Томазий, Вернгер, Рейнгард, Барбейрак, Глазер. Во второй половине XVIII — начале XIX в. Редкин отмечает сочинения Шауссена, Гебауэра, Гюбнера, Гарран-де-Кулона, Кондорсе, Велькерома. Особо Редкиным выделяется сочинение берлинского профессора Раумера «Историческое развитие понятий права, государства и политики», которое вышло двумя изданиями в 1826 и 1832 гг. Кроме этого, называются работы Штала «Философия права через исторический взгляд» (1838) и Вернкёнига «История философии права, начиная с Гуго Гроция» (1839). И — как «самое основательное сочинение» — отмечаются трехтомная книга Бусса и Геппа «История и система государственной науки» (1839), а также вышедшее в 1842 г. сочинение Росбаха «Периоды истории философии права»¹. В конце своего обзора в виде небольшого списка Редкин выделяет «главнейшие строго-систематические сочинения по истории философии права». Примечательно, что третьим в этом списке (после Штала и Вернкёнига) Редкин указывает труды русского ученого Невалина².

Действительно, уже во второй половине 30-х гг. XIX в. в университете Святого Владимира в Киеве профессор **К.А. Невалин** первым в России составил и прочитал курс по истории философии права. В 1839–1840 гг. в Киеве этот курс был опубликован в виде двухтомника под названием «Энциклопедия законоведения»³.

Для нас наиболее интересен второй том этого труда — «История философии законодательства». Здесь Невалин систематизирует в рамках очень продолжительного исторического периода от Древнего мира до начала XIX в. многочисленные идеи и концепции в области права и политики, считая их в совокупности самостоятельной наукой под названием — «философия законодательства».

¹ См.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 325–335.

² См.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 334–335.

³ Второе издание сочинения Невалина вышло в свет в Петербурге в 1857 г. Современное переиздание труда Невалина вышло в Петербурге в 1997 г. В.П. Мещерский, вспоминая преподавательскую деятельность Невалина в Училище правоведения в 1855–1857 гг., пишет: «Он преподавал нам историю законодательства и энциклопедию законоведения, для которой изданная им книга славилась в Германии чуть ли не более, чем у нас». См.: Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 32.

В Петербурге в конце 30-х — начале 40-х гг. курс с изложением исторической эволюции политико-правовых идей читает **П.Д. Калмыков**. В 1845 г. этот курс издается (в рукописном виде) под названием «Историческая часть энциклопедии законоведения», в котором он выделяет два направления. Первое (практическое), по его представлениям, находит свое отражение «в положительных законах и учреждениях», второе (теоретическое) — «в литературных сочинениях мыслителей»¹.

Калмыков отмечает, что по содержанию его курс относится ко второму, теоретическому направлению, которое в немецкой традиции называется историей философии права.

Другим важным достижением в области исторического изучения политико-правовых учений в России этого периода следует считать лекции **Н.И. Пилянкевича**, которые читались им в Киевском университете во второй половине 40-х гг. XIX в.², но опубликованы были только в 1870 г. (хотя первая неудачная попытка их опубликования относится к 1849 г.). Несмотря на то, что этот курс был во многом построен на заимствованиях немецких и французских сочинений конца 20-х — начала 40-х гг. XIX в., он признается достаточно полной и удачной систематизацией политико-правовых учений от древности до Нового времени, от Платона и Аристотеля до Гегеля, содержащей анализ основных европейских школ и течений.

В печатном виде курс Пилянкевича вышел в свет в 1870 г., т. е. в то время, когда были опубликованы и другие, более зрелые труды по данной проблематике, но для слушателей университета Святого Владимира они прозвучали, а значит, и были включены в интеллектуальную жизнь уже во второй половине 40-х гг.³ Поэтому в контексте творческой эволюции историко-политических идей в России XIX в. курс Пилянкевича должен быть поставлен сразу вслед за курсами Неволлина и Калмыкова.

¹ См.: *Калмыков П.Д.* Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб., 1845. С. 3.

² В 1844 г. К.А. Неволлин был переведен в Петербургский университет и оставшуюся после этого вакантной кафедру юридической энциклопедии университета Св. Владимира в 1846 г. занял Н.И. Пилянкевич.

³ Здесь уместно привести одну любопытную реплику Н.М. Коркунова: «Развитию науки способствуют не одни печатные труды, но в равной, а у нас, пожалуй, еще в большей степени и университетские курсы». См.: *Сборник государственных знаний.* СПб., 1877. Т. III. С. 23.

В числе первых отечественных исследований по истории политических учений следует назвать оригинальный (и достаточно объемный) труд профессора Харьковского университета **А. Стоянова** «Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия» (1862), в котором автор предпринимает достаточно подробный и солидный обзор множества учений и направлений в юридической и политической науке Западной Европы в период с XII по XVIII вв.

Кардинальные сдвиги в преподавании истории философии права происходят после введения Университетского устава 1863 г. В соответствии с этим уставом на юридических факультетах образовывалась *кафедра энциклопедии права*, в задачу которой входило чтение двух основных курсов: 1) *энциклопедия юридических и политических наук* и 2) **история философии права**¹.

Закономерно в связи с этим, что на начальные периоды действия Устава 1863 г. приходится формирование и чтение наиболее фундаментальных курсов по истории философии права — курсы Б.Н. Чичерина (в Московском университете) и П.Г. Редкина (в Петербургском университете). В 1869 г. выходит в свет первый том (впоследствии пятитомной) «Истории политических учений» **Б.Н. Чичерина**. В основу этого издания были положены лекции ученого, которые читались им в начале 60-х гг. в Московском университете. До 1877 года вышло в свет четыре тома, в которых Чичериным проводится подробный анализ политических учений от первых мыслителей Античности до политических теорий немецких идеалистов XIX века².

У современников мы можем встретить самые различные (в том числе и резко отрицательные) оценки труда Чичерина. Но бесспорно одно: по широте охвата персоналий (больше 70) и направлений политико-правовой мысли этот труд, несомненно, является наиболее солидным и фундаментальным не только для второй половины XIX в., но и для всей дореволюционной науки как в России, так и за рубежом³.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Отд. 1. Т. 38. С. 623.

² Пятый, заключительный том труда Чичерина вышел в свет в 1902 г.

³ При этом в современном формате на сегодняшний день переиздан только первый том труда Чичерина (СПб., 2006).

Практически в те же годы, что и Чичерин, но только в Петербургском университете аналогичный лекционный курс начинает читать **П.Г. Редкин**. В 1866 г. в Петербурге слушателями лекций Редкина было составлено и выпущено рукописное издание «История философии права»¹, в котором кратко излагались основные разделы его курса. Позднее в 1889–1891 гг. начальные главы этих лекций (политическая мысль Античности) в развернутом виде были опубликованы в многотомном издании под названием «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще»².

Изучение исторической эволюции идей и концепций о государстве, власти, праве в 60–70-е годы становится отдельным учебным и научным предметом. Появляются разные названия этого предмета, среди них наиболее принятые — «история философии права» и «история политических учений». Эти названия, в частности, и нашли свое отражение в двух наиболее выдающихся курсах этого периода — курсах Чичерина и Редкина.

Различие в названиях по сути одного и того же курса связано было не столько с тем, что содержательно или даже концептуально они отличались друг от друга, сколько с влиянием на эту ситуацию правительственной политики в области образования. Суть этой политики состояла в стремлении самодержавного правительства исключить понятия «политика», «политическое» из названий учебных курсов и кафедр, за чем скрывалось более серьезное намерение подменить анализ и преподавание существующих многоплановых политико-правовых явлений и процессов изучением статичных правовых форм или философских конструкций. Не случайно именно курс Чичерина называется «История политических учений»³, поскольку в период написания

¹ Эту книгу П.Г. Редкина (правда, в рукописном формате) следует признать первым изданием в России, которое имело название «История философии права» (1866). В печатном варианте таким изданием стала книга Н.И. Пилянкевича (1870).

² Редкин планировал это издание в составе 14 томов, но в свет вышло только семь. Издатели седьмого тома в предисловии упоминают о том, что лекции Редкина по средневековой, новой и новейшей истории философии права сохранились и готовы к опубликованию. Но осуществить издание этих томов ни тогда, ни позднее так и не удалось.

³ Есть все основания полагать, что именно Чичерин ввел в 1869 г. в научное обращение (не только в России, но и на Западе) сам термин «**история политиче-**

и издания первой части его автор был в опале, не преподавал в университете и был в этом смысле достаточно свободен, тогда как Редкин, являющийся действующим университетским профессором, не мог игнорировать официальные формулировки.

Похоже, эти названия имели условный, внешний характер. Не случайно Чичерин, например, уже через много лет после опубликования первого тома своей «Истории», упоминая свою теорию о циклическом чередовании четырех школ в общественной мысли, и совершенно определенно имея в виду свою «Историю политических учений», говорит уже об «истории философии права»¹³.

Примечателен в этом плане опыт Демидовского юридического лица в Ярославле. С 1872 по 1874 гг. в составе дисциплины «энциклопедия права» здесь читался курс истории философии права (П.Е. Астафьев). Устав училища 1874 г. эту дисциплину из числа изучаемых исключил. Но в 1886 г. она опять была восстановлена, однако уже под названием «История политических учений» (читал Е.Н. Трубецкой). В начале XX в. дисциплине было возвращено название «История философии права» (читали Ф.В. Тарановский и Б.А. Кистяковский)¹⁴.

В 1884 г. выходит новый (и последний в дореволюционной истории) Университетский устав. В соответствии с ним на юридических факультетах университетов¹⁵ образовывается 12 кафедр, сре-

ских учений». Во всяком случае, в подробнейшем обзоре мировой литературы по истории философии права и государствоведению, который составил Редкин в 1-м томе «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще» (а в его компетентности в этом вопросе вряд ли можно сомневаться), в названиях указанных трудов такого термина нет. Наряду с наиболее распространенными словосочетаниями «*история философии права*» и «*история наук о государстве*», встречаются, например, такие — «*историческое развитие понятий о праве, государстве и политике*» у Раумера (1826), «*история политической литературы*» у Блэки (1855). См.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 316–351.

Понятия «*история политических учений*», «*история политических теорий*», «*история политических идей*» стали появляться в названиях работ западных авторов только в конце XIX в. (Ф. Поллок, Г. Кох, А. Мишель).

¹³ Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 35.

¹⁴ См.: Имени Демидова. Ярославский университет в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1995. С.121.

¹⁵ В конце XIX века в Российской империи (без Финляндии) было 9 университетов — Московский (1755), Юрьевский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Петербургский (1819), Св. Владимира в Киеве (1834), Варшавский (рус-

ди них **кафедра энциклопедии права и истории философии права**¹⁶.

Официальное закрепление истории философии права как самостоятельной учебной дисциплины и включение этого понятия в название одной из университетских кафедр дает толчок к появлению в конце XIX — начале XX вв. в России достаточно большой серии учебников и учебных пособий с одноименным названием.

Учебные курсы и труды по истории философии права, появившиеся в конце XIX — начале XX вв., можно разделить на три категории: *первая* — это общие учебники и учебные пособия, охватывающие эволюцию политико-правовых идей от Античности до современности; *вторая* — работы, в которых исторические рамки материала охватывали период Нового времени, когда и разрабатываются наиболее фундаментальные идеи и концепции политико-правовой науки; и *третья категория* — это работы, посвященные анализу политико-правовых идей определенного исторического периода или конкретной персоналии.

К *первой категории* следует (в хронологическом порядке) отнести следующие труды: «Краткий очерк истории философии права» **Н. Потапова** (Киев, 1890); «Очерки истории философии права» **С.А. Бершадского** (СПб., 1892); «Историю философии права» **Н.М. Коркунова** (1896)¹⁷; сокращенный вариант вышедших 4 томов «Истории политических учений» **Б.Н. Чичерина** под названием «Политические мыслители древнего и нового мира» (М., 1897); «Лекции истории философии права» **В.Ф. Залесского** (Казань, 1902); «Историю философии права» **Г.Ф. Шершеневича**, которая вышла в 4 выпусках, сначала в Казани в 1904–1905 гг., а затем в 1907 г. в Петербурге¹⁸; вышедший в Харькове в 1907 г. «Курс истории философии права» **К.Н. Яроша**; вышедшее в

ский, 1862–1915), Новороссийский в Одессе (1865) и Томский (1878). До 1917 г. было открыто еще 2 университета: Саратовский (1909) и Ростовский (1915 — на базе переведенного из Варшавы русского университета).

¹⁶ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 92 29 августа 1884 г. С. 1704. Впервые словосочетание «история философии права» вносится в название одной из университетских кафедр.

¹⁷ В 1915 г. вышло 6-е издание данного труда Н.М. Коркунова, но современное его издания, к сожалению, до сих пор нет.

¹⁸ Данный труд, наряду с курсом Коркунова, относился к числу наиболее популярных университетских учебников конца XIX — начала XX вв.

1908–1912 гг. в Харькове в нескольких выпусках (некоторые из них имели повторные издания) учебное пособие **А.Н. Фатеева** под названием «История общих учений о праве и государстве».

Следует также отметить, что на основе крупных работ по общей истории философии права создаются конспективные учебно-методические пособия: в 1900 г. студентом Петербургского университета *П.Я. Лефевром* был составлен и издан «Повторительный курс истории философии права (По курсам профессоров Н.М. Коркунова, С.А. Бершадского, Зверева, Гейера и др.)», в 1908 г. в Петербурге выходит пособие *Е. Владимирова* «Существенные черты истории философии права. Составлено по университетской программе, преимущественно, по курсу проф. Н. Коркунова», а в 1910 г. в Одессе учебное пособие *Яворского Н.Д.* «История философии права. Краткий курс, составленный применительно к университетской программе». Выходили и другие подобные пособия¹⁹.

Ко *второй категории* работ российских ученых конца XIX — начала XX в. следует отнести ряд учебных пособий по истории философии права, которые охватывали не весь исторический контекст от древности до современности, а только период Нового и Новейшего времени. В их числе стоит выделить следующие: курс по истории философии права Нового времени **Е.Н. Трубецкого** (первая часть впервые была опубликована в Киеве в 1893 г.²⁰); лекции по истории философии права **П.И. Новгородцева**, которые впервые были изданы литографическим способом в 1897 г. в Москве, а затем переиздавались под разными названиями и в различных составах (наиболее полный вариант 1908–1910 гг.); курс

¹⁹ Дореволюционную традицию историко-политологических исследований продолжили ряд авторов, которым удалось после 1917 г. выпустить в свет несколько книг: *Спекторский Е.В.* Пособие к лекциям по истории философии права. Киев, 1918; *Ладыженский А.М.* Общественно-политические идеалы древнего мира, средних веков и нового времени. Харьков, 1919; *Бошко В.И.* Очерки развития правовой мысли. М., 1925; *Рейснер М.А.* История политических учений. Т. 1. М., 1929. На этом серьезные исследования в области истории политических учений в нашей стране прерываются на два десятилетия, пока в конце 40-х гг. в СССР не начали разрабатываться курсы «Истории политических и правовых учений» применительно к нуждам юридического образования.

²⁰ Данный курс Е.Н. Трубецкой начал читать в Демидовском юридическом лицее в 1886 г., затем продолжил — в университете Св. Владимира в Киеве и в Московском университете. Курс публиковался частями в 1893–1899 гг.

лекций по истории политических учений Нового времени **М.М. Ковалевского** (СПб., 1911, литографическое издание).

К *третьей категории* работ российских историков политико-правовых учений следует отнести исследования, посвященные анализу политических учений определенного исторического периода (страны) или конкретной персоналии.

Подобные работы начали появляться еще в 60-е гг. Достаточно в этой связи назвать книгу **Жуковского Ю.Г.** «Политические и общественные теории XVI века». (СПб., 1866).

В рассматриваемой категории трудов историко-политологического характера необходимо выделить одну работу, посвященную анализу политических воззрений конкретного мыслителя. Речь идет о монографии **А.С. Алексева** «Макиавелли как политический мыслитель» (1880). В ней наряду с многогранным анализом взглядов Макиавелли дается по существу научная модель изучения и интерпретации творчества отдельных политических мыслителей и политических школ. Данная модель включает в себя три ступени анализа: сначала дается систематическое изложение политического учения мыслителя путем последовательного выделения его наиболее важных положений и выводов; затем раскрываются политические и социальные условия, при которых складываются воззрения рассматриваемого ученого; и наконец, показывается место ученого в истории политических учений, для чего анализируется система взаимовлияний идей ученого и его предшественников (современников), а также последователей.

Уже на примере двух рассмотренных выше работ видно, что данные исследования отличались от общих учебных курсов по истории философии права более широким и углубленным применением различных сравнительных и аналитических подходов. Эти подходы были развиты и в ряде других работ подобного рода. Для примера можно выделить большой очерк **А.С. Яценко** под названием «Политические учения в Англии в XVIII веке и в начале XIX века» (М., 1912) и книгу **Кузнецова К.А.** «Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.)» (Владивосток, 1913).

Кроме специальной литературы по истории философии права (истории политических учений) в конце XIX — начале XX в. в России выходит большое число трудов, в состав которых включались обширные обзорно-аналитические разделы по указанной проблематике. В числе этих трудов стоит назвать «Указ и закон»

(1894) Н.М. Коркунова, «Русское государственное право» (1897) А.С. Алексеева, «Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение» (1903) Н.Н. Палиенко, «Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства» (1904–1907) А.Н. Фатеева, «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1902) П.И. Новгородцева, «От прямого народопрямства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений» (1906) М.М. Ковалевского, «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» (1900–1902) А.С. Лаппо-Данилевского, «Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века» (1916) В.Э. Вальденберга и др.

Представленный краткий обзор трудов и учебных курсов по истории философии права (истории политических учений) свидетельствует о том, что к концу XIX в. в России сформировался ряд университетских школ по данной учебно-научной дисциплине: школа Московского университета (*М.М. Ковалевский, П.Н. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич*), школа Петербургского университета (*С.А. Бершадский, Н.М. Коркунов*), школа Казанского университета (*В.Ф. Залесский*), школа Харьковского университета (*К.Н. Ярош, А.Н. Фатеев*).

К этому необходимо добавить, что преподавание истории политических учений (истории философии права) как отдельно, так и в рамках курса государственного права в конце XIX века проводилось в Варшавском университете (*А.Л. Блок*), в Новороссийском университете в Одессе (*К.А. Кузнецов*), в Демидовском (Ярославском) юридическом лицее (*Е.Н. Трубецкой, Б.А. Кистяковский*)²¹.

К концу XIX века российские школы истории философии права по своему научному уровню не уступали достижениям западной науки. Подтверждением такому выводу может стать, например, рекомендательный список литературы по истории философии права, составленный Шершеневичем во втором издании своей «Истории философии права» (СПб., 1907). Данный список, кстати,

²¹ Более подробный персональный состав университетских школ государственного права в XIX — начале XX вв. в России (См.: *Корф С.А.* Русское государственное право. Ч. I. М., 1915. С. 12).

Шершеневич предваряет характерным замечанием о том, что по сравнению с зарубежными источниками «русская литература по истории философии права представляется довольно богатой»²².

В этот список (16 авторов) Шершеневич включает 8 трудов российских ученых: *К.А. Неволин*. История философии законодательства (1839); *Н.И. Пилянкевич*. История философии права (1870); *Б.Н. Чичерин*. История политических учений. Т. 1 (1869); *С.А. Бершадский*. Очерки по истории философии права. Вып. 1 (1892); *Н.М. Коркунов*. История философии права (1895); *В.Ф. Залесский*. Лекции по истории философии права (1900); *П.Н. Новгородцев*. Из лекций по истории философии права. Учения нового времени XVI–XVIII вв. (1904); *М.М. Ковалевский*. От прямого народовластия к представительному от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений: В 3 т. (1906)²³.

Подытоживая исторический обзор становления истории философии права (истории политических учений) в России в XIX — начале XX в., можно выделить три основных этапа.

Первый: 30-е гг. XIX в. — 1863 г. Появление первых отдельных курсов и трудов по истории политических учений (истории философии права), начало преподавания этой дисциплины или отдельных ее фрагментов в университетах (как правило, в рамках юридического образования).

Второй: 1863–1884 гг. История философии права (история политических учений) преподается как обязательная дисциплина на юридических факультетах университетов, входит в название одной из кафедр. Выходят фундаментальные учебники по данной дисциплине (Чичерин, Коркунов) и ряд научных исследований по различным аспектам и проблемам данной дисциплины.

Третий: 1884–1917 гг. Понятие «история философии права» включается в название одной из университетских кафедр юридического факультета. Выходит большое количество общих и специальных трудов и учебных курсов по истории философии права (истории политических учений). Исследования отечественных ученых в данной области по своему научному уровню не уступают достижениям западной науки.

²² См.: Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 26.

²³ См.: Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 26–27.

II

Важной характеристикой отечественных исследований XIX—начала XX в. в области истории философии права (истории политических учений) является то, что в них обзорная часть органично дополняется аналитической, концептуальной, где в центре внимания находилась проблема «объект-предметного поля»²⁴.

Первые подходы к определению предмета дисциплины, изучающей историческую эволюцию политических и правовых знаний, содержатся в курсах Неволлина и Калмыкова. Если Неволлин обращает внимание на непрерывность и преемственность развития «философских систем»²⁵, то Калмыков прямо формулирует предмет «исторической энциклопедии законоведения», суть которого есть «изложение постепенного развития общих, коренных истин права, от первого из обнаруженных до настоящего выражения в современных юридических памятниках вообще». В ходе этого изложения показывается, «как эти истины возникли, совершенствовались, развивались и достигли настоящего значения».

Впервые по-научному к проблеме определения предмета истории политических учений подошел Б.Н. Чичерин. Во введении к своей «Истории политических учений» он дает оригинальную интерпретацию истории политических учений как науки, а также раскрывает внутреннюю природу и конкретное содержание *политического учения* в его исторической эволюции.

²⁴ Во избежание путаницы следует отметить, что современное содержание понятия «предмет науки» (*понимание и объяснение природы определенной совокупности явлений, их взаимосвязей*) в литературе второй половины XIX — начале XX вв. многие обозначили через понятие «задача науки». Тогда как содержание также употребляемого понятия «предмет» в то время фактически отождествлялось с современным содержанием понятия «объект науки» (*определенная совокупность явлений, изучаемых данной наукой*). См., напр.: *Кареев Н.И.* Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Изд. 2-е. Петроград, 1916 Ч. I. Историки. С. 23.

И даже те авторы, которые для обозначения определенной совокупности явлений, изучаемых конкретной наукой, употребляли понятия «объект», все равно для обозначения познавательного-интеграционного функции научной дисциплины использовали термин «задачи науки». См., напр.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1912. Вып. 4. С. 762.

Далее в данном разделе понятия «объект» и «предмет» будут употребляться в современном значении.

²⁵ См.: *Неволлин К.А.* Энциклопедия законоведения. СПб., 1997. С. 112.

Политическое учение, по Чичерину, — это прежде всего учение о государстве²⁶. Но каковы элементы этого государства, какова его структура? Государство, по мнению Чичерина, состоит из четырех взаимосвязанных элементов:

1) общественная *власть* («необходимая общественная сила, подчиняющая себе силы частные»; «она дает обществу бытие, ибо без нее нет единства, нет целого, а есть только разрозненные члены»²⁷);

2) *свобода* (или «*свободное лицо*») «с его правами, с его интересами...»²⁸;

3) *закон* («общие правила, истекающие из разума и налагающие на человека нравственное принуждение или обязанность»²⁹);

4) *общее благо*, которое «состоит именно в гармоническом развитии и соглашении противоположных элементов общежития»³⁰.

Отражение или осмысление каждого из этих элементов государства в политической мысли и обуславливает, по Чичерину, появление тех или иных политических учений и теорий. Но есть ли какой-либо порядок, закономерность в выдвижении на передний план в различные исторические эпохи определенного политического учения? Чичерин ответил на этот вопрос утвердительно: «Внимательное изучение политических теорий, — писал он, — убеждает нас... что все... разнообразие взглядов сводится к некоторым основным группам, которые постоянно повторяются в истории, а исследование самого содержания систем показывает, что эти группы соответствуют основным элементам государственной жизни»³¹. Таким образом, Чичерин пришел к выводу, что «в истории политических учений мы встречаем четыре главные школы, которые возвращаются постоянно, в каждую эпоху развития политической мысли. Эти четыре школы можно назвать: общежительную, нравственную, индивидуальную, идеальную»³².

Уточняя свою теорию, Чичерин предостерегал от упрощенного его понимания в смысле буквального циклического повторения

²⁶ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 5.

²⁷ Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 6.

²⁸ Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 7.

²⁹ Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 7.

³⁰ Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 7.

³¹ Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 4.

³² Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 8.

политических идей в мировой истории. Как истинный гегельянец, Чичерин представлял этот циклический процесс в виде восходящей спирали. По его мнению, истинный «закон исторического развития политической мысли» состоит в следующем: «Постоянное повторение в истории одних и тех же учений указывает на присутствие одних и тех же элементов, но не означает совершенного их тождества. Что прежде существовало в зародыше, то в последствии является во всей своей полноте своих определений. Общий закон развития вещей состоит в том, что из первоначального единства выделяются различия, и затем различия опять сводятся к единству»³³. Следует отметить, что, формулируя «закон исторического развития политической мысли», Чичерин видел в нем отражение более «общего закона развития вещей», всемирной истории в целом³⁴. «Человечество, — писал он, — отправляется от первоначального единства, развивает из него противоположные определения и опять сводит их к единству, стремясь к высшей гармонии жизни. История политических учений с поразительной ясностью и в малейших подробностях подтверждает этот закон, который один дает ключ к пониманию всемирной истории, а потому — к разрешению главных вопросов, занимающих человечество»³⁵.

³³ Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 10.

Следует отметить, что примерно за десятилетие до Чичерина к мысли о необходимости выявления универсального в развитии политических наук пришел Д.И. Каченовский. См.: Каченовский Д.И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 18–21.

³⁴ Один из теоретиков истории литературы того времени (дисциплины, по своим задачам во многом родственной и пересекающейся с историей политических учений), В.В. Сиповский так определил предмет своей науки: «Историей литературы мы назовем науку, изучающую... произведения в их генетической и закономерной последовательности... изучающую простые и сложные явления литературной жизни, строящую законы, которыми обусловлено зарождение, создание и судьбы этих явлений». См.: Сиповский В.В. История литературы как науки. СПб., б.г. С. 60.

³⁵ Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869. Ч. I. С. 11.

Здесь нельзя не заметить очевидное совпадение идей двух независимо друг от друга творящих и стоящих по сути на противоположных политических позициях мыслителей XIX в. — Б.Н. Чичерина и К.Н. Леонтьева. Идеи о циклическом развитии политической истории Чичерина мы изложили выше. Теперь мысли Леонтьева: «Что такое процесс развития?.. Этому закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира. И у них очень ясны... три периода: 1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности*, 3) *вторичного смесительного упроще-*

Примерно в то же время, когда Чичерин работал над первым томом своей «Истории политических учений», в Петербургском университете читал лекции по истории философии права П.Г. Редкин, который предложил оригинальное определение предмета своего курса. Отправным моментом для такого определения была его классификация гуманитарного знания и идея взаимосвязи различных гуманитарных наук. Редкин все гуманитарные науки делил на три области: 1) науки юридические и правовые, 2) науки социальные и общественные, 3) науки политические или государственные³⁶.

Все эти три области, по мнению Редкина, тесно связаны между собой, и поэтому особенно важно определить связь между юридическими и политическими науками. Редкин охарактеризовал эту связь следующим образом: «Науки политические или государственные могут в некотором, по крайней мере, отношении иметь и такой обширный смысл, что в их состав входят и науки юридические, ибо право, юридическая жизнь, входят в состав жизни государства вообще, есть одна из сторон жизни государственной, политической. Но никак нельзя сказать и наоборот, чтобы в состав юридических наук входили и политические, ибо в состав юридических наук не входят все стороны государственной жизни»³⁷.

Отсюда и многозначная трактовка Редкиным истории философии права. Эта дисциплина для него есть прежде всего юридическая наука, «хотя и не чисто юридическая, а вместе социальная и политическая»³⁸. Наиболее точное название своего курса Редкин сформулировал следующим образом: «История философии права есть вместе историческая, философская и юридическая, общественная и политическая специальная наука»³⁹. Поэтому «полное и точное название или заглавие наших предстоящих лекций по истории философии права может быть выражено так: *История фи-*

ния». (Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993, С. 68, 75). Идеи Чичерина опубликованы в 1869 г., Леонтьева — в 1875 г.

³⁶ См.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 35–36.

³⁷ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 8–9.

³⁸ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 199.

³⁹ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 235.

лософии права, общества и государства в связи с историей философии вообще»⁴⁰.

Редкин выдвинул идею о том, что историю государственной мысли (теорию государства) можно научно изучать только в единстве социального развития. «Право, — писал он, — необходимо осуществляется в обществе и государстве; немислимо ни право вне общества и государства, ни общество и государство без права»⁴¹. Тем самым наука под сокращенным и условным названием «история философии права» — это история философских теоретических учений и норм о взаимосвязанном и взаимообусловленном развитии правовых, социальных и государственных элементов человеческого бытия.

Курс Редкина, так же как и курс Чичерина, есть научное, систематизированное осмысление всемирной истории человечества на основе изучения базовых, опорных ее элементов: права, общества, государства. Государство здесь выступает как системообразующая, скрепляющая основа, которая позволяет функционировать праву и сохраняет общество как упорядоченную и подчиняющуюся каким-то общим правилам совокупность людей. Исходя из этого, такой науке больше подходит название «политическое учение», если понимать под политикой «науку о целесообразном устройстве и управлении государством»⁴².

В государствоведческой литературе конца XIX — начала XX в. встречаются и работы, специально посвященные проблеме предмета истории политических учений. Автор одной из таких работ А.С. Алексеев предмет истории политических учений (или теорий) определял как совокупность двух важнейших компонентов: 1) закономерность, логическая нить исторического развития политической мысли как всемирный процесс; 2) связь политических теорий и политической истории, «теорий государства в их истори-

⁴⁰ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 203.

⁴¹ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 309.

⁴² Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 67.

Чичерин говорил о том, что в определенном отношении «политика, завершая цикл общественных наук, дает им окончательное и высшее освещение». См.: Чичерин Б.Н. Курс государственных наук. М., 1898. Ч. III. Политика. С. 15.

ческой последовательности» с конкретно-историческими условиями «государственного быта», «с нравственным складом народа», «с экономической обстановкой», с «политической атмосферой», т. е. со всей совокупностью объективных условий, в которых появились эти теории⁴³. Причем связь эта является двусторонней: влияние политической теории на политические порядки и наоборот.

Близко к трактовке А.С. Алексеева предмета истории политических учений (истории философии права) примыкала позиция Е.В. Спекторского. Он считал, что история философии права «как составная часть истории этической философии, входит в историю культуры, именно в историю духовной культуры... Она не может давать простой перечень имен и сочинений с кратким пересказом их содержания. Не может она также давать, так сказать, портретную галерею философов, характеристику их личности и творчества, давать портреты философов, оторванные от окружающей их обстановки и от исторических условий, вызвавших их учения. Она не судит философских учений. Она просто старается понять и объяснить, как и почему в известное время возникли именно данные проблемы, и какова была их позднейшая судьба»⁴⁴.

Другой теоретик истории политических учений — В. Вальденберг, определяя «историю политических учений как такую науку, которая ставит своей целью изучить исторический процесс в развитии учений о задачах государства и о средствах к осуществлению этих задач»⁴⁵, также считал, что для этой науки «идея закономерности», «идея развития по закону причинности» является базовой⁴⁶. Но это исходное положение привело его, тем не менее, к выводу прямо противоположному, чем вывод Алексеева. Вальденберг писал: «Предметом политических учений являются чисто теоретические проблемы, в разрешении которых принимают участие не политические партии и общественные классы, но политические направления и философские

⁴³ См.: *Алексеев А.С.* Задачи и методы истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 465, 471, 475.

⁴⁴ *Спекторский Е.* Пособие к лекциям по истории философии права. Киев, 1918. С.11.

⁴⁵ *Вальденберг В.Э.* История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стлб. 466.

⁴⁶ *Вальденберг В.Э.* История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стлб. 466.

школы, и которые мы рассматриваем вне их связи с какими бы то ни было исторически сложившимися политическими формами и экономическими организациями»⁴⁷. По Вальденбергу, получалось, что история политических учений — это поле чисто умозрительного дискурса, в котором закон причинности действует только между идеями и теориями, не связанными с внешними условиями и обстоятельствами и не зависящими от них⁴⁸.

III

При всем разнообразии трактовок предмета истории философии права (истории политических учений), которые мы находим у российских ученых второй половины XIX — начала XX в., в них просматривается одна общая и принципиально важная мысль — эта дисциплина относится к **интегративному знанию**.

Такой вывод подтверждается приведенными выше формулировками предмета истории философии права (истории политических учений). И хотя в них указанная дисциплина разными авторами включается в состав разных наук, все авторы указывают на невозможность и ограниченность раскрытия и объяснения предмета данной дисциплины только задачами (предметом) этих наук.

Б.Н. Чичерин, например, рассматривая историю политических учений как составную часть гегелевской восходящей спирали движения всемирного исторического разума, указывает при этом, что в данном случае мы имеем дело с исторической эволюцией не

⁴⁷ Вальденберг В.Э. История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стлб. 471.

⁴⁸ Во многих трудах по истории философии права мы находим оригинальные формулировки предмета данной дисциплины. Вот некоторые примеры таких формулировок: (1) «Философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы» (*Шершеневич Г.Ф.* История философии права. Казань, 1904. Вып. 1. С. 20); (2) «История философии права есть исследование причин возникновения тех разнообразных этических теорий, которые послужили основанием современных учений о праве и государстве» (*Бершадский С.А.* Очерки истории философии права. СПб., 1892. Вып. 1. С. 3); (3) «История философии права пытается установить не различия в “материальном” понимании права, а оттенки в “отношении” конкретных исторических эпох к правовой идее — как бы единообразна ни была основная сущность последней... истории философии права... как истории правовых принципов» (*Кузнецов К.А.* История философии права. Античная Греция. Одесса, 1917. С. 8, 9.)

только политических идей и концепций, но и с находящим в них отражением «общего закона развития вещей». Эта теоретическая посылка приводила Чичерина к заключению о том, что «... история политических учений занимает середину между... философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений»⁴⁹. П.Г. Редкин, относя историю философии права к юридической науке, тем не менее указывает, что эту дисциплину следует признать в той же мере относящейся ко всей области социального познания, включая историю, философию и политическую науку.

Авторы же, считающие историю философии права (историю политических учений) составной частью этической философии (напр., Е.В. Спекторский), вместе с тем ставили перед ней более обширные и многоплановые задачи, чем это традиционно делается по отношению к философии⁵⁰. Эти задачи выходили далеко за рамки *сущего*, анализа существующих явлений общественной, политико-государственной жизни, а включали в себя и проблему *должного*, задачу построения идеальных моделей этой жизни.

Итак, предмет истории философии права включает в себя соотношение, взаимосвязь сущего и должного. Но если рефлексия по поводу сущего возможна в рамках отдельных наук (право, политология, история), то рефлексия по поводу должного возможна только при соединении, синтезе этих наук, а также и философии, т. е. как междисциплинарное исследование.

Здесь нужно вспомнить емкую формулировку предмета истории философии права, которую дал Г.Ф. Шершеневич, считавший задачей этой дисциплины изложение последовательного образования представлений о правовом порядке в его сущности и в идеале. Шершеневич не случайно включает в свое строгое и лаконичное определение такое достаточно широкое и размытое понятие «правовой порядок». Это понятие является симбиозом правового и политического, поскольку любой «правовой порядок» (особенно в начале XX в.) возможен, прежде всего, в национально-государственных рамках, где правовая и политическая системы определяют и дополняют друг друга.

⁴⁹ Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 35.

⁵⁰ Как известно, противостояние в позициях по поводу отнесения политико-правовых учений или к юридической, или к философской наукам складывается еще в конце XVIII–XIX в. (Гуго Гроций — Гегель).

Теперь понятно, почему философско-правовая история по сути тождественна истории политических учений⁵¹.

Здесь также уместно акцентировать внимание на ключевом термине «политическое учение», которое ввел в научный оборот Б.Н. Чичерин. «Политическое учение», которое, по Б.Н. Чичерину, является учением о государстве, отличается от «политической идеи» или от «политической концепции» тем, что в реальной истории политических учений всегда соединяются два уровня или идейных пласта — 1) учение о *существующем* государстве с его симбиозом правовых и политических аспектов и функций и 2) критика этого существующего государственного порядка и конструирование порядка лучшего, *идеального*.

В этой связи становится очевидным упрощенный характер современных подходов в определении предмета истории политических учений, в соответствии с которыми происходит прямое перенесение предмета этой науки (политологии) на предмет истории политических учений⁵². В результате такого «перенесения» история политических учений становится «ретроспективной политологией», или совокупностью политических идей и теорий, взятых в их исторической эволюции.

Как показано выше, в трудах отечественных государствоведов XIX — начала XX в. содержится существенно иное представление о предмете истории политических учений (истории философии права). В этом представлении мы находим синтез, по меньшей мере, четырех уровней анализа:

– во-первых, это выявление и изучение развития нормативно-институциональных аспектов функционирования политико-государственных систем (сфера правовой науки);

– во-вторых, это определение и описание тенденций и форм развития политико-государственных институтов и отношений (сфера политической и социальной истории);

⁵¹ Современные юристы не стали вдаваться в эти диалектические сложности и назвали исторический курс очень просто — «История политических и правовых учений».

⁵² В вопросе соотношения предметов политологии и истории политических учений нужно иметь в виду, что в мировой науке существует несколько вариантов определения предмета политической науки. Известные зарубежные систематизаторы гуманитарного знания — Р. Пэнто и М. Гравитц считают, что следует выделять три таких варианта. Для одних предметом политической науки является *государство*, для других — *власть*, для третьих — *политические отношения*. См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 186–187.

– в-третьих, это анализ природы государства, власти, властных отношений, выявление противоречий и механизмов развития (сфера политической науки);

– в-четвертых, это прогнозирование развития политико-государственных систем, построение идеальных форм и моделей для такого развития (сфера философии, философии политики).

Характеризуя предметную область философии права, Шершеневич привел такую метафору: «Философия права... это как бы мост, перекинутый от философии к правоведению»⁵³. Думается, что эту метафору можно употребить и применительно к истории философии права (истории политических учений). Только здесь мост соединяет не два берега, а несколько. В частности, нельзя забывать и о самой исторической науке, с которой и начинается название искомой дисциплины⁵⁴.

Более ста лет назад отечественные государствоведы спроектировали и начали строить этот «мост», но закончить это строительство им тогда, к сожалению, не удалось. Да и по сей день концептуальная интерпретация истории политико-правовых учений как междисциплинарного научного знания, то есть создание **теории этой научной дисциплины (теории истории философии права/истории политических учений)** остается актуальной, но еще не реализованной научной проблемой.

⁵³ Шершеневич Г.Ф. Философия права. М., 1911. Т. I. Часть теоретическая. Общая теория права. С. 26. «Такой постановкою, — считал Шершеневич, — устранивается спорный вопрос, следует ли философию права признавать юридическою наукою или философскою» (Там же).

⁵⁴ В последние 10–15 лет история мысли сформировалась как самостоятельная отрасль исторической науки («интеллектуальная история»). См., напр.: Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12–22.

О.Ю. Бойцова

Политическое познание в XX в.: в поисках образца научного исследования

В истории политической мысли познания двадцатый век занимает особое место. На протяжении всего столетия можно наблюдать ярко выраженную линию сциентизации, нарастающее стремление узаконить науку в качестве единственно легитимной формы постижения политической реальности. В результате ориентация на научность не только приобрела статус ведущей тенденции развития политического познания, но и привела к формированию и институциональному закреплению определенной «нормы познания». Под последней понимается комплекс императивов и ограничений, устанавливающий цели, задачи и приоритеты политической науки.

Следует отметить, что само понимание науки и научности является дискуссионной темой, которой посвящен огромный объем литературы, и споры об их параметрах сегодня составляют одно из актуальных и важных направлений философских исследований. Кроме того, эталоны научного знания менялись в истории — достаточно указать на ее классический, неклассический и постнеклассический образы. Не имея возможности углубляться в обсуждение данной проблемы, отметим, что наука, как правило, определяется как рефлексивное постижение действительности, объясняющее реальный, а не воображаемый мир, и именно в качестве таковой противопоставляется иным формам духовно-практической деятельности. Наука представляет собой «особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире»¹. Таким образом, речь идет о системно выстроенном рациональном знании о налично данном, опирающемся на правила логического вывода и претендующем не просто на описание реальности, но на определение

¹ Степин В.С. Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 560.

существенных признаков изучаемых феноменов, выведение закономерностей и построение на их основе практических рекомендаций и прогнозов. Соответственно, своеобразие политической науки по сравнению с другими формами политического знания заключается в том, что она «ориентирована прежде всего на объяснение происходящих событий в их взаимосвязи друг с другом, на анализ факторов, обуславливающих политическое поведение личностей и организаций. Она формулирует подходы и предпосылки, позволяющие описать в относительно точных терминах, систематизировать и свести в единую, логически непротиворечивую модель разноплановые, кажущиеся внешне не связанными друг с другом явления и процессы, протекающие в политической сфере, оценить различные гипотезы, объясняющие настоящее и прогнозирующие различные варианты будущего»¹.

Было бы ошибочным считать сциентизацию политической мысли порождением XX в. Поиски оптимальной модели политического знания, дискуссии о его природе, целях, задачах, принципах и границах имеют долгую историю. История формирования идеала позитивного знания и переосмысления отношений философии и частных наук хорошо исследована, и вряд ли целесообразно детально анализировать их в данной статье. Тем не менее нельзя обойти вниманием важнейшие следствия этого процесса, повлиявшие на самопонимание политической науки.

К началу двадцатого столетия принципиальные разногласия между оппонентами, занимавшими позиции сциентизма и антисциентизма, были очерчены предельно четко. Суть вопроса заключалась в том, можно ли и нужно ли в познании человека как «существа политического» и его бытия в этом качестве ориентироваться именно на науку как форму получения и фиксации знания и, как следствие, дистанцироваться от философских и идеологических конструкций.

Сциентистский ответ на поставленный вопрос предполагал ориентацию на рациональную форму фиксирования общезначимого, надындивидуального знания, позволяющего эффективно решать теоретические и практические задачи. Понимаемая таким образом наука признавалась не только единственной легитимной

¹Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Основные категории политической науки // Полис. 1996. № 4. С. 161.

объяснительной моделью бытия, но и высшей культурной ценностью. Более того, заложенное в ее сущности стремление к постоянному расширению и углублению знания признавалось главным стимулом социального прогресса и источником эффективных инструментов социальных преобразований. Важнейшим итогом более чем столетних попыток провести демаркацию научного и ненаучного знания в рамках позитивистской традиции стала выработка так называемой стандартной модели науки. Она строилась на признании универсальности познавательных принципов и ориентировалась на уничтожение различия между естественными и социальными науками благодаря максимальной формализации последних. Непременными условиями научности признавались принцип ценностного нейтралитета, ориентация на эффективность и экспериментальную проверяемость, строгость эмпирических исследований и дистанцирование от «абстрактного теоретизирования». Сциентистская эпистемологическая модель оказала огромное влияние на самоидентификацию всех гуманитарных дисциплин, и в первую очередь на политическую науку.

Альтернативный подход находил проявление в понижении статуса позитивистски понимаемой научности, обосновании ее подчиненного положения по сравнению с ценностно-нормативными принципами политического познания, ухода от эмпиризма и утверждения приоритета философского осмысления политики. На рубеже XIX–XX вв. основными оппонентами сциентизма считались «философия жизни», неокантианство и концепция «понимающей социальной науки», в 20–50-е гг. на эту роль претендовала сначала «понимающая социология», затем экзистенциализм и критическая теория Франкфуртской школы.

Антисциентизм в решении проблемы целей, задач, принципов и границ социального познания исходит из противоположной сциентизму посылки, подчеркивая, что общество принципиально отличается от природных явлений тем, что создается и сохраняется благодаря наличию в нем определенных традиций, норм и ценностей. В силу своей уникальности социальное бытие не имеет системного характера и не подчиняется законам. Отсюда следовал вывод о специфичности социального познания. Во-первых, поскольку возможности формализации социальных явлений очень ограничены, постижение общества (и политики, в частности) должно строиться на иной методологической базе, с признанием

приоритета не количественных, а качественных методов. Во-вторых, социальное исследование имеет иные задачи и цели: оно призвано не просто фиксировать налично данное, но также вырабатывать представления о должном, позволяющие человеку ориентироваться в социуме. В-третьих, в процессе познания общественных явлений исследователь выступает как его ангажированный участник, оказывающий влияние и на изучаемую ситуацию, и результаты исследования. В противовес сциентистской ориентации на ценностную нейтральность антисциентизм выдвигает принцип включенности исследователя в жизнь общества. Таким образом, для этого подхода наука является лишь одной из возможных познавательных моделей. В крайних формах антисциентизма выдвигается требование вообще отказаться от науки и связанной с ней техники под лозунгом возврата к традиционным формам постижения мира (религия, миф, искусство), поскольку признается, что наука не только бесполезна для познания человека, но вредна. В более мягких формах предлагаются проекты усовершенствования науки путем актуализации ценностного измерения.

В первой половине двадцатого столетия сциентистские настроения в политической мысли стремительно росли и крепились. Сциентистская модель служила важнейшим нормативным образцом для политической науки. Однако следует признать, что на деле она никогда не была осуществлена в своем «чистом» и наиболее жестком варианте, несмотря на то что и в Европе, и в США не было недостатка ни в трудах, обосновывающих необходимость превращения политического познания в строгую науку, ни в стремлении к соответствующим преобразованиям.

В Европе одна из первых попыток построить политическое познание в соответствии с моделью сциентизма содержится в двухтомном труде Гаэтано Моски (1858–1941) «Основы политической науки» (1886, переиздан 1923). Итальянский мыслитель определял политическую науку как исследование системы политической власти в обществе с целью определить устойчивые тенденции, определяющие ее устройство. В полном соответствии со сциентистской эвристической программой Моска требует освободить политическую науку и основанную на ней политическую деятельность от подчинения умозрительным схемам и мифологическим представлениям, подвести под политическое познание крепкий эмпирический фундамент, придать ее выводам объективный, уни-

версальный, достоверный характер благодаря опоре на факты и исключению всякой субъективности — начиная от личных предпочтений ученого и заканчивая теми идеями, которые носят хронологически или структурно ограниченный характер, т. е. распространены в ту или иную эпоху или разделяются представителями отдельных национальностей или социальных групп. Таким образом, утверждал Моска, политическая наука будет давать реальную картину политического процесса, что позволит осуществлять «научную политику» — т. е. политику, которая строится на достижениях политологии и использует ее достижения в качестве инструмента решения практических проблем¹.

В США исторически первая комплексная теоретико-практическая разработка сциентистской модели политического познания впервые была осуществлена в рамках Чикагской школы политических исследований. Ее основатель Чарльз Эдвард Мерриам (1874–1953) исходил из того, что политическая реальность — срез социальной жизни общества и так же, как и последняя, подчиняется универсальным и объективным законам. Следовательно, их можно вычленивать и подвергнуть рациональной обработке, определив основополагающие элементы политической цивилизации и детерминанты ее развития. В связи с этим политическая наука, полагал Мерриам, «должна основываться на изучении политического процесса, в рамках которого выстраиваются политические институты, а также на описании их внешних черт и деятельности... основных привычек, черт, предрасположенностей индивидов, от которых зависит политическое действие...»². Основная цель подобной ориентации — «заменить мнение достоверными фактами и наблюдаемыми связями, а необоснованные верования — опытом»³, что позволит получить истинное знание о механизмах и детерминантах политических процессов. Следует особо подчеркнуть, что Мерриам не принимал позицию жесткого сциентизма. Мерриам больше склоняется к прагматистскому варианту, что проявляется в

¹ См.: *Mosca G. Elementi di scienza politica*. 1896; *Michels R. Gaetano Mosca und seine Staatstheorien // Schmoller's Jahrbuch*. Munch. Lpz., 1929. Jg. 53. H. 5. S. 111–130.

² *Мерриам Ч.* Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 171.

³ *Мерриам Ч.* Новые аспекты политики. // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 181.

скептическом отношении к идее универсальности методов естественного познания и в акцентировании педагогических функций политической науки. По мнению Мерриама, из дисциплинарной открытости политической науки «...не следует, что методы политики будут сродни методам физики; каждый новый вид исследования должен сформировать свои собственные методы. Рабское подражание не только непродуктивно, но, по сути, может даже нанести вред, о чем свидетельствуют многочисленные неудачи «научной» общественной науки»¹.

Эту позицию разделяли и другие представители Чикагской школы. В одном из наиболее авторитетных проектов политической науки, разработанных на основе взглядов Мерриама Г.Д. Лассуэллом, предпринималась прямая попытка объединения научности политических исследований и политической ангажированности исследователя².

Более жесткую сциентистскую позицию занимал австро-американский исследователь П. Лазарсфельд, ставший одним из ведущих представителей бихевиорализма. В 1929 г., еще преподавая в Венском университете, Лазарсфельд основал Институт прикладных социальных исследований, где разрабатывались методики и техники эмпирической социологии и предпринимались попытки использования ее результатов для решения практических задач³.

¹ Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 178.

² См.: Лассуэлл Г. Как интегрировать науку, мораль и политику // Социально-политические науки. 1990. № 11; Лассуэлл Г. Принцип тройного воздействия: ключ к анализу социальных процессов // Социологические исследования. 1994. № 1; Оберемко О.А. Чикагская традиция и политическая наука Г. Лассуэлла // Социально-политические науки. 1990. № 11; Короткова Н.В. Г.Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука на рубеже веков: Пробл.-темат. сб. / РАН ИНИОН. М., 2000; Короткова Н.В. Разработка Г.Д. Лассуэллом методов политического психоанализа // Социально-политический журнал. 1998. № 4.

³ На основе таких методов, как включенное наблюдение, анализ биографий, замер скорости передвижения и пр., решались многие «мелкотемные» вопросы: как происходит выбор профессии рабочей молодежью, как воздействуют упаковки мыла на потребителей разных социальных страт, кто быстрее передвигается — работающие или безработные и пр. В Вене П. Лазарсфельд, М. Яхода и Г. Зайзель осуществили классический для социологии проект — анализ социальных и психологических последствий безработицы на примере австрийского поселения Мариенталь (1933) (См.: Jahoda M., Lazarsfeld P.F., Zeisel H. Die Arbeitslosen

В результате Лазарсфельд сформулировал четыре методических принципа, играющих роль нормативного образца исследования: (1) для охвата социальной действительности необходимо сочетание качественных и количественных методов; (2) должны быть замерены объективные факты и субъективные установки; (3) современные наблюдения должны быть дополнены историческим материалом; (4) должны применяться как прямые, запланированные, так и скрытые наблюдения за спонтанной жизнью¹.

В бихевиоральный период сциентистская ориентация политической науки стала более жесткой. Ориентация на методологический плюрализм и междисциплинарность исследований имело единственное ограничение: любой из применяемых методов должен подразумевать использование доступных проверке фактов и логических правил вывода. В этих условиях единственным «цементирующим» фактором оказалась сциентистская эпистемологическая модель, регулятивная и директивная роль которой повышалась в течение всего периода. Поставленная Мерриамом задача создания «новой науки о политике» решалась с неиссякаемым энтузиазмом, и главным инструментом в этой эпохальной перестройке политического познания служил бихевиорализм. Именно с этим подходом связывались надежды на торжество принципов научности в политическом знании и в реальной политике, что и вызвало к жизни настоящую «поведенческую революцию» середины XX в.

Однако развертывание политических исследований в рамках бихевиорального подхода, продолжавшееся на протяжении «поведенческой революции», привело к возникновению ряда явлений, негативный потенциал которых обусловил кризис бихевиорализма и необходимость поиска альтернативных путей развития. Важнейшей причиной нарастания нежелательных эффектов стало

von Marienthal. Frankfurt, 1980). Этот проект не строился на какой-то определенной теории — был составлен список вопросов, и каждый ученый пытался ответить на них в ходе «полевых» исследований (в итоге общий вес бумажных документов, фиксирующих полученные данные, превысил 30 кг). Именно за мариентальское исследование Лазарсфельд получил грант фонда Рокфеллера, позволивший ему переехать в США и создать свою научную школу — после получения американского гражданства он вызвал в Штаты из Австрии восемь своих лучших учеников.

¹ См.: *Jahoda M., Lazarsfeld P.F., Zeisel H. Die Arbeitslosen von Marienthal. Frankfurt, 1980.*

внутреннее противоречие бихевиоралистской эпистемологической модели. В результате возник ряд последствий, противоречащих самим принципам указанной модели.

Во-первых, объединение в рамках поведенческих проектов эвристических инструментов различных дисциплин привело и к движению в обратном направлении — к тотальной экспансии бихевиорального подхода. Он нашел применение в самых различных отраслях знания и стал восприниматься как общезначимое средство познания социальной реальности и чуть ли не единственно пригодное для получения истинного знания. Теоретико-методологические принципы бихевиорализма приобрели регламентирующую функцию — именно они лежали в основе определения научно значимых исследований и оценки их результатов. Тем самым бихевиорализм сам оказался в роли макротехники, претендующей на универсальную объяснительную силу и нормативную эпистемологическую значимость, — т. е. теории такого типа, отказ от которой выступает одним из фундаментальных принципов сциентистской модели науки.

Во-вторых, во время «поведенческой революции» бихевиоральные исследования заняли практически монопольное положение в политической науке, сосредоточив научные силы на одном направлении: подавляющая часть ученых оказалась задействована в поведенческих проектах, не говоря уже о лучших специалистах, которых «вербовали» из всех дисциплин. Другие подходы, проблемы, направления оказались не только оттеснены на периферию, но и поставлены в крайне неблагоприятные условия, не способствующие их развитию. Тем самым плюрализм, на котором должна была строиться «позитивная политическая наука», оказался существенным образом ограничен — он сохранял силу лишь на уровне конкретных методик.

В-третьих, несмотря на все усилия по реализации программы создания «новой политической науки», результаты оставляли желать лучшего: вместо консолидированного единого познавательного механизма, направляющего и координирующего усилия специалистов разных направлений, получился набор конкурирующих — или, что даже хуже, — не замечающих друг друга групп, ведущих разрозненные исследования и решающих конкретные мелкие вопросы. Это породило недовольство научного сообщества и усилило сомнения в конституирующих способностях бихевиорализма.

Во второй половине XX в. достигли кульминации и дискуссии о допустимости метатеорий и политической ангажированности политолога. Если в первой половине столетия необходимость философского осмысления проблем политики не оспаривалась, то в середине века задача ограничить политическое познание ценностно-нейтральными эмпирическими исследованиями прикладного характера и, соответственно, вытеснить за рамки политической науки не только философию, но и любую макротеорию была практически «общим местом».

Разочарование и в бихевиорализме с его претензией на «эталонную» научность, и в «жестком» сциентизме, постепенно нарастая, приобрело форму очевидного недовольства к концу 60-х гг. Переломным моментом стало признание неприемлемости принципа ценностной нейтральности в политических исследованиях и необходимости включения ценностно-нормативной проблематики в сферу внимания политической науки¹. Более того, инспирированное сциентизмом смещение научных интересов с нормативно значимых вопросов об основах политики и демократии к вопросам об эмпирически управляемом и политически полезном стало восприниматься как причина кризиса политической науки.

Разгоревшиеся дискуссии о необходимости и допустимости макротеорий в политологии и ценностно-нормативного исследования политики помимо частного итога — легитимизации философского подхода в политическом познании — привели и к более общему выводу. Это был вывод о необходимости пересмотра критериев научности и выработки интегрального понимания политической науки, которое позволило бы сочетать нормативные и эмпирические принципы, ценностный и формальный подходы, фундаментальные и прикладные исследования.

Уже в конце бихевиорального периода начался активный поиск перспективных путей развития политических исследований. При этом ставка делалась на преемственность — поведенческие проекты не отменялись, а дополнялись нормативными аспектами. Возможность такого относительно мягкого перехода к иным тео-

¹ См.: *Истон Д.* Новая революция в политической науке. Текст президентского обращения на 65-м съезде Американской ассоциации политических наук, 1969 г. // Социально-политический журнал. 1993. № 8; *Истон Д.* Будущее постбихевиоральной фазы в политической науке // Политическая наука на рубеже веков. М., 2000.

ретико-методологическим приоритетам была обусловлена многими обстоятельствами. В частности, можно сослаться на то, что в политическом познании — несмотря на все заверения в обратном — ценностный подход не был преодолен. Политическая ангажированность исследователей, влияние которой декларативно исключалось из сферы сугубо научной работы, но ни в коей мере не возбранялась «за пределами лабораторий», проявилась в достаточно жесткой корреляции бихевиорализма с неолиберальной идеологией.

Итак, в последней трети XX в. в западной политической мысли произошли существенные изменения, затронувшие доминирующие представления о «норме познания», заставившие смягчить принцип ценностной нейтральности и ввести в «эталон дисциплины» нормативные вопросы, синтезировать теоретико-методологические установки институционализма и бихевиорализма.

Говоря о кризисе сциентистской модели в политическом познании, нельзя не упомянуть и о роли постмодернизма, который выдвинул принципиально иной подход к пониманию сути политического бытия, целей и задач его постижения. Под сомнение была поставлена легитимность рациональности как таковой, независимо от того, применялась ли она при получении научного знания, для обоснования ценностей или просто как фундамент здравого смысла. В качестве альтернативы был предложен принцип глобального плюрализма, связанный с отказом от признания абсолютными любых авторитетов и ценностей, стремлением к преодолению всех границ и условностей, попыткой выхода за пределы бинарной логики к смысловой многозначности. Тем самым полностью разрушалась нормативная структура научного знания, и политическая наука оказывалась перед серьезнейшим вызовом: решением проблемы дисциплинарной идентичности — проблемы, которая «преследовала» ее на протяжении всего двадцатого столетия. Решение этой болезненной для политической науки проблемы заключается в четком определении проблемного поля, «спецификации» ее эвристических инструментов, выработке понимания своего места среди иных дисциплин. Как уже сказано, данная проблема сохраняла актуальность на протяжении всего столетия, временами то приобретая остроту, то уходя «на задний план».

Интенсивное самопознание политической науки началось на рубеже XIX–XX вв., пик активности этот процесс достиг в период поведенческой революции, что было связано с выработкой единых жестких эпистемологических правил и с созданием исследовательских моделей, выполняющих для научного сообщества функцию образца. В постбихевиоральный период правомерность и польза подобных усилий были поставлены под сомнение, и в результате радикализации этой критики в концепциях постмодернизма и эпистемологического анархизма под вопросом оказались не только сциентистские взгляды на научность, но и право на существование науки как таковой. В этом контексте в политологии произошел переход от критики жесткого сциентизма, завершившей бихевиоральный период, к выработке и поиску новой «нормы познания», в рамках которой легитимировалось существование политической науки как совокупности многих дисциплин и интегрирующей ценностно-нормативный подход и научную объективность, универсализм и плюрализм. Однако и в начале третьего тысячелетия нельзя считать, что вопросы, связанные с дисциплинарным самоопределением политической науки, полностью решены.

Что касается вопроса об определении предметного поля, надо отметить, что политическая наука активно работает над его решением с рубежа XIX–XX вв., с начала эпохи «институционального взрыва» в гуманитарном знании, когда стремление к исследовательской автономии вылилось в активные усилия по размежеванию наук. Еще в первом десятилетии двадцатого столетия к политологии относились как к «новой» науке, не всеми и не всегда признанной. Ведь ее институциональное становление началось позже других социальных наук, и вплоть до Второй мировой войны политические исследования в разных странах были, как правило, «приписаны» к разным наукам, а специалисты — поскольку в большинстве стран не было политологических ассоциаций, — объединялись в рамках исследовательских групп и академических организаций других дисциплин¹.

В 1949–1950 гг. под эгидой ЮНЕСКО был создан ряд международных объединений ученых для того, чтобы структурировать по-

¹ В качестве примера можно привести Венское юридическое общество (Австрия), где политологи составляли меньшинство, или Фабианское общество (Великобритания), в центре внимания которого находились институциональные и экономические процессы, в том числе и в политике.

ле социальных исследований и институционально закрепить итоги дифференциации социального знания, придав статус автономной дисциплины правоведению, социологии, экономической науке и политологии. Это положило конец дискуссиям о самостоятельности политической науки и утвердило ее статус автономной образовательной и исследовательской дисциплины.

Не останавливаясь детально на анализе учредительных документов, все же нельзя не отметить ряд существенных моментов, зафиксированных в конституции Международной ассоциации политической науки. В этом документе, призванном определить основные параметры дисциплины, признавалось единство предмета политической науки, определялись границы проблемного поля и структура политического познания. При этом в методологическом плане размежевания с другими науками не произошло — в перечне методов, используемых политической наукой в своих исследованиях, указаны и исторический, и социологический, и психологический, и статистический, и юридический, и философский¹.

Во второй половине XX в. развитие политической науки, уже на собственной основе, привело к новому витку дискуссий, и особое место в них заняли проблемы структурирования проблемного поля дисциплины. Интерес к «топографии» — вопросы институционализации субдисциплин и, соответственно, раздела между ними общего поля политических исследований² — не специфичен для политологии.

Источником дискуссий здесь служит разрыв между формально закрепленной структурой науки и теми вызовами, которые посту-

¹ Закрепленное в документе употребление термина «политическая наука» в единственном числе в противовес распространенному варианту «политические науки» было официальным признанием того, что все многообразие политических исследований «подведомственно» одной дисциплине, и данная дисциплина имеет предметное единство. В рамках этого предмета конституция выделила четыре исследовательские области: политическая теория и история идей, политические институты, политические организации и международные отношения. См.: *Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949–1999 // International Political Science Association. Dublin, 2000.*

² На протяжении XX в. в разных странах в политической науке выделилось от 5 до 40 субдисциплин, и процесс дробления продолжается. В литературе встречаются утверждения, что на сегодняшний день в политической науке США насчитывается около 100 субдисциплин. См.: *Струнч Д. Структура политической науки // Политическая наука на рубеже веков: Пробл.-темат. сб. / РАН ИНИОН; Отв. ред. вып. Л.Н. Верченев. М., 2000. С. 17.*

пают как от реальной практики, в определенные периоды выходящей на первый план те или иные проблемы, так и от самого процесса познания, в котором интересы исследования размывают институциональные границы. Поскольку логика процесса институционализации дисциплины требует «узаконивания» возникающих исследовательских направлений и вписывания их с существующую структуру (этот процесс будет рассмотрен ниже), постольку тема соотношения субдисциплин не может быть исчерпана. При этом главная опасность кроется в дезинтеграции дисциплины, усиливающейся с нарастанием фрагментации — обособления и институционального закрепления выделившихся сегментов. Нельзя не отметить, что в западной политологии эта угроза была воспринята со всей серьезностью — в 80–90-е гг. литературе появился ряд публикаций алармистского толка, ставящих политической науке неутешительный диагноз¹.

Суть кризиса виделась в тенденции к распаду политологии на множество направлений, не связанных друг с другом ни концептуально, ни методологически, ни терминологически, что неизбежно вело ее к утрате статуса единой автономной дисциплины. Поэтому важнейшим итогом политологических дискуссий о субдисциплинах стало осознание необходимости макротеории, фиксирующей общую научную традицию, вписывающей отдельные отрасли в единое исследовательское поле и определяющей основное направление их развития.

Становление современной структуры политического знания шло по непростой траектории, поскольку его дифференциация сталкивалась с противоположно направленными процессами — активным методологическим и терминологическим заимствованием, микшированием подходов и гибридизацией отраслей. Интересно, что еще в 1975 г. исследователи говорили о крайне низкой степени дифференциации политологии. Так, редакторы книги «Политическая наука: основные направления» Ф.И. Гринстайн и Н.У. Полсби в предисловии к этому изданию поставили следующий диагноз: «Политология как научная дисциплина аморфна и

¹ См., к примеру: *Ricci D.M.* The tragedy of political science. N.H.: Yale univ. press, 1984; *Almond G.* Separate tables: schools and sects in political science // *Almond G.* A discipline divided: schools and sects in political science. Newbury Park, L., New Delhi, 1990.

гетерогенна»¹. Это фиксировало положение, при котором политологическое знание было крайне неоднородным с точки зрения теоретического уровня, не было четкой специализации исследований, не сформировались субдисциплины, не сложилось единого комплекса направлений, разрабатываемых в рамках дисциплины. В течение последующих двадцати лет произошли существенные изменения, которые были зафиксированы в новом обзоре состояния дисциплины — «Политическая наука: новые направления»². Политическая наука, говорится в этом издании, к концу двадцатого столетия приобрела новый облик, «процесс специализации привел к возросшей фрагментации субдисциплин, которые утратили былую аморфность, стали хорошо организованными и обрели большой творческий потенциал»³.

Что же касается интеграционных процессов, возникновения новых взаимосвязей между различными областями знания, то важно подчеркнуть, что в политической науке прочные связи все чаще устанавливались не внутри одной дисциплины, а между отдельными сегментами разных дисциплин — происходил процесс, подобный диффузии, а именно, — взаимопроникновение различных наук, получивший название гибридизации. Данный процесс проявился не только в заимствовании различными дисциплинами друг у друга понятий, теорий и методов, но и в создании новых, гибридных дисциплин — например таких, как политическая география, политическая теория развития или политическая антропология и региональные исследования. По данным исследователей, в конце XX в. все наиболее существенные проблемы, над которыми работают политологи, принадлежали к проблемному полю гибридных дисциплин, и большая часть ученых, занимающих верхние ступени иерархической пирамиды политической науки, работали именно в гибридных субдисциплинах⁴.

¹ Handbook of political science / Ed. by F.I. Greenstein, N.W.Polsby. Reading (Mass.), 1975. P. 1.

² A new handbook of political science / Ed. by R.E. Goodin, H.D. Klingemann. Oxford, 1996; в рус.пер.— Политическая наука: новые направления. М., 1999.

³ *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 113.

⁴ См: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 139.

Рост материала и усложнение структуры знания — общая тенденция, характерная для всех областей научного познания. Она стала причиной того, что на протяжении XX в. и в естественных, и в технических, и в социальных науках утвердился коллективный способ получения знания. При этом деятельность по «добыче истины» все более строилась по принципу производства, что подразумевает разделение функций между участниками процесса, наличие четкой технологии, т. е. набора фиксированных операций в определенной последовательности, контроль над качеством готовой продукции, необходимость получения соответствующих навыков и пр.

Развитие этого производства идет по пути институционализации, суть которой американские исследователи Дж. Мейер и Б. Розн определили как появление формальной структуры, связанное с легитимизацией рационализированных формальных процедур¹. В основе процесса институционализации лежит потребность в эффективной организации исследовательской работы, позволяющей аккумулировать и упорядочить рассредоточенный теоретический и эмпирический материал. В ходе институционализации найденные образцы научного познания организационно закрепляются и приобретают формально-нормативный характер. Институционализация дисциплины связана с формированием определенных организационных структур, которые стимулируют и упорядочивают процесс получения и распространения знания в рамках ее проблемного поля.

В двадцатом столетии этот процесс шел по нескольким основным линиям — это, во-первых, утверждение политологии в академической сфере и, соответственно, создание в учебных учреждениях самостоятельных политологических отделений; во-вторых, формирование специализированных исследовательских центров; в-третьих, выделение политологического сообщества и превращение его в сообщество профессиональное; в-четвертых, консолидация политологического сообщества в рамках национальных и интернациональных научных ассоциаций. Главным направлением выступала академическая институционализация, и прежде всего, — самоутверждение дисциплины в университетах.

¹ См.: *Meyer J.W., Rowan B. Institutional organisations: Formal structure as myth and ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83.*

Организационные структуры, упорядочивающие процесс политического познания, в Европе существовали задолго до XX в. и, как правило, были связаны с академическим процессом. Как известно, базовыми для средневековых университетов были четыре факультета — философский, юридический, теологический и медицинский; изучение политики велось преимущественно на двух из них (философском и юридическом), в очень малой степени проблемы политической сферы затрагивались на теологическом факультете¹. Тем не менее все это были разрозненные «институциональные всплески», мало связанные с современными академическими структурами. В Европе процесс институционализации политических исследований пошел по нарастающей и приобрел необратимый характер лишь начиная со второй половины XIX в., но все же не привел к полноценному организационному оформлению политической науки — хотя политические исследования и получили формальное признание в рамках университетской системы, все же они занимали подчиненное положение по сравнению с правоведением и социологией. В североамериканских университетах институционализация политической науки шла более быстрыми темпами и с большим успехом. В то время как интеллектуальное лидерство в политическом познании вплоть до Первой мировой войны принадлежало Европе, в вопросах организационного становления политической науки приоритетом уже в это время обладали США, где специализированные подразделения по изучению политики возникли уже в первой половине XIX в.

Справедливости ради нужно оговориться, что в качестве дисциплинарного образца брались европейские модели. В частности, программа «обучения политике» Ф. Либера была создана по образцу и подобию германского университетского образования, ориентированного на сравнительные историко-аналитические исследо-

¹ Начало формального обучения политике в университетах и учреждение кафедр по этой специальности относится к XVII в., и произошло это в странах Северной Европы: в 1613 г. первопроходцем выступил Лейденский университет (Нидерланды); в 1622 г. была организована кафедра красноречия и политики в университете Упсалы (Швеция), в 1640 г. — кафедра политики и истории в академии города Або, в то время принадлежавшего Швеции (теперь — в Финляндии). Несколько позже, в 1672 г., при французской Королевской Академии наук была создана «Свободная школа политических наук». Среди ранних организационных форм политологии, возникших за пределами Европы, нужно назвать действовавшее в США в 80-х гг. XVIII в. «Общество политических исследований».

вания. Первая образовательная программа по подготовке дипломированных специалистов в области исторических и политических исследований, стартовавшая в 1876 г. в университете Джона Гопкинса, также представляла собой американскую версию немецкой образовательной программы. «Школа политических наук» Дж. У. Берджесса начала работать в 1880 г. в Колумбийском университете (в то время — колледже) Нью-Йорка, следуя образцу французской школы Бутли. При этом в ней не только велась подготовка специалистов, но и была разработана и внедрена система подготовки научных кадров, проводилась квалификационная аттестация политологов — защита диссертаций и присуждение ученых степеней специалистам в области политических исследований. Позже эта академическая структура оказала влияние на институционализацию политической науки не только в США, но и в Европе. Так или иначе, в США уже к 80-м гг. девятнадцатого столетия преподавание основ политической науки стало повсеместным, что повлекло за собой организационное закрепление политической науки в качестве академической дисциплины.

Новый импульс процессу институционализации политической науки придала Первая мировая война. Несмотря на сложную обстановку, этот процесс шел и в Европе: в Берлине по образцу школ конца XIX в. была создана Высшая политическая школа (*Deutsche Hochschule für Politik*, 1920), из которой впоследствии образовалась целая система институтов, в том числе действующая в наши дни Академия политического образования ФРГ. В Великобритании расширился круг университетов, где велось преподавание дисциплины о политических явлениях и процессах, — в частности, это происходило в Оксфордском, Кембриджском, Манчестерском, Бирмингемском, Ливерпульском и других университетах.

В межвоенный период установление фашистских режимов привело к тому, что многие западноевропейские ученые вынуждены были переселиться за океан. Они не только придали новый импульс американской политической науке, но и внесли значительный вклад в процесс институционализации дисциплины, в становление системы образования в целом и непосредственно в исследования в области и политической науки. В то время профессора, эмигрировавшие из Европы, преподавали на факультетах социальных наук практически во всех американских высших

учебных заведениях. Все эти факторы во многом обусловили как интеллектуальное доминирование американской политологии в первой половине столетия, так и повышение престижа политической науки в целом.

Кроме того, в 20–30-е гг. политические исследования в США стали пользоваться широкой поддержкой со стороны государства и частного бизнеса, что привело к тесному переплетению академических и стратегических интересов. На развитие этой отрасли науки были направлены мощные денежные потоки, что стимулировало резкий рост организаций, специализирующихся на изучении политики: за два десятилетия между мировыми войнами здесь было создано около тридцати подобных центров¹. Многие из них работали при крупнейших университетах — Чикагском (1925), Принстонском (1937), Колумбийском (1940). Университетские центры политических исследований сыграли важнейшую роль в определении общей ориентации дисциплины — причем как в понимании целей и задач исследований, так и в определении теоретико-методологических приоритетов.

Во время Второй мировой войны, когда в Европе политические исследования были полностью прерваны, в США, напротив, их интенсивность резко возросла. Это, в свою очередь, привело к разветвлению организационной структуры и дальнейшему росту престижа дисциплины. Повышенный спрос на специалистов в области социальных наук послужил причиной бурного развития академических институтов, и факультеты политической науки в университетах США быстро разрастались.

В послевоенное время именно университетская система США стала основой для создания международной системы подготовки политологов. Процесс институционализации политической науки пошел вширь, распространившись на многие страны. К концу XX в. политическая наука превратилась в общепризнанную, организационно оформленную академическую дисциплину; в ее рамках была создана широко разветвленная система образовательных и исследовательских учреждений, несколько десятков специализированных периодических изданий, а также общий координирующий орган — Международная ассоциация политической науки (МАПН).

¹ См.: *Дмитриев А.В.* Политическая социология США. Очерки. Л., 1971. С. 7.

В заключение хотелось бы затронуть проблему соотношения философии политики и философии права как относительно автономных научных и образовательных дисциплин.

Для философии и политика, и право являются традиционными сферами исследовательского интереса. Безусловно, нет никакой нужды в обосновании правомерности этого интереса, как не вызывает сомнений и необходимость включения данной тематики в философское образование: так или иначе, философские проблемы политики и права всегда находили место в профессиональной подготовке специалистов в области философии. Дискуссионным представляется вопрос об объединении философии политики и философии права в рамках одного курса, о принципиальной возможности такого подхода, с одной стороны, и его целесообразности — с другой.

Вряд ли нужно напоминать о том, что философия политики и философия права имеют общую историю — общую интеллектуальную традицию, и их разделение является результатом институционального дробления социогуманитарного знания. Когда в середине XVIII в. дифференциация знания привела к разделению философии на две ветви, моральную и естественную философию, вопросы политики и права, что неудивительно, оказались в одном сегменте. Начало серьезным переменам во взаимоотношении этих предметных областей положило сформировавшееся в XIX в. понимание моральной философии как совокупности моральных наук и дальнейшее «переименование» их в социальные науки. Особую значимость приобрели две тенденции: во-первых, разделение философского и позитивного (научного) исследования права и политики; во-вторых, институциональное отделение правовой проблематики от политической и утверждение автономии политических исследований как отдельной отрасли научного знания. Первая из проблем уже частично затрагивалась выше, что же касается размежевания правовой и политической наук, имеет смысл подчеркнуть ряд моментов.

К началу XX в. уровень институционализации у политического и правового знания был различным. Если правоведение уже не нуждалось в том, чтобы утверждать себя в статусе автономной отрасли знания, то задача признания политической науки в качестве самостоятельной академической и исследовательской дисциплины еще сохраняла острую актуальность. Для политологии победа в

борьбе за автономию чаще всего означала отделение именно от правовой науки. Так, М. Сальвадори, анализируя историю становления политической науки в разных странах, выделяет пять вариантов теоретической и институциональной демаркации¹. При этом два из пяти он относит непосредственно к разграничению политологии и правовой науки. По его заключению, во Франции, странах Средиземноморья и Латинской Америки политология приобрела самостоятельный статус, выделившись из правовой науки, основанной на традиции римского права, а в Германии, Австрии, Нидерландах, Скандинавии — из государственоведения и административного права. Еще один путь — он характерен для Великобритании и стран Содружества, — связан с выведением политических исследований из-под опеки моральной философии, в рамках которой они традиционно проводились. Но и в этом случае вопрос о предметном поле политической науки также не мог быть решен без определения «принадлежности» проблем права и политики, поскольку в сферу внимания моральной философии были включены и те и другие.

Дискуссии о том, обладает ли политическое познание самостоятельностью или же входит в состав правоведения или каких-то других наук, утратили актуальность только к середине XX в., в связи с созданием международных ассоциаций политической и правовой науки². Однако напомним, что в конституции, принятой МАПН, среди методов политической науки указаны, в частности, юридический и философский³.

¹ См.: *Salvadori M. The Unesco project: methods in political science // Contemporary political science: a survey of methods, research and teaching. Paris, 1950.* Кроме указанных ниже Сальвадори выделяет также советский подход, берущий начало преимущественно в социологии и политэкономии (СССР и страны, находящиеся под влиянием марксизма), и американский путь (США, Ближний Восток, частично Азия) — особый случай, связанный не столько с отделением от других социальных наук, сколько с использованием их в качестве «доноров», т. е. применение их методов, терминологии и концептуальных построений в политических исследованиях. См.: *Salvadori M. The Unesco project: methods in political science // Contemporary political science: a survey of methods, research and teaching. Paris, 1950. P. 7–9*

² Интересно, что Международная ассоциация политической науки была создана в 1949 г., в то время как Международная ассоциация правоведения — в 1950 г.

³ Закрепленное в документе употребление термина «политическая наука» в единственном числе в противовес распространенному варианту «политические науки» было официальным признанием того, что все многообразие политических

Все, сказанное в данной статье о политической науке, в значительной мере справедливо и по отношению к правоведению. И здесь на протяжении XX в. не прекращались дискуссии о границах и структуре проблемного поля, о роли и месте макротейоретического, в том числе философского, подхода к анализу права, о научности правового знания, о соотношении ценностной нейтральности и ангажированности и пр.¹

Так же как и в политологии, процессы самопознания правовой науки далеки от завершения. Так же как и в политологии, активно обсуждаются вопросы о том, возможна ли интегративная дисциплина, в рамках которой нашли бы место различные подходы (к примеру, позитивная и естественноправовая теории), и при этом не был бы утрачен научный характер, какие принципы могли бы конституировать такую науку и служить основой регулирования отношений между субдисциплинами, и проч. Примечательно, что основным препятствием на пути к интегральному подходу оказывается недостаточная разработанность макротейории — будь то теория политики или теория права, — способной объединить дисциплину. Нельзя не признать, что претендентов на роль парадигмы существует немало в обеих науках, но при этом явно заметна неудовлетворенность уровнем теоретических исследований и все чаще встречаются сетования на «провалы» в разработке фундаментальных проблем, вызванные, в конечном счете, недостаточной философской разработкой важнейших проблем.

Такое положение дел вряд ли можно считать удивительным. На протяжении столетия и в правоведении, и в получившей поз-

исследований «подведомственно» одной дисциплине, и данная дисциплина имеет предметное единство. В рамках этого предмета конституция выделила четыре исследовательские области: политическая теория и история идей, политические институты, политические организации и международные отношения. См.: *Coakley J., Trent J. History of the International Political Science Association. 1949–1999 // International Political Science Association. Dublin, 2000.*

¹ См., в частности: *Право XX века: Идеи и ценности / РАН ИНИОН; Отв. Ред. Ю.С.Пивоваров. М., 2001; Правовая мысль XX века / РАН ИНИОН; Отв. Ред. Ю.С.Пивоваров. М., 2002; Брызгалов А. И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 2001. № 6; Поляков А.В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2006; *Прмяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.**

же автономию политологии целенаправленно и методично проводился курс на дистанцирование от философии, принижение значимости общей теории для развития науки. И философия права, и философия политики оказались в положении «падчериц» — родство с ними не оспаривалось, но их проблематика вытеснялась если и не за пределы дисциплины, то в периферийные по значимости области. Ситуация стала кардинально меняться относительно недавно — в последние десятилетия XX в. Индикатором перемен можно считать появление дискуссий о соотношении, к примеру, политической философии и философии политики или о том, относится ли философия права только к философии, или же и к юриспруденции. Оставляя без рассмотрения высказываемые в этих прениях позиции, следует подчеркнуть, что речь, в общем-то, идет о том, чтобы укоренить философскую тематику в рамках дисциплины, показать, что философские проблемы — неотъемлемая часть ее проблемного поля¹.

Таким образом, востребованность философских исследований и права, и политики весьма велика. Для философии, которая никогда не оставляла эти вопросы без внимания, повышенный интерес к ним со стороны частных дисциплин, с одной стороны, служит определенным вызовом, а с другой — расширяет возможности анализа, предлагая актуальные темы и предоставляя новый материал. Это является серьезным стимулом к тому, чтобы выделить данную проблематику в отдельный сегмент и придать исследованиям более цельный, системный, комплексный характер. При этом представляется целесообразным не разделять ее на политическую и правовую составляющие, а рассматривать их во взаимосвязи и взаимозависимости.

¹ Еще одним шагом, который может служить в пользу этого вывода, можно считать изменение номенклатуры специальностей ВАК РФ, предусматривающее замену формулировки «теория политики» на «теория и философия политики» в специальности 23.00.01.

Раздел II

Актуальные проблемы философии политики и права

В.И. Шамшурин

К вопросу о взаимосвязи философии политики и права с философией, политикой и правом

Как известно, у философов, политологов, юристов и правоведов есть своя специализация. Позволим себе отметить здесь и особое своеобразие не просто философов, а прежде всего философов, непосредственно связанных с политикой и правом. Сразу при этом отметим, что сами названия — «Философия политики» и «Политическая философия» (подчас представляемые как конкурирующие, подчас — как синонимичные), на самом деле свидетельствуют о некоторых смысловых акцентах, свидетельствующих о некотором исследовательском выборе: а что, собственно говоря, мы ставим на первое место — философию или политику? Если нужна максимально системная, универсальная и целостная позиция в отношении политики, то мы выбираем «Философию политики». Если нужна отраслевая специализация, то перед нами «Политическая философия». Постоянно вопрошая и взыска (как и любой другой философ), юристы и правоведы при этом особо чутко, даже скрупулезно относятся к соответствующей эмпирической референтной как именно репрезентативной базе данных исследования. Постоянно соотнося свою предметную область исследования с соответствующими философско-теоретическими построениями, они как раз и выстраивают «допрос с пристрасти-

ем» по отношению к людям, фактам, событиям или текстам. А если быть точнее, то, как говорили в Риме, имея дело «с человеком, вещами и действиями», и философы политики и права, и юристы и праведы, и политологи с разной степенью пристальности внимания останавливаются на следующих вопросах, определённых ещё И. Кантом.

Что я могу знать?

Другими словами: как возможно объяснение чего бы то ни было? Это, как известно, не просто вопрос, а особая профессиональная привилегия философии. Этакое дисциплинарное право на скептицизм и записное инакомыслие-оппозицию. Свойство довольно неприятное. Особенно для власть предержащих. Но без него никакое знание (даже знание политиком грамотного названия собственной партии), даже самое прагматично-инструментальное, попросту невозможно. Иначе философия — не философия. Надо сказать, что богословие, вообще религиозное сознание в своих поисках идёт ещё дальше, безбрежно дальше. А именно, задаёт роковые в своей конечности вопросы: в чём онтология смысла и смыслообразования вообще? Как возможно единое для всех времён и народов понимание (если оно возможно)? Как возможно творение мысли как сущности и творение мыслью как бытия? Откуда возможно, кем и чем, куда? Можно, конечно, вообще не ставить этих вопросов, уходить от их постановки, называя их, например, псевдovoпросами. Так как у всех и у каждого, например (как учит постмодерн), уже как-то и откуда-то и так есть своя истина, каждый источник её и носитель, и творец, и хранитель. А универсальных и неизменных истин просто не существует в природе.

Надо сказать, что ничего нового в подобных утверждениях нет. Это старое скептико-софистическое и именно политеистическое правило язычества. И утверждает это правило прежде всего многобожие «сверхлюдей-суперменов». Известно, что спорность сомнительной парадигмы о том, что смертный человек (т.е. частное) может быть одновременно и «мерой всего» (т.е. всеобщим, необходимым и вечным, а значит, и всё-таки универсальным началом), была явлена самим фактом цивилизационного не только тупика, но и гибели язычества. К чему, собственно говоря, и призывает вернуться постмодерн. Но это, во-первых, не умно, а во-вторых, опасно. Если истин — не счесть, если они уже даны и их данность

не обсуждается, а все по-своему правы, то никуда не уйти именно от политико-юридической постановки вопроса.

Как всё это взаимодействует? Да и может ли взаимодействовать вообще? Если нет единой истины — понимания, в рамках которой происходит переход из одного в другое, то понимания как такового нет вообще, оно невозможно. Есть только механические столкновения. Истины не конвергируют, а дивергируют, т. к. истин понимания столько же, сколько и истин их выражения. Но герменевтика, языкознание, лингвистика, — вообще любая работа со словом как согласие-согласование чего бы то ни было и кого бы то ни было (а не агрессия-конфликт) возможна только (опять-таки) при другом религиозном (как и в политеистическом случае) допущении. Допущении монотеистического свойства, которое в разной степени осознанности базируется на одном предварительном постулате. Все политики, учёные, частные граждане явно или неявно, но предполагают, что Понимание всё-таки есть. И оно одно. Язык понимания один. В отличие от множества, бесконечного множества (действительно доходящих до противоположности) языков выражения этого единого языка Понимания. Людям, культурам, языкам, эпохам, странам-государствам, цивилизациям дано сойтись (несмотря ни на что) в одном — в истине. И в этом их путь — путь любви и согласия, основанных на смирении перед особенностями другого. А значит, и на допущении собственных несовершенств и допустимости всеобщих коррекций в сторону должного. И только на этом пути — жизнь.

Другими словами, истина всё-таки одна, едина и универсальна (добавим в духе Р. Мертона и Т. Парсонса — ещё и системна и целостна, если мы претендуем хоть на какую-то научность и понимание). И эта истина состоит в принятии предварительного условия всякого познания как акта веры, дальше которого идти уже нельзя. Суть постулата, аксиомы, догмата, парадигмы (называть это предельное допущение, лежащее в основе любого знания можно как угодно) в том, что есть, дана, задана возможность контакта между сколь угодно различными истинами. А значит это — жизнь и любовь выше смерти и войны. И если мы не принимаем эту предварительную установку, то вольно или невольно, явно или неявно, сознательно или по недомыслию нам придётся принять прямо противоположное и утверждать победы сильнейших и гибель слабейших. Причём рано или поздно — гибели всего и вся,

т. к. если смерть выше жизни, то нет ни сильнейших, ни слабейших. Как, впрочем, и ни людей, ни философии, ни права, — вообще ничего.

Мысль довольно лукавая, т. к. сама себя — в силу всё-таки данности универсального стандарта (хоть и такого) всему преходящему, гибнущему, мнимому — и опровергает. Повторяю, теория и философия постоянных конкуренций-оппозиций, столкновения-резни и борьбы-конфликта между частными истинами до победы одной из частных истин как истины мироздания и человеческого устройства таковой признана быть не может. В лучшем случае она носит вспомогательный, вторичный характер как некое катастрофическое последствие или предостережение против не должного при несоблюдении должного. И уж никак не в виде истины, которая «верна и возобладает». Хотя бы потому, что соревнование, не просчитанное с точки зрения возможности именно сцепления рожнящихся начал, — это логика тотальной гибели и всеобщего истребления, т. к. частность, не приобщённая к вечности, погубив все остальные преходящие и не приобщённые к вечности и постоянству частности, всеобщностью и необходимостью, как вечностью не становится. И уж тем более — не является.

Утверждение, основанное на отрицании в духе доказательства методом от противного, следующим шагом уничтожает самоё себя: «А» в борьбе с «не-А», уничтожив «не-А», уничтожает и себя, т. к. никакого родового качества, которое бы могло сохранить «А», просто не содержит, целиком завися от отрицаемого состояния. Чтобы быть всеобщим и необходимым, нужно показать механизм приобщения к Единому в Вечности, как Вечно Единому, т. е. Единосущному. Или же Сущему, что то же самое.

Кроме того, наделяя неудобным вопросом об источниках происхождения знания и, в этом смысле, определяя критику-оппоненту статус кажимости (особенно в спорах об универсалиях, вообще и о статусе и возможности универсальной теории в политике, в частности), любой адепт, сторонник зачисления неудобных противников и точек зрения в ранг иллюзии, должен быть готов к «эффекту бумеранга» и к тому, чтобы попасть под подозрение в собственной неадекватности. Например: а не является ли искажённой формой сознания точка зрения на единство и универсализм истины как на искажённую форму сознания? Ведь это тоже универсальное суждение. Однако плохое, не содержащее качества. Как известно,

один из предшественников постмодерна в Древней Греции, также утверждая довольно путаную тавтологию о том, что только «человек есть мера всего», пытался это делать с помощью столь популярной ныне оторванной от вечности «гуманистической» концепции, звучавшей тогда следующим образом: «Нет абсолютно непререкаемых суждений!» И был совершенно обескуражен вопросом одного из студентов, резонно спросившим: «Профессор, а это утверждение — абсолютно непререкаемое суждение?» Понятно, что любой ответ не оставлял камня на камне от такой квазиаргументации...

Так мыслят, вопрошая, «вообще» философ и богослов («эсхатологически»). А юрист точен в конкретном, чтобы избежать «пустотных концепций» вроде постмодернистских «политкоррекции» о допустимости и истинности любой точки зрения и позиции вплоть до одновременного утверждения «плюрализма истины как истинностей», вроде: истинно и «А», и «не-А». Следовательно, и, скажем, неприятия-осуждение криминально-аномийное начало как такового в виде шиканы — это показатель отсутствия «гуманной» толерантности и не более того. Главное — либеральное “anything goes”. Другими словами, утверждение скептической софемы, вроде «всё позволено». В том числе и право на убийство. А обязанностей-обязательств соблюдать не надо, так как их нет вовсе в силу отсутствия обязательности той или иной вечной позиции... Так вот, юрист в этом случае уточнит: «а на каких фактах основано и в виде каких последствий такой теории в случае осуществления её на практике подтверждено?» И сразу всё становится ясно, т. к. основания ужасны и неприглядны, а подтверждений нет вообще. Поэтому, конечно же, в отличие от «спортивно-созерцательной» постановки вопроса интерпретативного целеполагания, он (юрист) всего более интересуется не менее важными («применительно-боевыми») вопросами в виде следующих практических рациональностей («кто более для матери-истории, как говорил классик, ценен»? — только во взаимодополнении, «в команде» — в силу их, так сказать, хоть и «неслиянности», но и прежде всего взаимной «нераздельности»).

Особое значение, и прежде всего для философа политики и права, имеет ещё один вопрос, сформулированный всё тем же И. Кантом (в отличие, скажем, от «философа вообще» и «юриста в частности», которые «отвлечённо»-рефлексивно или «утилитар-

но»-бессознательно — не важно — рассматривают этот вопрос как само собой разумеющийся).

Что такое человек и чем он сам может стать?

Собственно говоря, именно об этом вопросе и в силу его «все-ленского значения» (а для какой же дисциплины человек не важен?), и в силу именно дисциплинарной постановки в философии политики и права остановимся особо. Проблема человека в политике важна как нигде. Именно здесь, как нигде, она имеет «вечный характер». Точнее, человек имеет статус в виде сохраняемой идентичности только в том случае, если укоренён в вечности как абсолютная, непререкаемая, неотчуждаемая и неотъемлемая ценность. Последняя имеет смысл, если явлен эталон «вечного человека». Хотя бы в силу того, что человек здесь не только «мера всех вещей», но и точка отсчёта, и средство исполнения; а главное — цель любой инициативы и практического действия. И любой разрыв между теорией и прагматикой, целеполаганием, практической рациональностью и механизмами осуществления и первого и второго (точнее, приоритетность одного из моментов активности за счёт других в ущерб «целокупности» как системности, универсализма и целостности) чреват не просто печальными, но губительными последствиями. Особо остро этот вопрос, как известно, был поставлен ещё в IV в. в Никео-Цареградском символе веры каппадокийской четвёркой (Св. Василий Великий, Св. Григорий Назианзин-Богослов, Афанасий Александрийский, Св. Григорий Нисский).

Выделим два возможных типа антропоцентризма в философии политики и права. Оба имеют дело с определённым пониманием идеала как некоего стандарта или, как сказал бы юрист, «нормы императивного характера». Действительно, что ещё, кроме идеалов-стандартов, может изучать человек, изучая в том числе и себя, человека? Однако один подход, лучше всего проявленный у Канта и Гегеля, назовём «идеал-абстракционизмом». Другой, свойственный новоникейцам и А.С. Хомякову (которого по какому-то недоразумению иногда называют «гегельянцем»), — «идеал-реализмом». Первый понимает под человеком одно из его свойств — способность к разумно-рассудительному познанию. Более того, полагая только такое познание наисовершеннейшим, господствующим началом (даже хотя бы и харизматическим, вслед за М. Вебером, господством!) наделяет это свойство ума самостоятельным стату-

сом Абсолюта, который и выше всего, как независимый от всего и который, проще говоря, и есть Абсолют в виде всё Просвещающего Разума или Идеи.

На этой установке сначала Канта, а затем Гегеля и был основан просветительский проект французской революции, и последовавшая затем эпоха Просвещения вообще. Естественно, что здесь вопрос ставится в плоскости предпочтения разного рода господств или борений-столкновений за абсолютное господство. Тех же понятий друг над другом. Собственно, в таком ключе диалектического отрицания, когда, чтобы что-то утвердить, надо уничтожить; да не один раз, а два раза, так сказать, с контрольным выстрелом и наверняка... и понимается политика, государство. Изучают: кто, как и с кем борется за «право сеньора» по отношению к приобретённости к самой совершенной «разумно-рассудительной достаточности» в виде Абсолютного Духа. А критерий обладания таким духом тут, естественно, — успех победителя в схватке по сугубо экономическим или меркантильно политическим показателям исключительно «мира сего». Опять же в виде «харизматического господства» как определённого феноменально-выдающегося качества. Например, промышленно-финансового процветания в протестантизме. Или в виде военно-административных успехов наилучшего государства. Той же Пруссии или того же Наполеона, в которых, согласно Гегелю, как в «аватарах», светится Абсолютная идея. Или в виде наличия и тех и других показателей у того или иного класса-гегемона (для этого постоянно вырабатываются рейтинги, само внимание к которым весьма показательно), партии, страны, организации, идеального типа культуры, цивилизации или вождя-политика. Не исключён, впрочем, и «неформальный лидер» в виде того или иного «владельца дум», который чаще всего рекрутируется «протестантским» самоназначением в виде сакрально-революционного действия. А проще говоря — самозавлада власти, самозванства, узурпаторства, именно протеста, протестного поведения. Которое, повторим, наделяется функцией созидания, что очень спорно и можно понять только как изначально принятое именно априорное (говоря языком Канта) утверждение. В конечном счёте — тоже принятое религиозно, т. е. на веру. Но это уже манихейская, гностическая, докетическая, арианско-несторианская религиозность, в которой творит не Творец, а разрушитель и первенствует не жизнь, а смерть. И нужно отдавать

себе отчёт, какие предпосылки, презумпции берутся в теории или в теориях в самом начале теоретизирования, чтобы не сетовать и тем более не недоумевать при получении тех или иных последствий в политике.

Повторяю, господство, победа здесь — и высшая легальность, и абсолютная легитимность. Политика, государство здесь — борьба, столкновение, конкуренция людей, интересов, идей, теорий, государств, классов, из которых как-то так диалектически проистекает единство общего интереса, класса, государства и т. д. Но какого? Победившего, вытеснившего, уничтожившего, а потому и господствующего, подтвердившего своё Абсолютное Господство! Как сказал один из последователей Гегеля, назвав, впрочем, Абсолютный Дух «призраком», но при этом выразив суть учения учителя: «Призрак бродит по Европе». Очень характерное высказывание! Именно по Европе, по Западу и нигде более! Сейчас бы сказали в стиле либерального оксиденциализма — по странам «золотого миллиарда». В отличие от «стран-изгоев». В этом случае, повторяем, нужно изучать явленное через экономические законы осуществлённого успеха именно «брожение» Абсолютного духа-Призрака. Как он бродит по странам, континентам, классам, сверхчеловекам, учениям, научным школам, головам чиновников и т. д., и т. п. А главное — по политическим элитам. И неважно, рассматриваются они с бюрократически-аристократических, номенклатурных или эгалитарно-популистских позиций. Здесь важно именно следующее: главное для такой позиции — выдвинуть определённую гипотетико-дедуктивную модель социально-политического поведения именно как абстрактно-созерцательное начало. А затем, в процессе верификации, так сказать, на основе «побед» рассмотреть: работает (побеждает) она или нет.

Важно подчеркнуть и следующее. При таком подходе не надо изучать факты, события, обычаи, договоры, обязательства, типы ответственности, улики как материальные и, так сказать, формальные источники политики и права (говоря языком правоведов). Они-то как раз могут быть, и чаще всего бывают, свидетельствами невежества, темноты как непросвещённости, Абсолютным Духом или единственно верным и всепобеждающим учением, которое, естественно, может быть адекватно выражено только той или иной страной, классом, партией предводительницей прогрессивного человечества или «золотого миллиарда». Вёдомым только победите-

лю-господину, как великому Просветителю того или иного косного начала — «стран изгоев». В виде, так сказать, вождя всех времён и народов.

Всё бы ничего, но в безначально-безбожной как не проясненной с точки зрения связи с Единым в такой системе координат без самоназначения и самозванства, т. е. узурпаторства и в политике и в смыслообразовании, — во всём, что касается носителей Абсолютной идеи, не обойтись. Отсюда — все сложности, издержки, затраты и жертвы. Очень удобный, точнее, соблазнительный и искушающий многими прелестями подход. Особенно удобен он для любого узурпатора, любителя захватить и пограбить. Сейчас всё чаще и чаще мы видим: жизнь опровергает такие соблазны-прелести как чужеродное для неё теоретизирование-объяснение с помощью, к сожалению или к счастью, неуспеха тех теорий, которые призваны быть вроде бы адекватными жизни. Это видно на примере кризисных процессов, происходящих, кстати, не только в экономике начала XXI в., но и в политике, культуре. Это видно и на примере адептов либерально-рыночного, конкурентно-демократического проекта Просвещения, ведущегося только сверху — от той или иной абсолютно-абстрактно и совершенной теории — идеи, сосредоточенной в руках того или иного единственно «правильного» государства, обладающего «правильной» культурой и «правильным» языком. Всё больше и больше приверженцев, да ещё и из числа главных, вслед за Фукуямой, ставя под сомнение свои предыдущие взгляды, говорят о том, что либерально-демократический проект потерпел крах по всем направлениям. Великие ценности гуманизма Просвещения в их осуществлении в виде общества «всеобщего потребления и благоденствия» слишком дорого обходятся человечеству и особенно той его части, в которой не так уж и много потребляют и благоденствуют... А некоторые даже и публично каются перед госструктурами, в том, что они излишне верили «невидимой руке рынка». Впрочем, от этого мало что меняется. Видимо, постольку, поскольку меры, принимаемые для преодоления кризиса — «монетарно-спекулятивного» по сути, — носят пока что преимущественно именно «монетарно-спекулятивный», именно созерцательно-отвлечённый, именно либерально-просветительский характер.

Однако есть и другой — консервативный подход. Это, как сказано, «идеал-реализм». Здесь вообще нет проигравших и победи-

телей, т. к. ставится под сомнение основополагающий, доходящий даже до религиозного, постулат о допустимости, ценности схватки, драки, столкновений-конфликтов, конкуренции-борьбы как некоего «локомотива» истории или экономики. Здесь изначально как ценность утверждается величие и преобладание того, что в первую очередь «должно искать мира и согласия». Другими словами, как говорят юристы, надо заниматься публично-правовым согласованием интересов. Политологи говорят о первенстве консенсологии перед конфликто-логией. Точнее — полемо-логией. И тогда политика — это именно публично-правовое, ведущееся постоянно, согласование интересов и ни в коем случае — не игра с неопределённым результатом, так как неопределённый результат и есть кризис, который человечество уже не может себе позволить, так как может уже и не пережить.

Здесь подразумевается постоянно ведущаяся и довольно обыденная, без эффектных революционно-модернизационно-реформационно-политических «силовых фейерверков», работа в виде мониторинга, управления и контроля над осуществлением последствий управления даже и в виде постоянных коррекций на основе стандартов-эталонов, прошедших проверку в триллионах триллионов повторах опыта событий, прецедентов, обычаев, законов составляющих наличие человеческой культуры. Причём на поверку — базовых в своём нравственном единстве по своим конструктивно-позитивным, ценностным началам, как это видно на примере всех мировых религий. Работа эта довольно прозаическая, скучная и рутинная, зачастую — весьма неблагоприятная. В своей увлекательности, а главное, зрелищности несомненно, уступающая всякого рода фехтовальным поединкам и единоборствам. Но нарушение этих стандартов-норм как раз и ведёт к антинорме, к антиэталону — к «войне всех против всех». Последняя установка имеет не созидательное, а разлагающее значение и направлена не на устройство и прогностику, а скорее на констатацию последней стадии губительного состояния политико-правовых, экономических и культурных начал и образований в виде кризиса.

В «идеал-реализме» в отличие от «идеал-абстракционизма» нет господ и рабов. Победителей и проигравших. Господствующих и униженных. Есть иерархия объёмов квалификаций-компетенций и связанных с ними зон ответственностей в виде прав и обязанностей. Политика здесь — не гонка на выживание, а совместное

служение-сотработничество, обязанность жить в свободе по закону любви (как говорил Хомяков). И в этом — высшее право человека, не отчуждаемое и неотъемлемое у него никем и ничем. Потому что сила может быть в слабости и оказаться немощью. А слабость — в высшем проявлении силы, когда можно приобрести всё, господствовать во всём, но это не будет иметь никакого значения. Так как будет утрачена некоторая ценность, казалось бы, неочевидная и не осязаемая телесно. Например, в расчёт принимаются не только плоть, но и душа. И даже Дух. Здесь речь тоже идёт о взаимодействии, но не как о схватке, а в виде сообщения, созвучия (симфонии), встречи (сретения). В виде равноправного (не на поражение!) и органичного взаимодействия-соборания (а не в виде механического расталкивания друг друга плечами в толпе-социуме). Но как учёт и почтение. И в этом смысле собирание самых разных, но в то же время ограничивающих друг друга ценностью и жизнью, участников в виде физических и юридических лиц (именно лиц прежде всего, а не индивидов или персон!) Когда права одного лица заканчиваются там, где начинаются права другого (говоря, опять-таки, языком юристов). Хомяков говорит об этих сюжетах, применяя понятие «соборность», применяя к сосуществованию любых, как не нарушающих друг друга в достоинстве, существовании, собственности, идентичности лиц. Как к целостному строю таких возможностей и экзистенций и человека, и человеческих сообществ, и в результате человечества в целом. Не только реалий и реализаций рассудочного ума. Но и равноправных уму в случае ненасения вреда и ущерба — в воле, в эмоции, в поведении, в интуиции. Не только в виде главенства земного успеха. Но и в виде неотъемлемости неотмирной ценности. Не только богатства, но и нищеты, т. к. в разных системах координат — культурных, исторических, этнических, эонических, меонических и даже цивилизационных нищета может быть богатством, а богатство — нищетой. А чужой успех — вовсе не угроза для твоего существования. И вовсе не надо убивать другого, чтобы выжить самому, хотя бы потому, что это самый прямой путь к самоуничтожению.

Сейчас же в самых разных дискуссиях о глобализации, однополярности, многополярности очень часто можно встретить призывы к тому, чтобы в той или иной степени вернуть обучение, изучение и даже применение политики и права в духе антропологии

«Философии права» Гегеля. Следует недвусмысленно и в духе не только Хомякова, но и не менее прозорливых Х. Арендт и К. Поппера понять: с гегельянством не только в философии политики и права, но и, прежде всего, в политике и праве пора кончать. Не отмечая, впрочем (да не будет!), его историко-философского и даже эпистемологического значения. Это было бы совершенно не по-соборному. И уж совершенно не корректно с «симфонической точки зрения».

Особенно здесь показательна римская традиция, концепция Трех Римов в особом её понимании как социального, ориентированного на гражданское общество, цивилизованного и в этом смысле цивилизованного как именно «милостивого» к гражданам в своей политике государства, учитывающего и просчитывающего максимально возможные и даже невозможные в богатстве сочетаний интересы и отношения, не ущемляющие и не приносящие ущерба, а, говоря словами В. Парето, компенсирующие друг друга в случае успеха, возмещающие потери друг другу. В этом случае корректируется (что в последнее время в связи с кризисными явлениями начала XXI в. и происходит и в теории, и на практике) само понятие блага или благосостояния и в философии, и в политике, и в экономике, и в социуме. Кстати, особенно в экономике, для одновременного определения эффективности распределения ресурсов и связанного с ним распределения доходов в обществе.

Речь идёт о всё более усиливающемся интересе к общественному благосостоянию, но не как к роевому, коллективно-безличному, а системно-многомерному определению любого отдельного явления. В отличие, повторяю, от методологического индивидуализма, присущего ранее обозначенному «идеал-абстракционизму» теорий в духе Гегеля. Теперь же речь идёт о том, что полезность частных начал не понимается абстрактно-созерцательно как нечто самодовлеющее и самоценное. Полезность отдельных, скажем, людей, групп, страт и т. д. дополняется ещё и их многомерным созвучием-взаимодействием, т. е. рассматривается симфонически. Говоря современным языком, агрегируется в функцию общественного благосостояния, которая, с одной стороны, учитывает благополучие индивидов в терминах оптимальности; а с другой стороны, включает в качестве параметров распределение доходов и благ между индивидами и принципы равенства. И уж во всяком случае, в теории и на практике исключаются «лишние люди» — герои или

классы в виде тех или иных только «эксплуататоров» или только «лузеров» в духе марксизма или социал-дарвинизма.

В любом случае становится наконец-то всё более и более очевидной взаимодополнительность, а не взаимоисключение двух типов теоретизирования. Скажем так, позитивной теории, которая рассматривает «размер пирога» (эффективность, в том числе и политическую, и экономическую чего бы то ни было). И нормативной теории, которая связана с социально-юридическим дележом уже существующего пирога, и речь здесь идёт о распределении доходов и вменении невинной или виновной ответственности. При этом в многомерный подход входит, а, точнее, его наличие определяется философской аксиоматикой — предварением в виде системного, универсального и целостного видения и религиозно-этической аксиологией — утверждением абсолютной самоценности отдельного в его частности и взаимодействия частей как взаимодополнения. Вот тогда изучаются не только, скажем, доходы и убытки, но и компенсации, а любой критерий в качестве показателя эффективности рассматривается в тех и только в тех случаях, когда в новой ситуации индивиды, которые получили дополнительные выгоды, способны компенсировать проигравшим их потери и при этом остаться в выигрыше по сравнению с первоначальной ситуацией. Это и есть то, что сейчас называется критериями Вильфредо Парето (1848–1923) и Николаса Калдора (1908–1986) — Джона Хикса (1904–1989). Критериями, имеющими, на мой взгляд, не только социально-политические и экономические, но и религиозно-философские коннотации и в теории, и на практике.

Собственно говоря, традиция согласия как омонийи — единомыслия, фронезиса/пруденции — всестороннего размышления и, наконец, симфонии/консонанции как созвучия непохожих, как право не только быть другим, но и как обязанность сохранять другое. Сохранять, но как? Ни в коем случае не в теплично-летаргическом состоянии поддержания-заморозки только одного хотя бы и сколь угодно совершенного качества — прошлого, настоящего или будущего, но в состоянии баланса и гармонии качеств, ни в коем случае не исключających, а подпитывающих друг друга. И в своих совершенствах. И даже в своих несовершенствах.

Не будем забывать происхождение самого термина «консерватизм». По крайней мере, в его истинном значении смысл приосте-

кает от имени бога Конса (Consus) — в древнеримской мифологии ответственного за выращенный и сохранённый под последующий посев урожай, как начало, ответственное за воспроизводство, как постоянное рождение в виде неизменно возобновляющегося процесса творчества благ-ценностей на определённой почве (культуре). Но это — что касается внешнего мира и его облагораживания. Не менее, точнее, более важно помнить о внутреннем мире как тоже процессе постоянного триипостасного облагораживания-благородства определённых ценностей и тоже на определённой почве как культуре. Поэтому Конс у римлян отвечал ещё и за понимание, поскольку обращение к нему делало человека, начиная уже с детского возраста, понятливым, знающим, осведомлённым (*consciūs*). Отсюда, собственно говоря, и проистекает способность считаться с понятиями и мыслями другого как согласие и единомыслие (*consensus*).

Известно, что любое явление у римлян могло быть рассмотрено как с точки зрения движения в сторону вечности (*consecratio* — провозглашение нерушимости или передача во власть вечности), так и приземлённо (*profanatio* — непосвящённое, непросвещенное состояние как не осведомлённое о вечном и потому в дальнейшем не только неуспешное, но и губительное, а потому кощунственное). При этом одно неотделимо от другого. Здесь и предвосхищение, и выражение триипостасного единства прошлого, настоящего и будущего в причинах, последствиях и взаимодействиях: и в режиме эксперимента, и в режиме вечности. Да ещё и с позиции совершенствования — сотрудничества. Или, если угодно, апокатастазиса/синергии (вечное стремление к вечности как вечному совершенству/сотрудничеству земных и вечных начал). А если говорить об историко-культурной и политической составляющей, то именно через имя Конса проявится и продолжится традиция (Ромул, как известно, провозгласил основание своего Рима перед сабинянами празднествами в честь именно всё того же Конса; правда, сделал это довольно неуклюже, с точки зрения той же вечности-Конса, чем, быть может, и погубил свой Рим) внимания к вечности как внимания вечности в лице императора Константина в дальнейшем, основавшего столицу христианской державы.

Так или иначе, но в любом своём качестве история даёт нам урок — изменчивость нерушима и постоянна, пока помнит о своей связи и причастности к питающему её постоянству, т. е. учиты-

вает её (вечности) требования-стандарты, а вечность свою очередь предостерегает человека от излишней суетности и многозаботливости, отвлечённости от главного в пользу несоизмеримо второстепенного, как пустой траты сил и неуспеха, так как «знает его (человека) нужды». Любой отказ и пресечение связей с началами вечности (по каким бы то ни было соображениям — культурно-мировоззренческим или конъюнктурно-политическим, а чаще — и по тем и по другим в их смешении, от чего и происходят смуты) приводит к краху любое, на первый взгляд, сколь угодно благополучное культурное или политическое образование. Ибо, повторим, сказано: «Сила творится в немощи», т. е. через слабость. При этом приоритеты таковы, что именно «Дух бодр, а плоть немощна». Постараемся, насколько можем, помнить об этих призывах, явленных как в прошлом, так и в настоящем. И в культуре, и в политике. И именно в неразрывном единстве высокой теории о «возвышенном и прекрасном» с практикой «хлеба насущного». Так или иначе, но речь идёт о том, что А.С. Хомяков называл «союзом в свободе по закону любви». И конечно же, речь идёт о союзе «неслиянном, нераздельном, неизменном и неразлучном».

И.А. Гобозов

Философское обоснование права

Право обосновывается многими частными науками: юриспруденцией, социологией, политологией и др. Но каждая рассматривает право под своим углом зрения как конкретный социальный феномен, возникший на определенном этапе исторического развития. Это связано с тем, что частные науки имеют дело лишь с тем или иным срезом общества как целостного социального организма, и поэтому они не интересуются универсальными характеристиками права. Что касается философии, то она, как известно, исследует всеобщие связи и отношения объективного мира, выявляет движущие силы исторического процесса и раскрывает имманентную логику общества. Поэтому право она фундирует с позиции универсальности и необходимости его возникновения для нормального функционирования общества. Для этого можно применить разные парадигмы. Я использую цивилизационную парадигму и феномен гражданского общества, поскольку ни цивилизация, ни гражданское общество не могут существовать без правовой базы.

Давно доказано, что процесс антропогенеза и социогенеза — единый процесс. Этот процесс, длившийся сотни тысяч лет, в конце концов, привел к образованию социума (общества) как качественно нового и самодостаточного образования. Общество — это исторически сложившаяся форма совместной деятельности людей по производству материальных и духовных ценностей. Труд человека с самого начала носит коллективистский характер. Люди вступают в определенные, от их воли¹ не зависящие отношения — производственные отношения по созданию тех или иных благ. В природе нет никаких отношений, в природе все совершается стихийно. В отличие от природы, деятельность людей носит целесообразный и целеполагающий характер.

¹ Не зависящие от их воли, а не от их сознания. Люди сознательно вступают в производственные отношения, но они не могут не вступать в них, потому что иначе просто-напросто не смогут выжить как биосоциальные существа.

Но бытие людей не ограничивается сферой материального производства. Бытие людей — это все общественные отношения в самом широком смысле слова. Эти отношения регулируются соответствующими нормами, которые принято называть моральными и правовыми нормами.

Моральные нормы онтологичны. Они имманентно присущи обществу. Их можно назвать неписаными нормами или неписанным правом. Гоббс их называет естественными правами, под которыми подразумевает свободу «всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения собственной природы, т. е. собственной жизни...»¹. Основным естественным правом английский философ считает жить в мире и дружбе.

В обществе действуют люди со своими интересами и целями. Но интересы отдельного индивида не всегда совпадают с интересами других, а то и всего общества. Иными словами, единичное, часть и целое вступают в противоречие. Но чтобы общество выжило, это противоречие должно быть разрешено. Чтобы люди не уничтожили друг друга, нужны регуляторы их отношений. В качестве таких регуляторов на заре человечества выступали моральные нормы и принципы. В первую очередь они регулируют свободу индивида. Причем на первый план выступает табуитет (запретительство), без которого не было бы никакого общества. Именно запрет на те или иные действия сплачивал первобытных людей. Именно запрет помогал им выжить. Именно благодаря табуитету господствовал эгалитаризм, без которого первобытное общество не трансформировалось бы в другое, более развитое, общество.

Каждая община располагала собственным арсеналом моральных правил, которыми должны были руководствоваться все члены общины. Их соблюдение носило исключительно добровольный характер. Собственно говоря, первобытному человеку и в голову не могла прийти мысль о том, что можно пренебречь теми или иными нормами морали, передававшимися от поколения к поколению и превратившимися в традиции общины. И если даже находился какой-нибудь нарушитель, то его не подвергали физическому насилию. Просто-напросто его изгоняли из рода или племени.

¹ Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 155.

Общины не были изолированы друг от друга. Они контактировали между собой, сотрудничали, нередко охотились вместе, старались жить в мире и дружбе. Но между ними нередко возникали конфликты. «Причиной конфликтов чаще всего был ущерб, который был нанесен члену или членам одного рода, а тем самым и этому роду, членом или членами другого. Этот ущерб мог носить различный характер: ранение, убийство человека, изнасилование или похищение женщины-члена рода или жены члена рода, хищение вещей и т. п.»¹. Оскорбление одного члена рода воспринималось как оскорбление всего рода. Это приводило к кровной мести, которую нередко трудно было остановить².

Таким образом, в первобытном обществе не было никакого писаного права. Все отношения людей регулировались моральными нормами, и их вполне было достаточно для этого социально-исторического организма.

Но первобытное общество — это примитивное общество с примитивными отношениями людей, с примитивными формами регулирования этих отношений. Однако человечество не стояло на месте, и на определенном этапе его развития появляется общество, которое принято обозначать термином «**цивилизация**». Этот термин впервые появился в середине XVIII в. во французской социальной теории. Под этим термином французские мыслители той эпохи подразумевали общество, основанное на началах разума и справедливости³.

Генезис цивилизации по времени совпадает с формированием классового общества и с возникновением государства. Цивилизация не могла родиться на базе родового строя, когда человек полностью был связан с родом или племенем и не выделял себя из не-

¹ Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. М., 1999. Вып. 2. История первобытного общества. С.66.

² Нельзя не заметить, что рудименты или пережитки кровной мести до сих пор можно найти у многих народов, сравнительно недавно освободившихся от первобытного образа жизни.

³ Очень интересный анализ эволюции термина «цивилизация» дается в статье французского историка Л. Февра «Цивилизация: эволюция слова и группы идей», которая опубликована в книге: *Февр Л. Бои за историю*. М., 1991.

Он пишет: «Воссоздать историю французского слова «цивилизация» на деле означает реконструировать этапы глубочайшей революции, которую совершила и через которую прошла французская мысль от второй половины XVIII века и по наше время» (С. 239).

го, когда родоплеменные отношения были для него священны и неприкосновенны и когда он не мог (и не представлял, как это сделать) выйти за их пределы. Люди первобытного общества занимались в основном собирательским хозяйством, и их отношения основывались на кровнородственных связях, собственно социальные связи же носили очень ограниченный характер.

Переход к классовому обществу означал не только рост производительных сил, но и разрыв кровнородственных связей и начало действительных социальных связей. Скреплением этих социальных связей занимается государство как новый тип власти, составной частью которой является право. Поэтому можно сказать, что без государства не было бы цивилизации, хотя на эту сторону генезиса цивилизации очень мало внимания уделяют теоретики цивилизации. Таким образом, цивилизация начинается с *доминирования социальных связей над природными и с развитием общества на своей собственной основе.*

Возникновение цивилизации — качественно новый этап в истории человечества. Отсюда начинается его подлинная история. Фундамент цивилизации — общественное богатство в единстве материальных и духовных ценностей. Оно появляется вместе с прибавочным продуктом, дающим возможность определенной части общества заниматься интеллектуальным трудом, создавать духовные ценности, что предполагает наличие письменности. Нет цивилизации без письменности и оседлого образа жизни, нет цивилизации без городов. Поэтому неправомерно говорить о кочевых цивилизациях. Кроме того, в процессе материального производства индивиды сами изменяются, совершенствуются, так сказать, цивилизуются.

Критерий цивилизации — положение человека в обществе. Первобытный человек — нецивилизованный человек. Он не рефлексировал ни над собственным бытием, ни над бытием окружающей действительности. Человек же эпохи рабства — цивилизованный человек. Он задумывается прежде всего над собственным бытием (вспомним изречения античных философов Сократа: «Познай самого себя» и Протагора: «Человек — мера всех вещей») и над бытием окружающего социального и природного мира. Общество тем цивилизованнее, чем больше у человека возможностей для проявления своих духовных и физических потенций.

Движение к цивилизации нужно рассматривать как процесс становления и наращивания социальных связей, социальной основы, социального потенциала развития общества. Но это возможно лишь при условии преемственной связи различных поколений. Иначе говоря, одним из существенных признаков цивилизации является преемственность. Без преемственности, без передачи от поколения к поколению материальных и духовных ценностей нет стабильности в обществе, а без стабильности нет развития, но без развития нет цивилизации. Одна из причин гибели многих цивилизаций как раз состоит в отсутствии преемственности, в отсутствии передачи ценностей данной цивилизации следующей генерации или же в неспособности этой генерации сохранить прежние ценности и создать на их базе новые.

Существуют различные дефиниции цивилизации. Так, американский теоретик цивилизации В. Каволис дает следующее определение цивилизации: «Цивилизация может быть определена как сочетание крупных социальных институтов и символических структур, которые в результате длительного исторического развития соединились друг с другом как компоненты целостного эмпирически данного образования»¹. На мой взгляд, можно дать и такую дефиницию: цивилизация — это совокупность материальных и духовных достижений общества на данном этапе его развития.

С возникновением цивилизации, государства, социальных классов, городов, письменности, короче, с переходом общества к более высокой организации, с усложнением общественных отношений, в том числе экономических, к моральным регуляторам добавляются правовые.

Моральные нормы иррациональны, если можно так выразиться, они инстинктивны. Их нельзя обосновать рациональными методами. Совесть, например, никакими рациональными средствами нельзя фундировать. Совесть — это внутренний судья человека. Мораль — это убеждение. Моральные нормы — неписанные нормы.

В отличие от моральных норм, правовые нормы и принципы — писанные нормы. Они рационально аргументированы и обоснованы. Они как законы вырабатываются людьми. Они представляют

¹ Каволис В. Цивилизационный анализ как социология культуры // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 72.

собой некие универсальные правила, в рамках которых индивиды, группы, прослойки, классы, государства и т. д. могут бытийствовать. Главная цель права — установление справедливости. Античные философы, например, проблеме справедливости придавали очень большое значение. Так, Платон, центральной проблемой государства считал справедливость, которую он характеризует как воздаяние должного каждому, как непричинение никому вреда. Платон пишет, что законы должны быть справедливыми и им должны подчиняться все, в том числе правители. «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»¹.

Если мораль — убеждение, то право — принуждение. Нарушение моральных норм не влечет никакой другой ответственности, кроме моральной. За нарушение правовых норм следует соответствующее наказание.

Цивилизованное общество, возникшее на базе первобытного общества, состоит из четырех больших сфер — экономической, политической, духовной и социальной. Но моральные регуляторы действуют только в двух сферах — духовной и социальной. В экономической сфере, например, классового общества моральные нормы не работают. Один класс присваивает труд другого класса, потому что такова сущность классового общества. Классовое общество — необходимое звено в длинной цепи исторического развития, и моральная критика в его адрес, чем занимались многие философы, бессмысленна. Сейчас модно писать об этике бизнеса, но если бизнесмен будет руководствоваться моральными ценностями, то он просто-напросто обанкротится. Поэтому в экономической сфере действуют юридические законы и нормы. Вообще можно сказать, что они действуют во всех сферах общественной жизни. Вот почему они имеют универсальный характер.

Моральные нормы не работают и в политике. Главное в политике — интересы. Они бывают государственными, личными, классовыми и групповыми, кастовыми, сословными, этническими и т. д.

Мораль оперирует понятиями «совесть», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость», «гума-

¹ Платон. Сочинения: В 4 т. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С.188–189.

низм» и т. д. Они отражают социальные реалии, отношения людей друг к другу и к обществу. На протяжении тысячелетий выработались такие нормы и принципы морали, без соблюдения которых общество не может нормально функционировать, оно просто-напросто погибнет. Возьмем еще раз понятие совести. Оно очень объемно и включает в себя, по существу, все моральные принципы. Совесть, по выражению Канта, есть удивительная способность человека. Она предполагает справедливость, добро, гуманность, любовь и т. д. Человек без совести способен на любое преступление.

Моральные нормы связаны с ценностями. Следует различать ценности и оценки. Оценка, как правило, имеет субъективный характер. Один может оценивать тот или иной поступок человека высоко, а другой, наоборот, низко. Но здесь имеется некий универсальный критерий, который выработался в ходе длительной истории человечества, совместной деятельности людей и их совместного общения. Убийство ни в чем не повинного человека вызывает осуждение у всех тех, кто руководствуется моральными принципами. Что касается ценностей, то они имеют объективный характер и не зависят от субъективной оценки индивидов. Скажем, картины Ван Гога представляют собой величайшую ценность, хотя при жизни автора их оценивали невысоко.

Моральные ценности, как и все в жизни, меняются в ходе общественного развития. Если, например, в прошлые времена вызванный на дуэль человек обязан был явиться на место дуэли, поскольку общественная мораль предписывала ему не проявлять малодушия и не бояться смерти, то в настоящее время сам термин «дуэль» вызывает лишь улыбку. Нельзя забывать и то, что понятия морали относительны. Скажем, добро и зло относительны: в одном случае добро может оказаться злом, в другом зло — добром. И тем не менее, для всех поколений общества понятия морали имеют универсальный характер. Та же совесть в эпоху Сократа исполняла те же функции, что и в современную эпоху.

Таким образом, с заменой первобытных структур на цивилизационные и, следовательно, с усложнением общественных отношений неизбежно возникает новая форма регулирования взаимодействий людей — правовая форма. Право не могло не возникнуть, так как новая социальная действительность нуждалась в совершенно других нормах и законах.

Философское фундирование права связано также с таким важнейшим социальным феноменом, как *гражданское общество*. Конечно, гражданское общество можно анализировать и в рамках цивилизационной парадигмы, но тем не менее его следует рассматривать как самостоятельную тему в курсе философии права, как это сделал Гегель.

Термин «гражданское общество» впервые употребил Аристотель. Поскольку он считал, что человек есть существо полисное (политическое, государственное), то под гражданским обществом он подразумевал политическое общество, т. е. государство. Гоббс тоже отождествлял гражданское общество и государство. Он считал, что люди до возникновения гражданского общества, т. е. в естественном состоянии, постоянно воевали между собой. И чтобы они полностью не истребили друг друга, необходима была сила, которая обеспечивала бы безопасность каждого гражданина. В качестве такой силы выступает общая власть, для установления которой люди должны договориться между собой.

Руссо связывал появление гражданского общества с возникновением частной собственности. Он писал: «Первый, кто огородил участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, был подлинным основателем гражданского общества»¹. Кант под гражданским обществом подразумевал такую власть, которая разрешает конфликты людей. Он считал, что «только в нем возможно наибольшее развитие природных задатков»².

Большое значение анализу гражданского общества придавал Гегель. Пожалуй, он впервые в философии подробно рассмотрел атрибутивные характеристики гражданского общества. Его возникновение Гегель связывает с семьей. С течением времени, — пишет немецкий философ, — семья разбивается на множество семей, отношения которых друг к другу представляют уже не некое внутреннее единство, а нечто внешнее. Это положение Гегель называет ступенью дифференциации, когда утрачивается нравственность, являвшаяся базой семьи. Здесь совершается переход от семьи к гражданскому обществу. «Гражданское общество есть дифферен-

¹ *Rousseau J.-J.* Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalite parmi les hommes. Paris, 1965. P. 108.

² *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 465.

циация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное»¹. Гегель считает, что лишь в современном ему мире создано гражданское общество, в котором каждый для себя является целью, а остальные для него как бы не существуют. Но без взаимодействия с другими нельзя добиться своей цели. Поэтому они используются как средство. Очевидно, Гегель имеет в виду буржуазное общество.

В гражданском обществе доминирует индивидуализм. Каждый преследует свою эгоистическую цель, но она может быть достигнута лишь на базе правовых норм и принципов. При этом индивиды не всегда понимают, что в обществе надо выполнять определенные обязанности, иначе оно просто-напросто погибнет. «Так, например, большинство людей рассматривают требование уплаты налогов как нарушение их особенности, как нечто им враждебное, препятствующее осуществлению их цели; однако сколь истинным это им ни *кажется*, особенность цели не может быть удовлетворена без всеобщего, и страна, в которой не платили бы налогов, не способна была бы отличаться и усилением особенности»². Таким образом, Гегель твердо убежден в том, что надо защищать всеобщее. Но вместе с тем он выступает против игнорирования особенного. Гегель и в данном случае показывает себя как великий диалектик: «Способствуя осуществлению моей цели, я способствую и осуществлению всеобщего, а оно в свою очередь способствует осуществлению моей цели»³.

Гегель выделяет три элемента гражданского общества: 1) систему потребностей; 2) защиту собственности посредством правосудия; 3) полицию и корпорации.

Гегель подчеркивает, что человек своим трудом создает необходимые предметы потребления, что «средства удовлетворения человеческих потребностей добываются подтом и трудом человека»⁴. В этой связи он критикует тех мыслителей, которые утверждали, что в естественном состоянии человек свободен с точки зрения

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 229.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 229.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 239.

своих потребностей, ибо он их удовлетворяет готовыми продуктами природы. И сам человек, и его потребности, — отмечает немецкий мыслитель, — не выходят за пределы природы, и поэтому он не был свободен. Гегель придает исключительное значение трудовой деятельности человека в гражданском обществе. «Варвар, — пишет он, — ленив и отличается от образованного человека тем, что он предаётся тупому безделью, ибо практическое образование и состоит в привычке и потребности в занятии. Неумелый человек всегда производит не то, что он хочет произвести, потому что он не господин своей собственной деятельности, тогда как умелым может быть назван рабочий, который производит предмет таким, каким он должен быть, и не обнаруживает в своей субъективной деятельности противодействия цели»¹.

В гражданском обществе создается, как говорит Гегель, всеобщее имущество или, выражаясь современным языком, общественное богатство. Кроме того, образуются «всеобщие массы», которые в зависимости от характера удовлетворения потребностей, от их средств и труда разбиваются на сословия, определяющиеся «соответственно *понятию* как *субстанциальное*, или непосредственное, как рефлектирующее, или *формальное* и, наконец, как *всеобщее* сословие»². Под субстанциальным сословием Гегель подразумевает земледельческое сословие. Земля, по его мнению, может быть исключительно частной собственностью.

Рефлектирующее, или формальное, сословие — это промышленное сословие. «*Занятие промышленного* сословия состоит в формировании продуктов природы и зависит в добывании средств к существованию от своего *труда*, от *рефлексии* и рассудка, а также существенно от опосредования потребностями и трудом других»³. По мнению Гегеля, промышленное сословие всем обязано самому себе: оно само все производит и потребляет. Что касается земледельческого сословия, то оно во многом зависит от плодородия земли, от климатических условий и т. д.

Гегель считает, что поскольку индивид промышленного сословия полностью зависит от самого себя, он осознает свою значимость, которая очень тесно связана с правопорядком. Поэтому, по

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 239.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 241.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 243.

его убеждению, сознание свободы и правопорядка возникло прежде всего в городах.

Наконец, всеобщее сословие. Оно, по утверждению Гегеля, занято охраной всеобщих интересов общества. Поэтому оно «освобождено от непосредственного труда для удовлетворения своих потребностей либо благодаря частному состоянию, либо благодаря тому, что государство, заинтересованное в его деятельности, способствует его безбедному существованию, и таким образом частный интерес находит свое удовлетворение в работе на пользу всеобщего»¹. Иными словами, к всеобщему сословию относятся те индивиды, которые работают в государственных органах.

Гражданское общество не может существовать без правосудия, так как нужно ежедневно решать разные вопросы, связанные с имущественными, сословными и иными отношениями людей. Для этого необходимо иметь соответствующие юридические законы. Гегель придает огромное значение правосознанию. Необходимо, — продолжает немецкий философ, — сделать все для того, чтобы граждане знали содержание законов, не прятать их в юридических и иных учреждениях. Право касается свободы человека, и он должен знать содержание законов, представлять и понимать, что можно делать в их рамках и за что следует понести наказание в случае их нарушения. Текст законов должен быть написан простым, ясным и четким языком.

Поскольку гражданское общество, — продолжает Гегель, — защищает интересы всех членов общества, оно представляет собой своего рода всеобщую семью. Поэтому оно должно иметь право следить за воспитанием детей, пресекать произвол родителей, принимать соответствующие меры в защиту детей. Как видно, Гегель довольно широкими полномочиями наделяет гражданское общество.

Анализируя корпорацию, Гегель пишет, что возникновение многочисленных корпораций связано с тем, что труд распадается на различные отрасли, которые составляют определенные корпоративные сообщества, имеющие свои собственные интересы, не противоречащие интересам всех. Гегель считает, что семья и корпорация составляют корни гражданского общества. То, что государство не может дать индивиду, он получает в корпорации.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 243–244.

Маркс часто употреблял термин «гражданское общество», но придал ему совершенно другой смысл. Прежде всего, под гражданским обществом он подразумевал производственные отношения. В «Немецкой идеологии», вместо понятия производственных отношений, употребляется понятие «форма общения», которое отождествляется с понятием «гражданское общество». Вот что Маркс говорит о гражданском обществе: «Форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обуславливаемая производительными силами и в свою очередь их обуславливающая, есть *гражданское общество...*»¹ Оно «обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства. Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII веке, когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности [Gemeinwesen]. Буржуазное общество [burgerliche Gesellschaft] как таковое разбивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и всякой иной идеалистической надстройки»². Как видно, немецкий термин «burgerliche Gesellschaft» обозначает как буржуазное общество, так и гражданское общество.

Нетрудно увидеть, что Маркс под гражданским обществом подразумевал буржуазное общество, т. е. общество, в котором следует различать bourgeois (буржуа) — члена гражданского общества и citoyen — гражданина государства. Буржуа как члена гражданского общества не следует путать с буржуем, т. е. с человеком, эксплуатирующим другого человека. Вместе с тем Маркс наиболее рельефно показал, что государство и общество не одно и то же. Понятие общества — более широкое понятие. Оно охватывает все многообразные связи и отношения, складывающиеся между людьми в процессе их совместной деятельности. Что касается по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 35.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 35.

нения государства, то оно связано лишь с политической сферой общественной жизни. Но вместе с тем, как уже отмечалось, вместо понятия гражданского общества Маркс вводит понятие производственных отношений, составляющих экономическую структуру общества.

Современный английский исследователь Дж. Кин пишет, что термин «гражданское общество» — «это идеально-типическая категория (idealtyp в смысле Макса Вебера), одновременно описывающая и предвосхищающая сложный и динамичный ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности и которые находятся в постоянных трениях друг с другом и с институтами государственной власти; последние же «оформляют», ограничивают и делают возможной их деятельность»¹. Автор подчеркивает, что уже в XVIII в. проводится демаркационная линия между гражданским обществом и государством. И с этим утверждением нельзя не согласиться.

Некоторые отечественные исследователи генезис гражданского общества связывают с наличием частной собственности. По их мнению, именно частная собственность является фундаментом гражданского общества. Она якобы делает людей гражданами, осознающими свою свободу и борющимися против бюрократов, мешающих жить и работать по-человечески. Вот, например, проф. А.Н. Чумаков пишет: «Итак, *от обретения частной собственности к свободе; от свободы человека к гражданину и, как следствие, к гражданскому обществу; от гражданского общества к демократии...*»²

Но частная собственность существует тысячи лет, а гражданское общество появилось сравнительно недавно.

На самом деле, гражданское общество в подлинном смысле слова возникает в условиях формирования капиталистического способа производства. Оно не могло возникнуть не только в эпоху рабства, но и в эпоху феодализма, когда крестьяне, имевшие мелкую собственность, были полностью зависимы от своих помещиков и не имели возможности вести свободный образ жизни. Иначе

¹ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001. С. 18.

² Чумаков А.Н. Еще раз о гражданском обществе // Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 12.

говоря, не было свободной рабочей силы, которой свободно распоряжается ее владелец. В отличие от феодализма, буржуазный способ производства базируется на частной собственности и свободном найме рабочей силы. Все граждане свободны в том смысле, что никто никого не принуждает работать, но экономическая необходимость заставляет людей, лишенных собственности, наниматься на работу к владельцам средств производства. Все стремятся к реализации своих интересов: наемные люди хотят, чтобы повышали уровень заработной платы, а владельцы собственности — больше прибыли. Принцип личной свободы им дает возможность проявлять себя как агентов производства. Это, в свою очередь, способствует формированию гражданских позиций. Суровая экономическая действительность заставляет людей быть активными членами гражданского общества. «Развитие гражданских обществ под влиянием рынков труда, отделенных от домашних хозяйств, не имело прецедента в истории: никогда прежде работа, понимаемая как оплачиваемая занятость, не разворачивалась с таким размахом и такой силой ни в одной социальной системе; никогда прежде и после работа и ее травмирующая оборотная сторона — безработица — не становились решающим фактором в жизни людей»¹. Классовые противоречия неизбежно порождали коллизии между буржуазией и рабочими. Постепенно возникают различные формы протеста: забастовки, митинги и др.

Именно при капитализме человек получает возможность действовать свободно в рамках существующих юридических законов и норм, выражать свою позицию по тем или иным вопросам, создавать политические партии, профессиональные союзы и организации, различного рода движения (молодежные, женские, спортивные и др.) и т. д. Иначе говоря, классический капитализм предполагает наличие не только официальных структур и социально-политических институтов, но и неофициальных. Неофициальные структуры автономны, они функционируют в соответствии с принятыми в государстве законами. Они могут формировать общественное мнение. С ними считаются официальные органы власти. Такое общество потому и называется **гражданским**, что все граждане государства могут проявлять себя, могут открыто выражать свое отношение к тем или иным действиям официальных вла-

¹ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. С. 137.

стей, могут протестовать против тех или иных решений государственных органов. И нередко под влиянием неофициальных структур официальные структуры вынуждены пересматривать свои решения.

Нельзя не отметить, что в классическом виде гражданское общество может существовать только в демократических буржуазных государствах (такowymi, как известно, считаются западные государства). Понятно, что в диктаторских капиталистических государствах не приходится говорить о гражданском обществе, хотя формально в таких государствах могут существовать и неофициальные структуры. Но они бытийствуют в основном для внешнего потребления или подпольно. Само собой разумеется, формирование гражданского общества немыслимо в имперских государствах, т. е. в государствах, где доминирует политическое насилие. Кроме того, гражданское общество не формируется там, где доминируют естественные (кровнородственные) и личностные, а не социальные связи.

Гражданское общество имеет некоторые общие признаки, без которых оно не может функционировать: 1) универсальное правовое государство; 2) возможность легального существования неофициальных социальных институтов и учреждений; 3) доминирование социальных связей над личностными; 4) личностное начало; 5) свобода и ответственность.

Гражданское общество в современном его понимании не может возникнуть в государстве, в котором право не носит универсального характера. *Под универсальным* характером права подразумевается такое состояние общества, когда все граждане *независимо* от их социального статуса подчиняются юридическим нормам и законам и несут равную ответственность за несоблюдение этих норм и законов (мы абстрагируемся от того, что нередко в реальной жизни граждане в зависимости от их социального статуса подвергаются разному наказанию в случае нарушения законов).

Часто не только в средствах массовой информации, но и в научной литературе появляются утверждения о том, что в России формируется правовое государство. Это, конечно, неверно. Право возникает везде, в том числе и в России, вместе с появлением государства. Но право приобретает универсальный характер только в эпоху капитализма. Во Франции, например, правовые нормы и принципы существовали до Великой французской буржуазной

революции. Тем не менее король Людовик XIV говорил: «Государство — это я». И он был по-своему прав, ибо ни сам король, ни его приближенные, ни крупные земельные собственники — короче, целые сословия не обязаны были подчиняться принятым юридическим законам. Они не несли никакой правовой ответственности за их нарушение. Но революция провозгласила равенство всех перед законом. «Все люди равны по природе перед законом. Закон есть свободное и торжественное выражение общей воли; он один и тот же для всех как в том случае, когда оказывает покровительство, так и в том случае, когда карает; он может предписывать лишь то, что справедливо и полезно обществу; он может запрещать лишь то, что приносит обществу вред»¹.

В универсальном правовом государстве существует разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Эти ветви власти не имеют права выходить за пределы тех полномочий, которые предписывают им законы (обычно в основном законе страны, т. е. в конституции, фиксируются полномочия всех ветвей власти).

Без возможности образования *неофициальных* и независимых социальных институтов, учреждений, профсоюзных организаций и т. д. нельзя говорить о гражданском обществе. Можно сказать, что наличие таких институтов, пожалуй, является главной отличительной чертой любого гражданского общества. Многие исследователи полагают, что такого рода институты существовали задолго до возникновения буржуазного общества. Конечно, история человечества свидетельствует, что во всех социумах были различные социальные институты, которые непосредственно не были связаны с государством. Но дело в том, что они не оказывали никакого влияния на те или иные решения государственных органов.

Если взять, например, профсоюзное движение, то оно — абсолютный продукт капитализма. Экономически появление профсоюзного движения связано с индустриализацией общества, с сосредоточением на заводах и фабриках огромного количества рабочих, подвергающихся эксплуатации со стороны предпринимателей. Для защиты своих интересов рабочие создают профессиональные союзы, которые действуют независимо от официальных

¹ Документы истории Великой французской революции: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 216.

властей и следят за тем, чтобы не ущемлялись экономические права трудящихся. Кстати сказать, в современном обществе, особенно на Западе, т. е. в классическом гражданском обществе, роль профсоюзных организаций исключительно важна.

В современном гражданском обществе важную роль играют и экологические организации, которых вплоть до второй половины XX в. не было. Возникновение таких организаций связано с глубоким экологическим кризисом, охватившим все континенты и регионы нашей Земли. Беспощадная эксплуатация природных ресурсов привела к тому, что резко ухудшилась экологическая ситуация в мире.

Официальные представители власти не отрицают экологического кризиса. Во многих государствах приняты законы о защите природной среды. В обществе, где главным показателем богатства выступает прибыль, фактически нельзя решить экологические проблемы. Вот почему очень важно, чтобы экологические организации и учреждения выступали активно, оказывали давление на официальные власти и вынуждали их принимать соответствующие меры по защите природы.

В гражданском обществе социальные связи *доминируют* над личностными. Поясню свою мысль. В добуржуазных обществах социальные связи в собственном смысле слова не играли особой роли. Не случайно эти общества принято считать традиционными обществами. Возьмем, например, первобытное общество. Оно базировалось на кровнородственных, т. е. природных, связях, хотя, конечно, социальные связи полностью не отсутствовали. Жизнь первобытного человека полностью регулировалась вековыми традициями и обычаями. По отношению к ним человек проявлял рабскую покорность и не представлял свою жизнь вне рамок существовавших норм жизни. Если взять феодализм, то и там личностные связи играли решающую роль, хотя значение социальных связей резко возросло. Король мог по своему усмотрению одних подданных наказывать, других поощрять и т. д. В буржуазном обществе доминируют социальные связи. Предпринимателю нужен квалифицированный специалист, и поэтому он нанимает на работу такого специалиста независимо от его национальности или этнической принадлежности.

В гражданском обществе индивиды связаны между собой прежде всего социальными, а не этническими или личностными свя-

зями. Иными словами, коллектив в гражданском обществе носит социальный характер. Поэтому члены одного и того же коллектива проявляют социальную солидарность, когда, например, официальные органы власти пытаются ограничить их права или ущемить их экономические интересы. Скажем, если на каком-нибудь предприятии снизили заработную плату, то профсоюз объявляет забастовку и весь коллектив прекращает работу до удовлетворения его экономических требований. Что касается коллектива в традиционном обществе, то в нем такая солидарность, в сущности, отсутствует.

Без *личностного* начала нет гражданского общества. Человек гражданского общества инициативен и целеустремлен. Он понимает, что от него самого во многом зависит его благополучие. Он цивилизован, старается знать законы своего государства, борется за их выполнение и одновременно выступает против них, если они не отвечают его интересам. Инициативный человек осознает, что его могут подстерегать опасности и трудности. Но кто не рискует, тот ничего не добивается в жизни.

Человек гражданского общества должен иметь гражданские позиции и не бояться открыто выражать их. Вообще, настоящий человек должен вести не растительный образ жизни, а подлинно человеческий. Он должен понимать, что никто за него не решит его жизненных проблем. «Человек — единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться»¹. Но чтобы решить эту проблему, человек должен выражать свои позиции открыто, быть смелым, решительным и бороться за улучшение собственного бытия. Это вполне возможно в условиях гражданского общества.

Свобода и ответственность — необходимые атрибуты гражданского общества². А что такое свобода? И в чем она проявляется? На эти вопросы мыслители давали разные ответы. Гольбах, например, утверждал, что «свобода — это возможность делать ра-

¹ Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 445.

² Неслучайно так много внимания уделяли исследователи философии права проблемам свободы. См., например, очень интересную работу П.И. Новгородцева «Введение в философию права» (Новгородцев П.И. Введение в философию права. СПб., 2000).

ди своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества»¹. А Коллинз свободу понимал как «способность человека поступать так, как он желает или предпочитает»². Можно привести цитаты из работ других философов, свидетельствующие о том, что каждый трактует свободу по-своему, каждый вкладывает в нее свой смысл. И это не случайно, потому что понятие свободы — самое распространенное и вместе с тем самое сложное. На мой взгляд, свобода — это возможность проявить свои физические и духовные потенции. Чем свободнее человек, тем у него больше возможностей создавать материальные и духовные ценности, обогащать свой духовный мир. Иными словами, развивать в себе все человеческое. А все это главным образом зависит от общества, в котором живет человек.

Свобода есть процесс, а не застывшее состояние. Иными словами, по мере продвижения общества по восходящей линии человек становится все более и более свободным в экономическом, политическом, духовном и других аспектах. Процесс этот носит очень противоречивый и порой даже драматический характер, но тем не менее эмпирически можно показать, как на протяжении истории расширяются свободы человека.

Свобода непосредственно связана со знаниями. Чем больше знает человек о законах объективного мира, об окружающей природной и социальной действительности, тем большей свободой он обладает, ибо может принимать такие решения, которые в рамках конкретных условий для него будут наиболее оптимальными. Поэтому нельзя не согласиться с Энгельсом в том, что свобода воли «есть ни что иное, как способность принимать решения со знанием дела»³.

Свобода проявляется во всей жизнедеятельности человека, охватывающей экономическую, социальную, политическую, духовную и иные области социума. Она проецируется и в гражданском обществе. Поэтому, как уже отмечалось, нет гражданского общества без экономической, политической, духовной и т. д. свободы. Дело в том, что гражданское общество — это, прежде всего, демократическое общество, в котором все люди независимо от их со-

¹ Гольбах П.А. Избранные произведения: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 173.

² См.: Английские материалисты // Собрание произведений: В 3 т. М., 1967. Т. 2. С. 7.

³ Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116.

циального статуса и политических позиций действуют свободно в рамках существующих законов и норм.

Нет свободы без *ответственности* и ответственности без свободы. Нельзя понимать свободу как свободу от ответственности за свои действия и поступки. Человек, не осознающий своей ответственности перед обществом, государством, семьей, друзьями и т.д., не заслуживает свободы. И наоборот, человек, лишенный свободы действий, но наделенный ответственностью, имеет полное право не действовать, т. е. ничего не делать.

В литературе дается много дефиниций гражданского общества. Приведу некоторые из них. Г. Дилигенский: «Гражданское общество — совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать, общество автономных индивидов и автономных социальных субъектов (актеров)»¹. Данная дефиниция гражданского общества, на наш взгляд, в целом адекватно отражает суть гражданского общества. А.Зубов: «Гражданское общество — общество, организовано противостоящее государственной власти»². В этом определении не схвачены существенные характеристики гражданского общества. Кроме того, непонятно, почему гражданское общество должно обязательно противостоять государственной власти. Оно должно воздействовать на государственную власть в рамках законов и требовать от нее защищать интересы тех или иных слоев, той или иной личности и т. д. Одним словом, гражданское общество — это своего рода выразитель общественного мнения, к которому должны прислушиваться официальные власти, если не хотят потерять доверие народа. А. Леденева пишет: «Гражданское общество — совокупность горизонтальных этических и экономических связей, не опосредованных государством»³. Это узкое определение гражданского общества, поскольку ограничивается лишь экономическими и этическими связями.

¹ См.: Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4, Осень — Гражданское общество. С. 5.

² Зубов А. Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4, Осень — Гражданское общество. С. 22.

³ Леденева А. Неформальная сфера и благодетель: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4, Осень — Гражданское общество. С. 113.

На наш взгляд, гражданское общество — *это такое общество, в котором существуют неофициальные структуры в виде различных организаций, социальных институтов, движений, комитетов, ассоциаций, обществ, собраний и т.д., действующие в рамках юридических законов и норм и оказывающие заметное влияние на официальные органы власти.*

В отечественной литературе нередко можно встретить выражение «мы строим гражданское общество». Но гражданское общество не есть дом, который действительно строят. Оно — самый сложный организм, оно не строится, а формируется на протяжении многих веков. Оно формируется вместе с формированием буржуазных общественных отношений, с развитием производительных сил, с демократическими принципами правления. Безусловно, гражданское общество немыслимо без развитого самосознания личности, класса и народа. Под самосознанием в широком смысле слова подразумевается осознание субъектом своих интересов и идеалов, своего места и роли в истории. Обладающий высоким самосознанием человек понимает, что он человек, что у него есть гражданские позиции, и поэтому не может смириться с социальной несправедливостью. Он готов постоять за себя, защитить свое человеческое достоинство, занимать активную жизненную позицию, стремиться к изменению и улучшению окружающей социальной действительности. Он четко осознает, что нельзя не бороться с явлениями, которые тормозят развитие общества.

Под самосознанием народа понимается осознание народом своей роли и места в историческом процессе вообще, в данной стране в частности. В первом случае понятие народа берется в широком смысле, а во втором — в узком. А под самосознанием класса подразумевается осознание классом своего места и своей роли как в историческом процессе, так и в обществе.

Самосознание личности, класса и народа взаимосвязаны. Чем выше самосознание народа, тем выше самосознание личности и класса. А уровень самосознания народа зависит от общего материального и духовного уровня данного общества, от его менталитета, способности сохранять и умножать традиции, обычаи, — вообще все культурные ценности. Народ, перманентно ломающий, вернее, разрушающий свои веками сложившиеся традиции, отвергающий свою собственную историю и переписывающий ее заново после каждого политического переворота, не имеет высокого са-

мосознания. Такой народ вряд ли нуждается в гражданском обществе. Ведь в гражданском обществе нужно показать себя, проявить характер, свою политическую культуру, готовность бороться за свои права, за улучшение своих жизненных условий.

Хотя гражданское общество является продуктом буржуазного способа производства, тем не менее не во всяком буржуазном обществе формируется гражданское общество. Оно формируется там, где наряду с высоким уровнем материального и духовного производства есть высокий уровень самосознания народа и сильно развиты демократические принципы.

В заключение отмечу, что я попытался философски обосновать необходимость и неизбежность возникновения права как новой формы регулирования общественных отношений на определенном этапе исторического развития. Конечно, более углубленный и всесторонний анализ осуществляется философией права. Но это уже сюжет другой статьи.

С.А. Хмелевская

Национальная система права: явные и скрытые философские основания

Большинство исследователей, занимающихся проблемами философии права, отмечают, что именно через общую теорию права происходит взаимосвязь философии и юриспруденции. Однако данная связь прослеживается и в иных проявлениях права, в частности, при построении и функционировании национальной системы права.

Национальная система права в принципе отличается единством, хотя в истории известны примеры, когда в пределах одной страны существовали несколько параллельных правовых систем (в частности, в эпоху феодализма)¹. Указанная система выражает особенности конкретно-исторического развития страны, ее культуры и пр. При этом следует отметить, что в ней заложены как явные, так и скрытые философские основания.

Начнем с анализа явных философских оснований национальной системы права. Они проявляются, в первую очередь, через общие принципы права, которые закрепляются в конституциях, конституционных или иных фундаментальных законах². Эти принципы отражают основные идеи и идеалы, которые базируются на определенных философских основаниях и которые формируют сущность и направленность правовой идеологии. Так, Конституцией Российской Федерации закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17).

На чем базируются данные положения Основного закона? Ответ очевиден: на определенных философских подходах к человеку, а именно тех подходах, которые утверждают приоритет его прав и

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 2008. С. 85.

² *Общая теория государства и права. Академический курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 2. С. 75.*

свобод по отношению ко всем прочим ценностям общественной жизни, данность этих прав человеку от рождения. Все это так или иначе укладывается в общую концепцию гуманизма, сложившуюся в российском обществе на конкретном этапе его развития, истоки которой следует искать в концепции естественного права.

Одновременно трактовка принципа гуманизма и его проявление в той или иной отрасли российской системы права довольно специфичны. Так, применительно к уголовному праву принцип гуманизма проявляется в отборе объектов уголовно-правовой охраны (например, в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации введена глава о преступлениях против семьи и нравственности), в постановке задач исправления осужденного, в особо щадящем отношении к несовершеннолетним, женщинам и престарелым, существовании института амнистии и помилования, моратории на смертную казнь, запрещении эвтаназии и пр.¹ В праве социального обеспечения он находит свое проявление в комплексе мер, направленных на защиту достойного уровня жизни человека при наступлении таких событий, как старость, инвалидность, потеря кормильца, болезнь и пр. Таким образом, в общих принципах права, выражающих исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, отражаются в явном виде те или иные философские идеи.

Общие принципы права выступают важнейшим компонентом правовой идеологии, которая закрепляется в правовой доктрине. Последняя включает в себя, в том числе, и определенные философские основания.

Правовая доктрина — это теоретические положения, научные теории юридического характера, в которых формулируются важнейшие принципы, юридические категории, понятия, воззрения юристов-ученых. В некоторых странах правовая доктрина выступает источником права. Так, правовая доктрина считалась и в течение длительного времени считается характерным источником права для англо-саксонской правовой семьи. Например, в Великобритании к мнениям наиболее известных ученых-юристов обращаются в случае, когда пробел в праве не может быть заполнен статутом или судебным прецедентом. Такими доктринами являют-

¹ См.: Общая теория государства и права. Академический курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 2. С. 84.

ся, в частности, труды У. Блэкстона («Комментарии законов Англии», 1565), Э. Коука («Правовые институты Англии», 1628), а также Дж. Локка, Дж. Милля, Э. Берка, А. Дайси и др.

В германо-романской правовой семье правовая доктрина потеряла своё былое правовое значение, хотя в течение длительного времени (XIII–XIX вв.) считалась важнейшим источником права.

В Российской Федерации источником права она не признаётся. В то же время компетентные научные труды, толкование законодательства (к примеру, научные комментарии Конституции, федеральных законов и пр.) играют немаловажную роль в правовой жизни страны. Например, акты Конституционного Суда более всего приближаются по своему содержанию к доктрине.

Во многом те или иные философские идеи закладываются именно в правовой доктрине. Например, сам подход к толкованию права не возможен без опоры на те или иные философские основания. Основные же типы правопонимания сформировались к началу XIX в. Именно тогда окончательно сложилась западноевропейская правовая культура и оформились, по меньшей мере, два противостоящих друг друга подхода: позитивистский и естественно-правовой. В последующем постепенно выделились три базовые концепции права — позитивно-нормативная, естественно-правовая и социологическая¹.

В динамике национальной правовой системы отмеченные выше три концепции права имеют разных адресатов. «Цель законодате-

¹ Подробнее см.: *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

Приверженность ученых и практиков к той или иной концепции во многом зависит от их субъективных склонностей и, конечно же, не служит упреком уже по той причине, что каждая из концепций выражает реальную сторону права и служит его осуществлению. Так, естественно-правовое видение права важно и для правового воспитания, и для развития писаного, позитивного права. Без позитивного понимания права недостижимы определенность и стабильность правовых отношений, законность в деятельности государственных органов и должностных лиц. Через социологическое понимание право обретает конкретность и практическую направленность; без него оно остается фикцией, декларацией, системой текстов. Три концепции права столь же верны, сколь и оспоримы. «Можно ли найти какую-либо обобщающую конструкцию, способную синтезировать три разных подхода к праву? Теоретически говоря, такая задача разрешима, — полагает Р.З. Лившиц. — Следует попросту отбросить отличия каждой из школ и оставить то общее, что их объединяет. А объединяет их представление о праве как системе общественного порядка» (*Лившиц Р.З.* Теория права. М., 1994. С. 53).

ля — обеспечить перевод категорий естественного права в позитивное право, выраженное в текстах нормативных правовых актов. Деятельность правоприменителя (и реализация права вообще) — это переход от позитивно-правовых к социологическим понятиям, от правовых норм к правоотношениям. Задача политика — обеспечить перевод социальных потребностей, выявившихся в процессе функционирования правопорядка, в категории правосознания, способные найти признание в общественном мнении и воплощение в законе»¹.

Итак, и в общих принципах национальной системы права, и в правовой доктрине (неважно при этом, рассматривается она в качестве источника права или нет) формулируются в явном виде философские основания, которые затем находят свое отражение в положениях законодательства, иных нормативно-правовых актов и документов, в правоприменительной деятельности.

Следует также отметить, что когда философские идеи так или иначе отражаются в сознании законодателя, то они в неявном виде влияют на процессы законотворчества. Когда же законодатель фиксирует данные философские основания в нормах права, то можно говорить о прямом их воздействии на принятие закона.

Но важно проследить, как те или иные философские основания отражаются в завуалированном виде в положениях закона или иных подзаконных актах, не находя четкой непосредственной формулировки, т. е., другими словами, какие философские идеи скрываются за положениями законов и нормативно-правовых актов и документов. Почему это важно? Отслеживание и анализ таких скрытых оснований дает возможность определить, в каком направлении изменяется национальная правовая система, какие в ней происходят изменения, насколько согласованы заявленные и скрытые философские основания.

Рассмотрим, как принцип абсолютной ценности жизни отдельной личности, сформулированный в Конституции, проявляется в отраслях национальной системы права.

В этом плане интересен анализ норм уголовного права, а именно тех из них, которые направлены на регулирование отношений, связанных с «коллизией жизнью» при крайней необходимости.

¹ *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 268.

Суть данной коллизии сводится к следующему: можно ли спасти свою жизнь или жизнь близкого, жертвуя жизнью другого человека? Допустимо ли причинять смерть одному человеку, чтобы спасти многих? Правомерно ли жертвовать несколькими людьми, чтобы уберечь от гибели еще большее количество людей? За ответами на эти вопросы, которые дает уголовное право, скрываются глубокие философские основания, по сути, раскрывающие одну проблему — ценность человеческой жизни в обществе.

В уголовном праве есть интересный пример, который иллюстрирует суть «коллизии жизней». Он получил название «Пуффендорфовой доски спасения»¹: во время кораблекрушения кто-то, спасая свою жизнь, схватился за доску, на которой может уместиться только один человек. Если в это время другой человек схватится за ту же доску, то он может погубить обоих. Имеет ли право первый столкнуть второго, чтобы спасти себя? Будет ли это убийством? Должен ли столкнувшийся другого в воду нести уголовную ответственность за убийство?

Следует отметить, что в истории философии этот и подобного рода примеры нередко становились предметом размышлений философов. Философов интересовал в данном случае сам факт крайней необходимости, а также то, как он меняет систему ценностей в сознании отдельного человека, да и общества в целом. Единого мнения не было.

Так, в немецкой классической философии встречались разные позиции. Например, И. Фихте разработал так называемую теорию экземпции (выключения), согласно которой крайняя необходимость определялась как право произвола (право считать себя выключенным из правовой сферы). В этом случае, утверждал Фихте, решение коллизии зависит не от права, а от физической силы и произвола участников². Примерно аналогичную позицию занял и И. Кант, считая, что закон бессилён в таких случаях, а человек действует в них, полагаясь только на чувство самосохранения³.

¹ Этот пример назван по имени одного из представителей германской школы уголовного права С. Пуффендорфа, который еще в XVII в. фактически одним из первых смоделировал правовую ситуацию «коллизия жизней».

² См.: Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучки. М., 1930. Т. 2. С. 432.

³ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. 4. Ч. 1. С. 234, 307; и др.

И Кант, и Фихте обосновывали свою позицию, ссылаясь на теорию естественных прав человека, согласно которой право на жизнь — это абсолютное право человека, и, спасая собственную жизнь в ситуациях крайней необходимости, он находится вне правового поля постольку, поскольку право на жизнь не даруется ни государством, ни конкретно законодателем. Однако в тех случаях, когда речь идет о ситуациях, укладываемых в рамки права, покушение на жизнь другого человека — это преступление, и оно должно караться по закону. Человек, покушающийся на жизнь других людей, не должен оставаться безнаказанным. Абсолютная ценность жизни как собственной, так и других людей рассматривается указанными философами как непреложный принцип права.

Иная позиция отражена в философии права Гегеля, который признавал относительную ценность жизни отдельного человека. В частности, он полагал, что если государственное благо требует гибели отдельного лица, то это вполне допустимо¹.

Но одновременно применительно к случаям крайней необходимости философ допускал, что «если бы человеку, жизни которого угрожает опасность, не было дозволено действовать так, чтобы сохранить ее, он был бы определен как бесправный, и этим отказом ему в жизни отрицалась бы вся его свобода»². Поэтому право на защиту своей жизни всеми возможными способами надо включить в саму систему права, т. е. человек должен получить такое право, находясь в правовом поле.

Современное российское уголовное право исходит из принципа равенства одной жизни другой. «Нарушение этого принципа (равенства всех перед законом) способно рано или поздно подорвать любую систему права. Отступление от него в практическом плане означает, что любой правоприменитель всегда и везде будет определять «ценность жизни» только по своему собственному усмотрению, что недопустимо»³. Поэтому с точки зрения действующего российского уголовного права спасение одной жизни за счет другой уголовно наказуемо (ч. 2 ст. 39 УК РФ), это трактуется как превышение пределов необходимой обороны. В данном случае

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1990. Т. 8. Философия права. С. 170.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 171.

³ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности // Государство и право. 2007. № 7. С. 67.

принцип абсолютной ценности жизни (защищаясь от смертельной опасности, лицо лишено права жертвовать жизнью другого человека) охраняется законом.

Однако решение проблемы «коллизии жизней» этим не ограничивается. Допустимо ли жертвовать одним человеком, чтобы спасти жизнь многих людей? Если исходить опять же из принципов абсолютной ценности жизни и равенства жизней всех людей, то такие жертвы не допустимы. Говоря словами И. Канта, жизнь человека ни при каких обстоятельствах не должна использоваться в качестве способа правового решения проблем¹.

Вместе с тем в УК РФ нет прямого запрета на причинение смерти одному человеку для спасения нескольких. Так же это относится и к ситуации при принесении в жертву меньшего числа людей для спасения большего. В соответствии с формальным толкованием указанной выше статьи УК РФ такой жертвой был нанесен менее значительный вред, чем предотвращенный².

Нарушение принципа абсолютной ценности жизни особо ярко проявляется при анализе Федерального закона от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³. В основе этого Закона лежит философская идея выбора меньшего зла («отвлеченного добра»). В соответствии со ст. 7 и ст. 8 Закона, «руководителю контртеррористической операции предоставляется право на умышленное причинение смерти неопределенно большому количеству граждан для предотвращения возможной гибели еще большего числа людей»⁴.

Но оправданна ли подобная жертвенность? За что страдают ни в чем не повинные люди? И как быть с принципом абсолютной ценности жизни каждого конкретного человека? Фактически получается, что граждане становятся незащищенными, оказавшись в зоне борьбы с терроризмом.

¹ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. 4. Ч. 1. С. 423, 427.

² Вспомним в связи с этим действия правоохранительных органов в концертном зале на Дубровке. При освобождении захваченных зрителей был применен специальный газ, в результате действия которого погибли не только террористы, но и некоторая часть заложников, хотя другая их часть была освобождена.

³ Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Гарант. 2009. 01 июня.

⁴ Цит. по: Плеваков А.М., Шкабин Г.С. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности // Государство и право. 2007. № 7. С. 71.

Таким образом, на примере этого Закона мы видим постепенное изменение российской системы права в направлении от признания абсолютной ценности жизни человека к ее относительной ценности. Во многом такой дрейф объясним тем, что в сознании законодателей происходит медленный отход от прежних философских оснований, которые брались в качестве основополагающих при построении национальной системы права в период коренных преобразований в стране в 1990-е гг. В целом ряде случаев прежние ценности советской системы отрицались, что нашло соответствующее отражение в тот период в праве (в том числе и при принятии Основного закона в 1993 г.). Сейчас же ценности, отраженные в системе права в указанный период, также подвергаются переосмыслению, что мы наблюдаем при изменении законодательства.

Нельзя в связи с таким переосмыслением не отметить того факта, что некоторые из провозглашенных ценностей, закрепленных в нормах права в тот период, были декларативными. Например, в Конституции Российской Федерации говорится о праве на достойный уровень жизни, но в законодательстве это положение нигде не раскрывается, в том числе и в самом Основном законе. Тем более что ни Европейскую социальную хартию, ни Европейский социальный кодекс, в которых провозглашены ориентировочные нормы жизненного уровня различных категорий населения, Российская Федерация официально не приняла в качестве руководящих документов.

Немалый интерес представляют философские идеи, заложенные и в иных отраслях права, в частности в гражданском праве. Как известно, предмет гражданского права составляют имущественные и личные неимущественные отношения. В связи с этим именно гражданское право отражает меру вмешательства государства в сферу частных интересов, а также то, насколько государство намерено влиять на развитие рыночных отношений, какие принимает на себя обязательства, следующие как из договорных, так и иных гражданско-правовых отношений.

Государству приходится в зависимости от конкретных социальных условий лавировать между политикой жесткого курса на государственное регулирование экономики, а также иных сфер общественной жизни, и политикой либерализма, направленной на создание оптимальных условий для развития свободы рыночных и иных общественных отношений.

Однако, как представляется, всегда необходимо стремиться к установлению оптимальных на конкретном этапе развития общества пропорций влияния государства на сферу частных интересов, которые обеспечивали бы и эффективное развитие этой сферы, и надлежащее выполнение возложенных на государство публичных задач. И если вводятся какие-либо ограничения в сфере гражданско-правовых отношений со стороны государства, то они должны быть обоснованы и исходить из решения общих задач, стоящих перед обществом.

Все эти изгибы политики государства находят свое отражение, в том числе и в сфере гражданского права. В связи с этим те или иные предложения, как со стороны законодателей, так и иных заинтересованных сторон, внести изменения в действующее гражданское законодательство можно рассматривать как стремление либо ужесточить политику государства в сфере гражданско-правовых отношений, либо либерализовать ее, максимально ограничив роль государства как публичного начала в такого рода отношениях.

За всеми подобными рода изменениями законодательства в сфере гражданско-правовых отношений скрывается то или иное решение философской проблемы соотношения частных и публичных интересов. В истории философской мысли, да и в истории права, встречались, по сути, два основных решения указанной проблемы: редуccionистское и диалектическое.

Редуccionистское решение строилось на подавлении одного начала другим. Например, в советский период в законодательстве, касающемся регулирования деятельности хозяйствующих субъектов в сфере гражданско-правовых отношений, публичное начало фактически вытеснило частное. Такой подход нашел четкое выражение в положении, высказанном В.И. Лениным: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»¹. Известно, к чему на практике привела реализация подобного высказывания.

Противоположная позиция была сформулирована в период ломки прежней, советской системы. Так, С.С. Алексеев подчеркивал, что «до тех пор, пока гражданское законодательство, законы о

¹ Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

собственности, предпринимательстве, все аналогичные законы не будут признаны и конституированы в общественном и юридическом бытии в качестве частного права, у нас не будет действительной частной собственности, предпринимательства, частной инициативы, права крестьян на землю»¹. Но и такая ситуация, когда частные интересы удовлетворяются за счет публичных, когда происходит сращивание частных интересов государственных служащих и бизнеса, не менее опасна².

Соответственно, диалектическое решение исходит из установления гармонии публичных и частных начал. Но следует отметить сложность решения подобной проблемы на практике. В частности, граница публичного и частного начал в праве весьма подвижна, зависит от целого ряда условий. Взять, к примеру, ситуацию, когда государство выступает в качестве субъекта гражданско-правовых отношений, что, с одной стороны, подразумевает сохранение государством в таких отношениях своих функций, а значит, своей приоритетной роли, а с другой — в соответствии с принципами гражданского права оно должно выступить равноправным участником указанных отношений.

Тема публичного интереса, да и интереса вообще постоянно привлекает внимание философов. Но если в философии тематика публичного интереса (интереса) раскрывается в теоретической плоскости, то для юристов это — задача не только теоретического анализа, но и правоприменения. При этом ни в одном современном нормативном правовом акте нет четкого определения публичного интереса, хотя в названии и содержании целого ряда таких актов встречается, например, понятие «государственный инте-

¹ Алексеев С.С. Гражданское право как частное право // Проблемы развития гражданского законодательства и методология преподавания гражданско-правовых дисциплин. Харьков, 1993. С. 21.

² Некоторое время назад отдельными депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации предлагалось узаконить «гражданский брак» между парламентариями и бизнес-корпорациями. А именно — разрешить депутатам входить в органы управления всевозможных ЗАО, ООО и т. п. Даже готовился законопроект, снимающий запрет на подобное совмещение. Приняв такой закон, Россия не оказалась бы в числе первооткрывателей. В ряде стран подобная практика существует, например, в Германии. Она выводит лоббизм из тени. Однако вопрос этот достаточно спорный, требующий специального обсуждения. См.: *Выжуртович В.* Шитье закона на заказ. Парламентский лоббизм: как вывести его из тени? // Российская газета. 11.07.2007.

рес»¹. Правовая наука ищет подобное определение в сфере философских знаний.

Если проанализировать ряд норм гражданского права, в которых встречаются понятие «интерес», «публичный интерес» и пр., то можно обнаружить признаки того или иного философского подхода к их трактовке. Так, один из философских подходов связывает понятие «интерес» с понятием «потребности»². При этом потребности трактуются как свойства субъектов, раскрывающихся в их отношении к необходимым *условиям* существования. Потребности представляют собой именно свойства социальных субъектов, а не их состояния. Отсюда интерес — это свойство субъекта, в котором выражается его отношение к необходимым *средствам* удовлетворения потребности. Именно в таком смысле применяется категория интереса, например, в ряде норм гражданского права, закрепленных в соответствующем законодательстве. В частности, в Гражданском кодексе РФ говорится, что «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе» (ст. 1 ч. 2).

Следует обратить внимание, что в юридической, да и философской литературе понятия «всеобщий интерес» и «публичный интерес» часто рассматриваются как синонимы, что нашло закрепление и в праве.

Однако есть некоторые нюансы при употреблении данных понятий, что также нашло отражение в ряде норм права. И всеобщий, и публичный интересы выражают интересы больших социальных групп. Но всеобщность в данном случае подчеркивает, что это интересы всего общества, в то время как публичный интерес подразумевает интересы и больших социальных групп, и общества в целом. В этой связи в праве отдельно выделены интересы публично-правовых образований.

¹ Федеральный закон от 14 апреля 1998 г. №63-ФЗ «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами»; Указ Президента РФ от 18 августа 1996 г. №1210; Постановление Правительства РФ от 12 августа 1994 г. №950 «Об утверждении положения о межведомственной комиссии по защите государственных интересов, прав потребителей и отечественных товаропроизводителей в сфере производства и реализации алкогольной продукции» и пр.

² См.: Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997.

Возникает сложный вопрос по поводу иерархии этих интересов: какие интересы должны соблюдаться в первую очередь, а какие — в последующую. Анализ действующего российского законодательства показывает, что при построении подобной иерархии здесь нет одного раз и навсегда устоявшегося принципа. Законодатель не всегда выстраивает эту иерархию по степени общности: в начале интересы общества вообще, а затем социальных групп. В ряде случаев критерий таков: на первом месте интересы, способствующие нормальному и гармоничному воспроизводству всего социума, его дальнейшему развитию.

Если такое воспроизводство и развитие — сформулированная в достаточно абстрактном виде цель, то средством для нее может выступать реализация интересов общества вообще, отдельных социальных групп и личностей, т.е. в том числе частных интересов. Касаясь последних, нельзя забывать, что зачастую учет и реализация именно частных интересов способствует достижению указанной цели. Поэтому выстроить сразу и навсегда иерархическую систему интересов, чье удовлетворение только во благо обществу, и закрепить ее в законодательстве нельзя. Ее надо постоянно пересматривать с учетом изменившихся социальных реалий, используя те или иные философские основания. В этом вопросе можно согласиться с В.Д. Мазаевым, который справедливо отмечал: «Публичный интерес, по-видимому, должен выражаться в более общих формулах, которые отражают в идеальном виде конечную цель или стремление к цели, но не определяют средства достижения этой цели. Другое дело, что в социальном процессе средства сами по себе могут иметь такое значение, что затенят собой цели»¹.

Однако здесь мы сталкиваемся с необходимостью уточнения с социально-философских позиций того, как понимается по своей субстанциональной природе публичность интереса.

В истории философской мысли сложились два подхода к такому пониманию — номиналистический и реалистический. Номиналистический подход исходит из того, что публичный интерес — это результат конкретного взаимодействия частных интересов. Реалистический подход трактует публичный интерес как нечто, находя-

¹ *Мазаев В.Д.* Публичная собственность в России: конституционные основы. М., 2004. С. 73.

щеся над частными интересами, несводимое к ним и первичное по отношению к ним.

Эти два подхода по-разному отражаются и в законодательной практике. Если первый предполагает создание на законодательном уровне таких условий, которые способствуют максимальному развитию частных интересов и через это развитию самого общества, то второй подход изначально ориентирован на реализацию публичных интересов, которые могут быть оторваны от частных.

В реальном законотворчестве, как правило, отражается сочетание названных подходов, с превалированием то одного, то второго на разных этапах развития общества и государства. Это находит отражение в двух моделях законодательной политики государства. Первая модель строится на развитии публичного интереса через наиболее полную реализацию частных интересов. Вторая предполагает ограничение проявлений частного интереса, ссылаясь на необходимость наиболее полного удовлетворения публичных интересов. Но в любом случае важно подчеркнуть, что важна гармонизация публичного и частного интересов постольку, поскольку один невозможен без другого.

К сожалению, в законодательстве сплошь и рядом встречаются нарушения баланса интересов, когда государство либо потворствует удовлетворению частных интересов в ущерб публичным¹,

¹ В частности, существует множество проблем, связанных с реализацией соглашений о разделе продукции (СРП). Несмотря на то что Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции», составляющий правовую основу режима СРП, действует с 1996 г., к настоящему моменту в России заключено лишь четыре соглашения о разделе продукции: «Сахалин-1», «Сахалин-2» (Сахалинская область), Харьгинское (Ненецкий АО) и Самотлорское (Ханты-Мансийский АО). Минприроды и Росприроднадзор не раз выражали свое недовольство иностранными операторами российских месторождений. Основные претензии к иностранным операторам СРП связаны с незначительными платежами, которые получает казна в обмен на выкачиваемые из российских недр нефть и газ.

Недостатки системы СРП связаны, прежде всего, с индивидуализацией условий соглашений по конкретным проектам. При проведении переговоров и заключении СРП допускается относительно большая свобода действий государственных чиновников. В условиях, когда коррупция стала повсеместным явлением, это может приводить к получению инвестором необоснованно выгодных условий реализации проекта и, как следствие, потере государством определенной части доходов от разработки находящихся в его собственности природных ресурсов.

либо, ссылаясь на публичность, подавляет частные интересы¹. В любом случае итог один — дисбаланс во взаимоотношениях интересов.

Но означает ли, что публичный и государственный интересы — это одно и то же? Анализ законодательства показывает, что очень часто данные интересы трактуются как идентичные. Более того, и исследование современной литературы по этой теме показало, что многие авторы еще до сих пор находятся в плену стереотипов, порожденных гегелевской философией права. Хотя выдающийся философ разделял государство и гражданское общество, но для него именно государство являлось воплощением всеобщих (публичных) интересов («цель государства есть всеобщий интерес»²). В то время как в гражданском обществе происходит реализация лишь особенных (частных) интересов: здесь каждый для себя есть цель, все другие значимы лишь как средства для достижения этой цели. Но «способствуя осуществлению моей цели, я способствую и осуществлению всеобщего, а оно, в свою очередь, способствует осуществлению моей цели»³. Лишь государство, по Гегелю, дает наиболее полное осуществление особенных интересов, а вместе с тем и всеобщих интересов, так как наступает состояние единства особенного и всеобщего интересов. И в этом плане понятия «государственный интерес» и «всеобщий (публичный) интерес» совпадают.

Идея тождественности государственных и всеобщих (публичных) интересов стала определяющей и для целого ряда современных авторов, которые часто заменяют одно понятие другим, рассматривая их как синонимичные. Однако тем самым вырабатывается стереотип: только государство может выражать публичные интересы.

Наконец, нельзя не обратить внимания на еще одно положение, нашедшее отражение в гегелевской философии права, — государство как воплощение разума. «Государство — это шествие Бога в

¹ Государство, являясь участником частно-правовых и публично-правовых отношений, очень часто оказывается в таком положении, когда, с одной стороны, оно должно соблюсти публичные интересы, за которыми стоит все общество в целом, а с другой — подчиниться нормам гражданского права, отражающим интересы частного лица в конкретном деле, что часто приводит к конфликту указанных интересов и его разрешению во многих случаях не в пользу частных интересов.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 294.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 229.

мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю»¹. И если общество — это воплощение «нужды и рассудка», то субстанциональной основой государства выступает разум. Поэтому подлинное государство — это всегда реализация разумного. Следовательно, оно всегда стремится к выражению всеобщего (публичного) через максимальное развитие частного (особенного).

Современное законодательство и теоретические наработки во многом закрепляют подобные идеи гегелевской философии права. Государственные и публичные интересы рассматриваются как идентичные, и само государство определяет, исходя из своей разумности, что является воплощением публичных (государственных) интересов, а что нет.

При всем распространенном ныне критически-негативном отношении к марксизму (не во всем, к слову, справедливом), обратимся к работам К. Маркса, который одним из первых провел скрупулезный анализ гегелевской философии права. Еще в период работы в «Рейнской газете» Маркс начинает приходить к выводу, что многие гегелевские положения не подтверждаются на практике. Итогом их переосмысления явилась работа «К критике гегелевской философии права. Введение», где Маркс четко обозначил расхождение с Гегелем в области философии права. Они касались, в первую очередь, понимания всеобщего (публичного) интереса и, в частности, того положения, что государство всегда выражает публичный интерес. При господстве бюрократии, — писал Маркс, — государственные задачи превращаются в канцелярские, а канцелярские задачи выдаются за государственные. «Превращение государственных дел в должности имеет своей предпосылкой отрыв государства от общества»². Для характеристики отрыва государства от общества Маркс использовал гегелевскую категорию «отчуждения».

В демократическом государстве, где развит институт гражданского общества, где сформирован и законодательно закреплён механизм контроля этого общества над государством, где понятие «государство» не сузилось до понятия «чиновничий аппарат», там, действительно, государство стремится выражать публичные инте-

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 284.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 278.

рессы, связанные с интенцией на эффективное и гармоничное социальное развитие. В этой связи становится не совсем понятным подразделение государственных интересов на публичные и собственно государственные (как политического института)¹. Исходя из самого предназначения государства, все его интересы, даже как особого политического института, должны быть направлены на реализацию публичных интересов.

Но таково положение дел в теоретическом измерении. В реальной действительности сразу возникает множество вопросов: как определить эти публичные интересы и кто их должен определять? Перелagать эту задачу только на «разумное» государство нельзя. Хотя, безусловно, это, в первую очередь, задача самого государства.

Но, как уже говорилось, и само гражданское общество должно с помощью определенных механизмов, в том числе и правовых, решать подобные задачи (референдумы, выборы, независимые экспертизы и пр.). Кроме того, оно должно иметь и рычаги воздействия на государство, систему эффективного контроля. Здесь важно избегать крайностей: с одной стороны, чиновничий аппарат под лозунгом защиты публичных интересов не должен удовлетворять свои частные интересы; с другой — не должны приниматься и популистские законы, принятые под давлением масс, но не оправданные с точки зрения дальнейшего эффективного развития общества.

Гражданское общество обладает огромной сдерживающей силой, не позволяющей государству нарушать права граждан, выдавать интересы государственного аппарата за публичные. Но гражданское общество и само нуждается в правовом регулировании. Не стоит забывать, что оно представляет собой сферу реализации частных интересов, которые могут противоречить общим, приходиться в столкновение с другими частными интересами.

Итак, по своему правовому статусу именно государство должно, в первую очередь, выражать публичные интересы. Но другое дело, как оно трактует эти интересы на конкретном этапе исторического развития, выражает ли оно данные интересы, как и в каком объеме реализует².

¹ Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М., 2003.

² См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 62–64.

Анализ действующего законодательства в сфере гражданского права как раз указывает на то, что государство, выступая особым субъектом гражданско-правовых отношений, под предлогом выражения публичных интересов зачастую намеренно нарушает права других участников гражданского оборота, в том числе и граждан.

Можно констатировать, что в гражданском законодательстве фиксируется лишь статус-кво, сложившееся положение дел в соотношении публичных и частных интересов. В этом плане представляет интерес проблема участия государства как выразителя публичного интереса в гражданско-правовых отношениях. С одной стороны, гражданское законодательство отражает меру вмешательства государства в сферу частных интересов; с другой, — само государство становится участником гражданско-правовых отношений. Отсюда проблема сочетания публичного и частного начал в функционировании государства в сфере гражданско-правовых отношений.

Среди основных проблем, связанных с участием государства в гражданско-правовых отношениях, можно назвать следующие:

– под предлогом реализации публичных интересов государство может необоснованно вмешиваться в сферу частных интересов, не выполнять взятые на себя гражданско-правовые обязательства; произвольно нарушать сформулированные им правила гражданского оборота;

– от имени Российской Федерации в гражданском обороте выступают государственные органы, наделенные соответствующими полномочиями, что дает возможность законодателю говорить об отдельных интересах данных органов¹, что ведет к возможным злоупотреблениям: интересы государственных органов как хозяйствующих субъектов выдаются за публичные;

– под публичными интересами могут скрываться интересы чиновничьего аппарата или отдельных государственных должностных лиц;

– частные интересы (например, отдельных юридических или физических лиц) могут выдаваться за публичные или лоббироваться при принятии того или иного закона;

¹ Например, в ст. 2 Арбитражно-процессуального кодекса (АПК) РФ упоминаются интересы органов государственной власти.

– общенациональные публичные интересы, в свою очередь, должны гармонизироваться с такими же интересами других стран и мирового сообщества в целом; поэтому иерархия интересов должны быть выстроена с учетом интересов более широкого уровня.

Таким образом, возникают непростые вопросы: всегда ли государство, вступая в гражданский оборот, руководствуется публичными интересами; каково оптимальное соотношение публичных (выражаемых Российской Федерацией) и частных (выражаемых иными участниками гражданских правоотношений) интересов в гражданском обороте; как эффективно использовать частные интересы для реализации публичных интересов и пр.

На наш взгляд, на каждом конкретном этапе исторического развития должна вырабатываться определенная доктрина (в том числе и с привлечением философов) участия Российской Федерации в гражданском обороте постольку, поскольку существует постоянная динамика в соотношении публичных и частных интересов, которую нельзя раз и навсегда законодательно формализовать и которая требует постоянной корректировки законодательства с учетом новых реалий. Данная доктрина должна базироваться в конечном итоге, на определенных философских основаниях, отражающих компромисс между необходимостью сплочения общества и его дальнейшего воспроизводства, что находит отражение в публичном интересе, с одной стороны, и свободой частных интересов, — с другой.

Таким образом, проведенный анализ ряда отраслей российской системы права показал, что философские основания права находят свое выражение как в явном, так и скрытом виде, и что их исследование имеет огромное значение для понимания сущностных основ национальной системы права и направлений их изменения.

Парадигмальный сдвиг в современном праве

І. Понятие парадигмы и его применимость к гуманитарным наукам

Этимология термина «парадигма» связана с древнегреческим словом *παράδειγμα* (*paradeigma*), которое в переводе имеет значение «пример», «модель», «образец». Наиболее устоявшееся значение «парадигма» имеет в лингвистике, где обозначает список словоформ, принадлежащих одной лексеме. В истории философии значения понятия «парадигма» варьируются. Платон использовал понятие парадигмы в своей космогонии, а также в своем учении о государстве¹. Аристотель понимал парадигму как вид индукции². Дискуссионным, в частности, остается вопрос о приоритете онтологического или гносеологического смысла, о внутренней связи санскритской морфемы «пара» и производных от ее слов, используемых в ведической литературе, с древнегреческим словом «*paradeigma*»³.

¹ В диалоге «Тимей» Платон пишет о том, что в качестве образца или первообраза (*paradeigma*) при создании космоса демиург использовал вечное и неизменное бытие, постижимое с помощью разума. Поскольку демиург благ и космос прекрасен, первообразом могло служить только вечное. Если бы за образцом служило возникшее, то произведение демиурга было бы дурным (28а–29b). В «Государстве» Платон различает дурные образцы, которым не должна следовать невинная душа (409а), образы, которые раскрывают сущность вещей (484с), и божественный образец государства (500е). Таким образом, значение понятия парадигмы у Платона определяется контекстуально.

² В «Риторике» Аристотель утверждает, что обоснование утверждения с помощью примера (парадигмы) не есть обоснование общего частным или частным общим. Парадигма действует по принципу от частного к частному или от подобного к подобному, и различие между утверждением и парадигмой состоит в том, что парадигмой служит обыкновенно более известное. С точки зрения Аристотеля, описанными свойствами обладают исторические примеры. Так, утверждение о том, что Дионисий обзавелся телохранителем, чтобы стать деспотом, основано на исторических примерах из жизни других деспотов, в частности Писистрата и Теагена из Мегары (1357b).

³ Данные вопросы были исследованы в диссертациях: *Верещагина Т.Н.* Парадигматический феномен в философии: диссертация ... кандидата философских

Новую жизнь понятие «парадигма» получило после выхода в свет книги Томаса Куна «Структура научных революций» (1962). В своей книге Кун дает несколько определений понятия, постоянно уточняя его значение. Прежде всего, парадигма — это модель, основанная на примерах, которая детерминирует традицию научного исследования¹. В целях прояснения понятия автор ссылается на понимание парадигмы в грамматике, однако значение, которым он наделяет парадигму, скорее, ближе к ее философскому истолкованию². Если грамматические формы различных слов являются взаимозаменяемыми, то образцы или модели в сфере научного познания индивидуальны. Их роль аналогична роли судебных прецедентов, которые выступают в качестве образца или примера для решения целой группы дел³.

Мы привели эксплицитные дефиниции парадигмы, однако понятно, что для базового понятия такие определения являются недостаточными. Кроме того, после тщательного изучения критики выявили очевидную неоднозначность понятия, которое меняет свой смысл в зависимости от контекста⁴. В «Дополнении 1969 года», отвечая на критику, Кун сделал попытку дать более точное определение понятия.

Во избежание ложных коннотаций Кун посчитал более предпочтительным вместо термина «парадигма» использовать термин «дисциплинарная матрица». Отсылка к дисциплине отражает общее свойство научного сообщества: сообщество ученых всегда объединяет единый предмет исследования — та или иная научная сфера или дисциплина. Матрица указывает на многокомпонент-

наук : 09.00.01. М., 2000; Павлова А.Б. Понятие парадигмальности в пифагорейской космогонической традиции : диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03. Екатеринбург, 2005.

¹ Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 28.

² Неслучайно Кун указывает на то, что созданный им образ науки имеет «скрытый философский смысл». См.: Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 14.

³ Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 44.

⁴ Чаще всего в этой связи приводится исследование Маргарет Мастерман, которой удалось установить 21 значение понятия «парадигма». См.: *Masterman M. The Nature of a Paradigm // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by I. Lakatos and A. Musgrave. Cambridge (MA), 1970. P. 61–65.*

ность понятия. Таким образом, в социологическом разрезе парадигма существует в форме дисциплинарной матрицы и включает в себя четыре основных элемента: символические обобщения, метафизические парадигмы, ценности и образцы, или собственно парадигмы.

Символические обобщения составляют ту часть дисциплинарной матрицы, которая полностью доступна формализации. Метафизическими парадигмами Кун именуется категориальные эвристические и онтологические концептуальные модели, которые используются учеными. Следующим элементом являются ценности, которые разделяют члены научного сообщества. Четвертый элемент дисциплинарной парадигмы составляют собственно парадигмы или примеры конкретных решений проблемы, демонстрирующие то, как делается наука¹. Этот последний элемент Кун считает наиболее ценным и именно ему приписывает глубокий философский смысл. Принадлежность ученого к той или иной дисциплинарной матрице определяется системой образцов, усвоение которых является одновременно овладением «способом видения», присущим конкретной матрице. Иными словами, рациональное знание, в конце концов, определяется не выученными законами и правилами, а способом видения, который не может быть формализован². И. Лакатос, критически настроенный в отношении концепции Куна, в 1970 г. выпускает работу «Фальсификация и методология программ научного исследования», где выдвигает понятие «исследовательской программы» как взаимоувязанного ряда теорий³. Примерами могут служить метафизика Декарта, теория тяготения Ньютона, квантовая физика Бора и др. Переход от одной исследовательской программы к другой описывается И. Лакатосом как «теоретический сдвиг» или сдвиг проблем, который может

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 237–244.

² Сходные идеи высказывал известный британский ученый и философ М. Полани: «Науки открывают новое знание, однако новое видение, которое при этом возникает, само не является этим знанием... Теории научного метода, пытающиеся объяснить формирование научной истины посредством какой бы то ни было чисто объективной и формальной процедуры, обречены на неудачу» (см.: Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 197). В своей книге Кун неоднократно использует понятие «неявного знания», введенное в научный оборот М. Полани.

³ См.: Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 77.

быть как прогрессивным, так и регрессивным. В отличие от Куна, Лакатос отстаивает сугубо рациональный характер развития научного познания и логическую и эмпирическую соизмеримость исследовательских программ, объясняющую рост науки. В 70-е гг. П. Фейерабенд публикует сразу две книги — «Против метода» (1975) и «Наука в свободном обществе» (1978), — в которых анализирует закономерности возникновения новых теорий. Устанавливая принцип пролиферации теорий и принцип методологического плюрализма, П. Фейерабенд фактически отрицает куновское состояние «нормальной науки», которое характеризуется господством одной парадигмы. По П. Фейерабенду, революция в науке возникает не в результате противодействия нормальной науке, а вызревает благодаря постоянному творческому поиску, который не укладывается в жесткие рациональные рамки. С точки зрения нашего исследования, имеет значение также и тот факт, что П. Фейерабенд рассматривает науку как часть культуры, имеющую свою идеологию и свои «мифы». Поэтому те закономерности, которые он выявляет в развитии точных наук, можно распространить также и на гуманитарные науки, включая право. Нельзя не согласиться с исследователями из Красноярского университета, которые дают следующую оценку позиции Фейерабенда: «Подобная методологическая установка в наибольшей степени согласуется со спецификой социально-гуманитарного познания, которое по природе своей мультипарадигмально, не поддается генерализации, предполагает наличие множества сосуществующих теорий и уровней научного познания»¹. О метафизических основаниях науки писал французский философ русского происхождения А.В. Койре. Сравнивая философию со «строительными лесами», он утверждал, что «post factum научная мысль может их отбросить, но, возможно, только для того, чтобы заменить другими»².

¹ Демина Н.А., Уткина М.М., Яковлева Е.Ю. К специфике формирования научных парадигм в социально-гуманитарном познании // Вестник КрасГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 3/2. С. 95.

² Койре А. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985. С. 14.

Сходные идеи были высказаны выдающимся физиком двадцатого столетия В. Гейзенбергом, который был убежден не только в том, что ученый всегда придерживается той или иной философии, но также и в том, что новые данные могут потребовать кардинального изменения основы научного познания. См.: Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1989. С. 84–85.

Предшественником Куна можно считать Г. Башляра, который в своей книге «Новый рационализм» (1953) вводит понятие эпистемологического разрыва. С точки зрения Башляра, который проводит психологический анализ смены научных теорий, новая концепция не только разрушает прежний взгляд на феномены, но и делает ученого невосприимчивым к нему. Еще ранее, в 1922 г., был опубликован очерк В.И. Вернадского «О научном мировоззрении». В его представлении, научное мировоззрение изменяется от эпохи к эпохе, но главное — оно подвержено влиянию извне, прежде всего влиянию философии и религии¹.

В области гуманитарных наук идеи, родственные идеям Куна, развивал М. Фуко. Многие исследователи отмечают близость понятий «парадигма» и «эпистема»². Более подробное осмысление эпистема получила в книге М. Фуко «Археология знания» (1969): «Эпистема — это не форма знания и не тип рациональности, который проходит через различные науки, манифестирует обособленные единства субъекта, духа или эпохи; эпистема — это, скорее, совокупность всех связей, которые возможно раскрыть для каждой данной эпохи между науками, когда они анализируются на уровне дискурсивных закономерностей»³. Несомненной заслугой Фуко является более широкая трактовка парадигмы (эпистемы), которая позволяет включить науку в общее поле культуры, рассматривать ее как элемент целого в рамках определенной эпохи. В то же время Фуко оставляет без внимания вопрос о переходе от одной эпистемы к другой, довольствуясь констатацией самого факта смены эпистемы. Косвенную связь с концепцией парадигмы имеет также ряд образов, которые Фуко рассматривает как основополагающие для принятия той или иной системы ценностей, воплощающейся в определенной структуре управления и власти. Анализируя природу власти, Фуко ссылается на «юридическую

¹ Вернадский В.И. О научном мировоззрении // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 187–188.

² Понятие «эпистема» Фуко впервые ввел в своей книге «Слова и вещи», которая вышла в 1966 г. Содержание понятия «эпистема» с трудом поддается рационализации, существует множество его толкований. В самом общем виде под «эпистемой» Фуко подразумевает убеждения (включая научные) и ценности, которые свойственны определенной эпохе и которые реализуются в дискурсивных практиках.

³ Фуко М. Археология знания. К., 1996. С. 186.

модель» власти (отождествление государства и закона, принцип справедливости и разделения властей и т.п.). Эта модель, по его мнению, не отражает реальных механизмов и интересов, которые определяют политику и право государства. Напротив, «юридическая модель» служит необходимым образом, картиной, благодаря которой власть воспринимается как приемлемая¹. В такой трактовке парадигма-образ имеет много общего с идеологией, которая, согласно философии К. Маркса, искажает объективную картину мира. Другим классическим примером таких образов-метафор у Фуко служит паноптикум². Будучи конкретным историческим примером, паноптикум в философии Фуко становится моделью, порождающей определенную структуру власти, которая воспроизводится до тех пор, пока сохраняется значение однажды принятого образца.

Еще раз обратим внимание на сложную, многокомпонентную структуру парадигмы. Кун неоднократно подчеркивает, что ее нельзя свести к эксплицитно выраженным правилам, законам и формулам, которые создает и которым следует научное сообщество. Здесь было бы уместно вспомнить критерии различения правовых систем различных государств. В отличие от правовых парадигм, правовые системы являются более устойчивыми образованиями, однако нас интересует в данном случае не вопрос об их преходящем характере, а сама структура. Известный специалист по сравнительному правоведению Р. Давид подчеркивает, что правовые системы отличаются не правилами и нормами, которые оставляют их содержание, а теми понятиями, на которых эти правила основаны. Особенности формулировок и структура законодательства, как считает Р. Давид, имеют под собой не рациональное основа-

¹ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 184–190.

² Паноптикум — кольцеобразное здание с центральной башней, в которой располагается наблюдатель-надзиратель, описанное в одноименном произведении И. Бентама в конце XVIII века. Согласно мысли Бентама, паноптикум представлял собой образцовую структуру, пригодную для тюрьмы, больницы или школы. Подчеркивая универсальную значимость феномена, Фуко использует термин «паноптизм»: «Общественный договор можно рассматривать как идеальное основание права и политической власти; паноптизм представляет собой повсеместно распространенную технику принуждения. Он продолжает работать в глубине юридических структур общества, заставляя действенные механизмы власти функционировать в противоположность обретенной ею формальной структуре». См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 325.

ние, а психологию: с одной стороны, тех, для которых законы предназначены, а с другой — тех, кто эти законы применяет. Если же говорить о базисе правовой системы, то он имеет онтологический характер: «Каждая правовая система стремится выразить определенное восприятие мира и отражает определенный способ понимания справедливости и эффективного воздействия на социальные отношения»¹. Точно так же и правовая парадигма имеет онтологические и психологические корни. И если мы говорим о смене парадигмы, то появление новых идей и направлений в теории и правовой доктрине не может служить в качестве достаточного подтверждения. Вопрос необходимо ставить о *наличии или отсутствии определенных сдвигов в мировоззрении*. В структуре правовых норм имеется элемент, который может оказаться особенно полезным в исследовании такого рода. Речь идет о *принципах права*. Неслучайно в самом законодательстве содержание принципов никогда не излагается исчерпывающим образом. Принципы пронизывают весь нормативный корпус, но их рационализация всегда ограничена, поскольку их объектом является не поведение в определенной ситуации, а собственно мировоззрение. С функциональной точки зрения, можно сказать, что принципы «переводят» невербализуемые интенции, формирующие наше мировоззрение (ценностные, психологические, интеллектуальные), в правовое поле.

II. Что следует понимать под сменой парадигмы?

Итак, мы в общих чертах обрисовали, что представляет собой парадигма. Однако предметом нашего исследования являются не просто парадигмы в праве, а их смена, сдвиг.

Под «структурой научных революций» Кун подразумевал именно этот сдвиг, которых он описывал с точки зрения философии, социологии и психологии. Если мы возьмем в качестве примера труды И. Лакатоса, А. Койре или П. Фейерабенда, то каждый из указанных авторов сосредоточен на вопросах конкуренции научных теорий, оставляя без внимания социальный контекст преобразований.

¹ David R. The Methods of Unification // American Journal of Comparative Law. 1968. № 16. P. 14.

С точки зрения Куна, вопрос о смене парадигмы необходимо ставить тогда, когда можно констатировать ряд проблем, с которыми даже наиболее талантливые представители науки, основываясь на действующей научной парадигме, уже не могут справиться. Наличие таких проблем свидетельствует об «аномалии». Выявление аномалий и невозможность с ними справиться вызывает определенную психологическую реакцию — «период резко выраженной профессиональной неуверенности»¹.

Комментируя концепцию Куна применительно к праву, Г.Дж. Берман пишет следующее: «Взаимодействие революции и эволюции в западном праве демонстрирует впечатляющую параллель взаимодействию революции и эволюции в естествознании. В западном праве, как и в западных естественных науках, подразумевается, что будут происходить изменения в данных условиях, что эти изменения будут ассимилированы в существующую систему или парадигму, что если они не ассимилируются, то их примут как аномалии, но если слишком много изменений не смогут ассимилироваться, тогда в какой-то момент сама система потребует коренного изменения»².

Очень важно, что кризис ни в коем случае не является следствием недостаточно эффективной работы, проводимой в научном сообществе, он также не является доказательством поражения традиционной парадигмы. Это в особенности справедливо в отношении юриспруденции, которой удастся сохранить основные институты гражданского права, история которых насчитывает уже не одно тысячелетие. Если говорить о праве, то основную причину кризиса следует искать не в изъянах традиции или в упрямстве ее сторонников, а в воздействии внешних факторов. Исключительная зависимость права от развития человеческой культуры в целом, и в первую очередь от экономики, политики и технологий, сегодня никем не оспаривается. И в то же время в отсутствие кризиса такой зависимостью можно пренебречь, поскольку взаимное соответствие между социально-экономическими и юридическими константами подразумевается. Ситуация меняется, когда решения проблем, предложенные правом, исходя из общепринятой теории, перестают удовлетворять запросы общества.

¹ Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 98.

² Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 38.

Успешное разрешение кризисной ситуации зависит не от активности «проповедников» новой парадигмы. Новые теории не только могут оказаться, но довольно часто действительно оказываются либо неудачными интерпретациями прежней парадигмы, либо не оправдывающими себя на практике нововведениями. Ответственной инстанцией в фильтрации новых веяний и выделении тех, которые заслуживают дальнейшей проработки, выступает само научное сообщество. В свою очередь, восприимчивость сообщества непосредственно зависит от того, насколько развитой является действующая парадигма.

Особое внимание заслуживает проблема сопротивления новым идеям, из которых в дальнейшем может вырасти новая парадигма, со стороны представителей научного сообщества. Первые и вполне закономерные попытки восстановить авторитет старой парадигмы заключаются в ее видоизменении с целью адаптации к решению нетрадиционных проблем. Однако, как полагает Кун, «исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает»¹. Цель нормальной науки состоит в более глубокой разработке существующих теорий (отсюда так называемые «фундаментальные» исследования и многочисленные комментарии к ним в форме отдельных статей и даже диссертаций), а не в создании принципиально новых. Более того, универсум, который описывает наука, предполагает не только наличие определенных феноменов и отношений и, следовательно, постановку определенных вопросов, но и отсутствие прочих. Таким образом, часть проблем навязываются практикой, но не находят надлежащего места в принятой системе координат. Так можно объяснить максимально длительное игнорирование проблем со стороны членов сообщества².

Следующим моментом является сама революционная суть смены парадигмы. Подчеркнем, что речь идет не о модификации, а о замене парадигмы. Новая парадигма приносит с собой новый

¹ Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 46.

² О сложностях в постановке и решении непарадигмальных проблем, принцип парадигмальной детерминации см., например: *Майданов А.С.* Непарадигмальные проблемы, их источники и способы постановки // *Эволюция, культура, познание.* М., 1996. С. 93–110; *Майданов А.С.* Методология научного творчества. М., 2008.

взгляд на вещи, т. е. вносит изменения в базовые представления об исследуемом предмете¹. Речь идет о метафизическом смысле понятия «парадигма», который мы упоминали выше. Любая наука признает идеал рациональности, однако само понятие рациональности не является неизменным. Рациональность классической науки нацелена на постижение универсальных законов природы и общества на основании единого метода. Это в равной степени распространяется и на гуманитарные науки, включая право. Неклассическая наука ставит процесс познания в зависимость от наблюдателя и в целом от контекста. В сфере гуманитарного знания классическим примером такого подхода является социология А. Шюца, который устанавливает корреляцию между социальными процессами и личностными характеристиками и установками участвующих в них индивидов. Наконец, представлениям так называемой «постнеклассической» науки соответствует динамический образ науки как непрекращающегося поиска инноваций. Использование единой методологии такому образу не соответствует².

Право, одной из приоритетных функций которого является обеспечение порядка и стабильности общественных отношений, естественным образом стремится к единообразию в сфере теоретического поиска. Однако презумпция единообразия соблюдается только в сфере законотворчества и судебной практики. Правовая доктрина является более подвижной и восприимчивой к междисциплинарным, прежде всего методологическим, достижениям в сфере познания.

III. Смена парадигмы современного права

Для начала введем необходимое различие. В отечественной правовой литературе последнего десятилетия утвердилось понимание

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 151, 152.

² Так, А.П. Огородов особо обращает внимание на «мультипарадигмальность наук и множественность способов описания изучаемых процессов и явлений», которые становятся неотъемлемой характеристикой современного этапа развития науки. См.: Огородов А.П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Вып. Философия. Филология. 2006. С. 10.

правовой парадигмы как парадигмы правовой теории или философии права. Мы же будем говорить о смене парадигмы права, понимая под этим *изменения в теории и практике, вызванные кардинальным изменением общей ситуации вне права — социально-политического и экономического контекста.*

Неслучайно проведенное нами исследование проблемы опирается на концепцию научных революций Куна. Источником научной революции, по Куну, в конечном итоге является научная практика — эксперименты и открытия. Соответственно и в области права нельзя рассматривать эволюцию мировоззрения в отрыве от законодательной и правоприменительной практики. В силу особой природы права, в котором теория и практика находятся в более тесной связи, чем в иных областях науки и культуры, при возникновении неразрешимых проблем изменение теории абсолютно необходимо. Но право имеет и другую особенность, связанную с его консерватизмом. В связи с этим следует обратить внимание на факт временного запаздывания: *за изменением ситуации в обществе, экономике и культуре вначале следуют спонтанные изменения на уровне негосударственного права и только затем, после продолжительных дебатов в академической среде и изменения соответствующей позиции в политических кругах, изменения приходят также и в законодательство.* Бывают случаи, когда политическое решение опережает формирование доктринальной позиции, как это имело место в случае с разработкой и принятием четвертой части Гражданского кодекса¹. Однако даже в этом случае принятие закона с таким количеством нововведений никогда не могло бы состояться, если бы определенная часть научного сообщества не взяла на себя инициативу апробировать новый теоретический подход.

Для того чтобы ответить на вопрос, как сегодня право понимает само себя, достаточно обратиться к любому учебнику по теории государства и права. Право, говорится в них, есть *система общеобязательных норм, устанавливаемых и обеспечиваемых государством.* Но ту же идею мы встречаем и у известных российских правоведов. Так, О.Э. Лейст в книге «Сущность права» пишет следующее: «Особенностью права, отличающей его от других со-

¹ Часть четвертая Гражданского кодекса РФ была принята 18.12.2006 № 230-ФЗ и вступила в силу с 1 января 2008 г.

циальных норм, всегда была поддержка государственным принуждением и соответственно «санкционирование» (официальное признание плюс снабжение санкцией) правовых норм»¹. Именно на таком понимании права (которое представляется чем-то непоколебимым и само собой разумеющимся) воспитывается в наши дни любой юрист. Философские корни такой трактовки — юридический позитивизм.

Является ли такое определение универсальным? В своей книге «Западная традиция права: эпоха формирования» (1983) известный американский ученый, профессор университета Эмори Г.Дж. Берман высказывает иную точку зрения: «Говорить о западной традиции права — значит постулировать понятие права не как корпуса правил, но как процесса, предприятия, в котором правила имеют смысл только в контексте институтов и процедур, ценностей и образа мышления. При таком более широком взгляде источники права включают не только волю законодателя, но также разум и совесть общества и его обычаи и привычки».²

Представляется, что в науке, тем более в гуманитарной, ни одно из понятий нельзя считать фиксированным. Даже базовые понятия создаются не на века, но претерпевают изменения, поскольку, во-первых, меняются подходы и взгляды на предмет, а во-вторых, в чем мы усматриваем особенность права и иных общественных наук, вместе с экономическими, политическими и прочими преобразованиями изменяется и сам предмет. Убежденность в том, что у любого предмета имеется некая непреходящая сущность, является достоянием не юридической, а философской мысли. Об этом необходимо помнить, поскольку следствия принятия заимствованной из философии концепции подлежат переосмыслению, когда сама философия уже не считает их данностью³. Вопреки устоявшемуся мнению, теория права не использует какой-либо универ-

¹ *Лейст О.Е.* Сущность права. М., 2008. С. 25.

² *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. С. 28.

Отметим также, что в оригинале книга называется «Право и революция» (Law and Revolution), которое лучше отражает общую направленность книги.

³ Идея о неизменной сущности предмета подвергается критике в герменевтике, экзистенциализме, постмодернизме и ряде других направлений в современной философии. Сознание не отражает и фиксирует, а производит смысл предмета. И этот произведенный смысл оказывается зависимым от языковых, исторических и культурных характеристик, детерминирующих человеческое сознание.

сальный и объективный метод. В двадцатом столетии в рамках юриспруденции сформировались сразу несколько направлений с критическим подходом к ортодоксальной теории права, берущей свое начало в юридическом позитивизме. В их числе юридический реализм, юридический плюрализм, критические юридические исследования. Очень важной заслугой современного права является восприимчивость к достижениям иных научных дисциплин. Общим местом стали исследования в области права и экономики, социологии права, юридической антропологии, права и языка, права и литературы.

В российском праве в последнее десятилетие широко обсуждаются вопросы методологии, переосмысливаются понятие права и правопонимания. Работы по данным вопросам опубликованы юристами и правоведами И.Л. Честновым, А.И. Овчинниковым, А.В. Поляковым, Б.А. Осипян, Е.Ю. Таранченко, В.В. Лапаевой. Особо хочется отметить позицию доктора юридических наук И.Ю. Козлихина, которую он высказывает в полемической статье «О нетрадиционных подходах права». Высказывая сомнения относительно междисциплинарных тенденций в современном российском праве и продуктивности поиска новой парадигмы, автор признает «тот очевидный факт, что общая теория права и государства себя изжила»¹. Выход из сложившейся ситуации И.Ю. Козлихин видит не в попытках создания новой общей теории, а в развитии философии права, социологии права и догмы права, которые являются самостоятельными юридическими науками с собственным предметом и методом.

Имея в виду ситуацию неопределенности, которая сложилась в российской науке права, мы не считаем, что сохранение в неприкосновенности общепринятых догматов может решить назревшие проблемы. Поскольку любая наука, включая право, развивается, отказ от переосмысления, а в некоторых случаях и пересмотра правовых понятий, принципов и методов исследования, нельзя считать правильной стратегией.

Еще раз подчеркнем следующий момент. *В основе поисков новой правовой парадигмы лежит не произвольное и абстрактное теоретизирование, не искусственное перенесение на почву права*

¹ Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40 // www.jurisprudence-media.ru/archive/2006/1/2.php (05.05.2009).

методов смежных дисциплин, а глубинные процессы в развитии общества и культуры, которые оказывают неизбежное давление на правовую практику, которая, в свою очередь, заставляет менять устоявшиеся теоретические воззрения. Для любого периода развития права характерно взаимовлияние теории и практики. Особенность современной ситуации заключается в необходимости *концептуального* пересмотра. В дальнейшем мы постараемся обосновать, что смена парадигмы в современном праве является не воображаемой тенденцией, а реальным фактом.

IV. Глобализация и право

Процессы *глобализации* ставят под сомнение монопольную роль государства в создании права и осуществлении правосудия. С точки зрения У. Бека, профессора Института социологии Мюнхенского университета, необходимо проводить различие между глобализмом и глобализацией. Для глобализма характерен «империализм экономической составляющей», т. е. приоритетное положение экономики и, как следствие, размывание границ между экономикой и политикой. Под «глобализацией» следует понимать «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»¹. Структурной особенностью глобализации на современном этапе следует считать активный рост использования инфокоммуникационных технологий, которые позволяют созидать и поддерживать общее коммуникативное пространство. Важно иметь в виду, что речь идет о коммуникации в самых разных сферах общественной жизни: культуре, политике, экономике, праве и проч. Д.В. Иванов выделяет четыре основные тенденции в процессах глобализации: интенсификация товарных и финансовых потоков, идущих через границы национальных государств; формирование сферы транснациональной политики; целевая переориентация международных организаций с государственных на гуманитарные проблемы; коммуникационная революция. Д.В. Иванов отмечает: «Таким образом, в

¹ *Бек У.* Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации. Сборник. М., 2004. С. 48–49.

середине XX в. обозначился контраст между старым и новым типами политики, характеризуемыми, соответственно, «закрытостью», основанной на принципе национально-государственного суверенитета, и «открытостью», основанной на принципе супра- и субнациональной взаимозависимости»¹.

Профессор права Монреальского университета К. Бенихлеф и адвокат Ф. Желинас, которые написали целый ряд работ в соавторстве², считают, что цифровые технологии и, прежде основанные на них средства коммуникации бросают вызов *принципу национального суверенитета*³. Развитие электронных способов передачи информации привело к ослаблению контроля государства над своими границами, его способности обеспечивать исполнение закона в пределах своей территории. С точки зрения авторов, в современном мире понятие суверенитета стало неустойчивым (*fluctuating concept*)⁴.

В российской науке преобладает мнение о необходимости сохранять суверенитет в неприкосновенности как залог соблюдения интересов государства в мировом сообществе. Представляется, что такой подход не является вполне верным. Если взять в качестве примера Европу, то объединение стран в Европейский союз означает добровольное ограничение своего суверенитета. Очевидно, что такое ограничение не ослабляет государства, а, напротив, усиливает их позиции. Кроме того, многочисленные международные соглашения и конвенции, хотя и не формально (поскольку присоединение к ним является добровольным), но на практике ограничивают суверенитет государств по многим вопросам, включая вопросы войны и мира, налоговой политики, установления правил содержания заключенных, ограничения политических свобод и т. п. В целом можно говорить о стремлении современных госу-

¹ Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // Телескоп. 2002. № 4 // www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml (05.05.2009)

² Самой значительной из совместных работ является книга «Регулирование на пике разногласий: ставки киберюстиции», которая была опубликована в Париже в 2003 г. (*Benykhlef K., Gélinas F. Le Règlement en ligne des différends: les enjeux de la cyberjustice*. P., 2003).

³ В 2003 г. в Канаде вышел специальный сборник, посвященный проблеме кризиса суверенитета: *Souverainetés en crise*. Québec, 2003.

⁴ *Benykhlef K., Gélinas F. The International Experience in regard to Procedures for Settling Conflicts relating to Copyright in the Digital Environment // Copyright Bulletin*. 2001. Vol. XXXV. № 4. P. 7.

дарств войти в надгосударственные объединения¹. Хорошим примером является постоянно обсуждаемый в политических кругах и в прессе вопрос о вступлении России в ВТО. Основной причиной сужения суверенитета государства в современных условиях является глобализация, которая охватывает как экономическую, так и политическую сферы и заставляет государства адаптироваться к новым условиям.

Глобальная экономика, наука, технология, СМИ и т. п. сегодня образуют особые сегменты мирового сообщества, которые испытывают настоятельную потребность в регулятивных нормах. Обращает на себя внимание тот факт, что в перечисленных сегментах мы наблюдаем активное формирование частных правовых режимов, которые лежат за пределами национального законодательства или международных договоров². Дело в том, что, учитывая структурное усложнение отношений, регулируемых правом, к которому приводит глобализация, от международного права, как и от частного международного права, вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем удовлетворительного решения возникающих проблем. Указанные отрасли права имеют иерархическую структуру, тогда как сетевой характер регулируемых отношений подразумевает децентрализацию.

Хотя «виртуальное пространство» назвать территорией можно только условно, его появление серьезно осложнило способность государства поддерживать свою суверенную власть. Американские юристы Д.Р. Джонсон и Д.Дж. Пост в ставшей классической статье 1996 г. «Право и границы — рождение права в киберпространстве» указывают: «Киберпространство не имеет территориальных границ, поскольку стоимость и скорость передачи сообщения по Сети является почти полностью независимой от физического местоположения»³. Децентрализованный характер сети Интернет не позволяет установить полный контроль над по-

¹ См.: *Гурин Л.Е.* Глобализация и проблемы национального суверенитета // Материалы «круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО / Под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек, 2004. С. 39–47.

² См.: *Fisher-Lescano A., Teubner G.* Regime-collisions: the Vain Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law // *Michigan Journal of International Law*. 2004. Vol. 25. P. 1010.

³ *Johnson D.R., Post D.G.* Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace // *Stanford Law Review*. 1996. Vol. 48. P. 1370.

токама информации. Дополнительную проблему представляет собой использование частными субъектами криптографических средств, что существенно облегчает распространение нелегальной информации. Все больше специалистов в области права признают наличие в универсальной информационной Сети собственного права, которое включает в себя не только вопросы сугубо технического регулирования, ведущие к правовым последствиям, но и различные нормативные стандарты, регулирующие «поведение».

Плюралистическая концепция космополитизма¹ предлагает рассматривать сообщество вне территориальных рамок как определенный вид социальных взаимосвязей, построенных по сетевому принципу. Американский юрист П.С. Берман полагает: «Такое динамическое понимание отношений, складывающихся между «локальным» сообществом и другими формами аффилированности (региональной, национальной, транснациональной, интернациональной, космополитичной), позволяет нам концептуализировать правовую юрисдикцию в терминах социальных взаимодействий, которые представляют собой текучие процессы, а не фиксированные различия, замороженные во времени и пространстве».²

V. Юридический плюрализм

При анализе всего комплекса вопросов, связанных с нормотворчеством, традиционное понимание права оказывается неудовлетворительным. В контексте обсуждаемого вопроса стоит упомянуть учение австрийского социолога Е. Эрлиха о «живом праве» (*das lebende Recht*), которое он обосновал в своей книге «Основания социологии права» (1913). Живым является право, используемое в жизни, независимо от того, закреплено ли оно в юридических нормах. Его источниками являются и «государственное право» (корпус норм, поддерживающий правопорядок), и «право юристов» (процессуальное право), и «общественное

¹ Сторонники правового космополитизма рассматривают принадлежность лица к различным сообществам как юридически значимый факт и основу для определения юрисдикции. С космополитизмом в мировоззренческом смысле, который видит в человеке гражданина мира, данное течение не связано.

² *Berman P.S. The Globalization of Jurisdiction // University of Pennsylvania Law Review. 2002. Vol. 151. No 2. P. 321.*

право», которое включает в себя обычную жизненную практику различных сообществ, коммерцию, обычаи и традиции. Таким образом, Эрлих подчеркивает роль общества в формировании правовых норм и их последующем применении¹. Сходную позицию высказывает в своих работах В.В. Лапаева, которая рассматривает согласованные социальные интересы в качестве правообразующих².

Учение Эрлиха находилось в общем русле цивилизационного подхода, который разрушил миф европоцентризма. В последующие десятилетия идеи Эрлиха вдохновляли представителей юридического плюрализма, которые боролись за признание существования в европейских колониях собственного права. Колониализм ушел в прошлое, однако процессы глобализации заставили в новом свете взглянуть на теорию юридического плюрализма.

Юридический плюрализм, как можно заключить уже из названия, противопоставляет себя определенной идеологии, а именно — юридическому централизму, который видит в праве строго иерархическую систему норм. Если посмотреть на историю правовых учений, то такие взгляды можно найти уже в XVII в. (Т. Гоббс) и даже в XVI в. (Ж. Боден). Статус нормы зависит от ее положения в иерархии, однако положение государства как суверена и как высшей правовой инстанции остается неизменным. Концепция государства и концепция права как иерархической системы норм рассматриваются юридическим централизмом как фундамент политической организации общества. Таковы основные черты юридического централизма — идеологии права эпохи модерна, которая получила широкое распространение благодаря созвучности идеям юридического позитивизма. Необходимо обратить внимание, что данная точка зрения на структуру и функции права имеет не только нормативный характер, поскольку устанавливает, каким право должно быть, но также и априорный характер, поскольку содержит необходимые утверждения о природе права, т. е. говорит о том, каким право является. Указанные особенности концепции юридического централизма становятся препятствием для

¹ См.: *Nelken D. Eugen Ehrlich, Living Law, and Plural Legalities // Theoretical Inquires in Law. 2008. Vol. 9. No 2. P. 447.*

² *Лапаева В.В. Социология права как юридическая дисциплина // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 55.*

применения дескриптивного метода исследования права, который отталкивается не от должного или сущего, а от наблюдаемого на практике. Эмпирические исследования права в своих выводах перестают быть объективными, поскольку результат исследований зачастую предопределен. Как пишет в своей программной статье «Что есть юридический плюрализм?» (1986) Дж. Гриффитс, «юристы, а также специалисты в гуманитарных науках, страдают от хронической неспособности увидеть, что правовая реальность современного государства вовсе не представляет собой старательно и последовательно организованный идеал, который замечательно подходит под общее определение «права» и «правовой системы», но что правовая реальность представляет собой, скорее, несистематический коллаж из непоследовательных и накладывающихся друг на друга частей, которые с трудом поддаются правовой интерпретации... Юридический плюрализм является фактом. Юридический централизм является мифом, идеалом, требованием, иллюзией»¹.

Важно отметить, что отстаивание правового статуса отдельных нормативных систем и их полной независимости от государства переводит дискуссию в чисто теоретическое русло. Практическое применение юридического плюрализма основано, напротив, на борьбе за признание государством правового значения тех норм, которые разрабатываются и соблюдаются на добровольной основе участниками профессиональной и предпринимательской деятельности. С.В. Бахин справедливо отмечает: «...Называть какое-либо регулирование, осуществляемое на территории государства, негосударственным невозможно. В силу принадлежащего государству суверенитета оно не допустит регламентации, противоречащей санкционированному им правопорядку. Таким образом, регулирование может не исходить непосредственно от государства, но быть в то же время им санкционировано (как прямо, так и косвенно)»². Кроме того, заслуживает критики неопределенность границ права, которая напрямую вытекает из концепции юридического плюрализма. Для организации управления в обществе необходима сис-

¹ *Griffiths J.* What is Legal Pluralism? // *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law.* 1986. № 24. P. 4.

² *Бахин С.В.* Субправо: Новые тенденции в унификации международного права // *Правоведение.* 2002. № 1 (240). С. 149–158 // www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=172578 (05.05.2009).

тема критериев, позволяющих определять принадлежность различных феноменов к праву, традиции, обычаю, культуре и т. п.

Образование Европейского союза, в котором сосуществуют национальные правовые системы и наднациональное право союза, послужило толчком к новым дискуссиям о юридическом плюрализме. Глобализация и различные ее проявления, включая образование Европейского союза, бросают вызов традиционному пониманию права. Юридический плюрализм рассматривается как один из возможных подходов к осмыслению происходящей смены правовой парадигмы. В то же время хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на фундаментальные перемены, право остается ключевым механизмом, регулирующим общественные отношения.

VI. Кризис современного права и правопонимания

Начнем с того, что понятие кризиса в праве не является исключительным достоянием современной эпохи. В 1909 г. была опубликована книга П.И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис современного правосознания». В правосознании, посредством тех или иных идей, представлений, целевых и ценностных ориентиров, выражается отношение людей к правовой действительности. Но как соотносятся кризис правосознания и кризис права? Эти два явления тесно взаимосвязаны. Правовой кризис (различного рода несоответствия между правовыми нормами и потребностями общественной жизни, между должным и действительным) всегда сопровождается кризисом в теоретических и практических воззрениях.

В этом смысле кризис права, хотя и вызывается конкретными причинами, проявляется всегда как кризис в области идей и обозначает, как пишет П.И. Новгородцев, «период сомнений и неопределенности, которые должны смениться или безнадежной утратой старых верований, или напряженностью новых исканий и нового творчества»¹. Кризис правосознания П.И. Новгородцев ус-

¹ *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 22.

матривал в кризисе теории правового государства и теории индивидуализма. О кризисе правосознания писал также И.А. Ильин в своей книге «О сущности правосознания» (1956).

Вопрос о кризисе, как и более общий вопрос об эволюции права, можно поставить под сомнение, если сводить право к корпусу норм, т. е. к позитивному праву, но право является также и социальным институтом, частью истории и культуры определенного общества. Правовые нормы поэтому не являются нейтральным инструментом регулирования общественных отношений, но всегда зависят от мировоззрения и ценностных предпочтений как законодворцев, так и судей. В связи с этим назовем несколько характеристик современного права, которые, с точки зрения Г.Дж. Бермана, свидетельствуют о кризисе западной традиции права. Право не воспринимается более как целое, как *corpus juris*, а скорее как совокупность норм, принятых *ad hoc* и объединенных только формально с помощью приемов юридической техники. Постепенно уходит в прошлое также и обращение к истории права в целях получить дополнительное объяснение и истолкование правовых феноменов. Право, таким образом, все более понимается как неисторическое образование, создаваемое применительно к конкретной исторической ситуации и лишенное преемственности. Лишив право истории, современное сознание видит в праве инструмент политики¹. «Право, — заключает Г.Дж. Берман, — становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль, оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности. Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться»².

А.В. Поляков указывает на несоответствие современной теории права требованиям времени и усматривает в этом «симптомы кризиса современного российского теоретического правосознания»³.

¹ Здесь было бы уместно вспомнить, что в «Манифесте коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса право определяется как возведенная в закон воля определенного класса — буржуазии.

² Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 53.

³ Поляков А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 4.

Одной из основных причин кризиса является комментаторский и нередко схоластический характер теории государства и права, унаследованный от советской эпохи, когда господствовало представление о классовой сущности права и о приоритете пропаганды по отношению к научным исследованиям. По мнению О.Э. Лейста, кризис правовой теории постепенно преодолевается, в частности, благодаря отсутствию обязательной официальной идеологии. «Однако, — отмечает О.Э. Лейст, — в настоящее время методология общей теории права все еще находится в стадии становления. У нас нет обоснованных концепций права, влиятельных направлений и школ, способных органически соединить достижения юридической мысли Запада с российской действительностью, существенно повлиять на теоретические конструкции в их связи с практикой, оказать зримую помощь законодателю и практикующему юристу»¹. Действительно, кризис правовой теории имеет неизбежные последствия для позитивного права и практики правоприменения. Поскольку любой законопроект должен не только отвечать требованиям практики, но и соответствовать общим началам права, вписываться в общую систему, обращение к достижениям юридической науки в данной области является неизбежным. Особенно остро данная проблема встает в связи с необходимостью регулирования новых отношений и новых феноменов, в понимании которых отсутствует определенность. Точно так же официальное нормативное или легальное толкование должно учитывать не только обстоятельства и целесообразность применения нормы, но и научные доводы, содержащиеся в доктрине, поскольку последние отражают научные ценности.

Очевидно, причины кризиса науки права в России нельзя свести к политике и идеологии прошлого. Глобализация, о которой речь шла выше, затрагивает различные стороны жизни российского общества, включая право. Так, В.С. Курчеев и Е.А. Тюгашев заявляют: «Оценивая перспективы юридических наук, можно, прежде всего, прогнозировать коренные изменения в самом фундаменте юридических знаний. Глобализация права объективно ведет к его унификации в сочетании с мультилокальностью»².

¹ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2008. С. 292–293.

² Курчеев В.С., Тюгашев Е.А. Глобальное видение права // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. 2005. Т. 1. Вып. 1. С. 6.

Другое важное замечание касается непосредственной связи кризиса в праве с *общенаучным методологическим и структурным кризисом*. Современный этап развития науки, преодолевающий ограниченность классической научной картины мира, характеризуется как «постнеклассический». В юридической науке, напротив, продолжает господствовать метафизический тип мышления, который использует большая часть концепций в теории и философии права. Под влиянием новой научной парадигмы за последние десятилетия в области теории права сформировался ряд концепций и направлений, в которых подвергается критике и переосмысливается действующая парадигма. Некоторые из этих концепций мы уже упоминали (юридический плюрализм, постмодернистское право), но существуют также и многие другие — критические юридические исследования, юридический феминизм и др. Все большее значение в развитии правовой теории приобретают различного рода междисциплинарные исследования. Речь идет как о новых достижениях в области юридической социологии и антропологии, так и об относительно новых направлениях, таких как право и экономика, право и информационные технологии, эволюционная теория права. В проблематике правовых исследований полноправное место занял также анализ права с точки зрения литературы, музыки и театра.

Постнеклассическая парадигма права является наследницей таких течений, как юридический реализм и юридический прагматизм. Помимо критической программы, реализующей деконструкцию постулатов либеральной юриспруденции (о государственном суверенитете, о вневременных и универсальных ценностях и т. п.), представители нового подхода отстаивают также ряд позитивных тезисов. К примеру, Т.Л. Воротилина в своем диссертационном исследовании в числе таких тезисов указывает следующие: защита прав меньшинств (расовых, тендерных, культурных) и несостоятельных слоев; реорганизация принципов правосудия в сторону «креативного» правосудия; придание формальным юридическим категориям практического смысла; изучение политических интересов и экономической ситуации как источника развития права; понимание новой роли юридического мышления как посредника в диалоге множества различных культурных групп; понимание общества и права как слож-

ных самоорганизующихся систем и др.¹ В России данные направления пока не получили развития. В то же время российские ученые активно изучают методологию постнеклассического правопонимания, и мы уже имеем ряд талантливых работ по данной теме².

¹ *Воротилина Т.Л.* Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: диссертация ...кандидата юридических наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2002. С. 11–12.

² См.: *Неважжай И.Д.* Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23–31; *Мартышин О.В.* Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 19–20; *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; *Поляков А.В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. СПб., 2003; *Поляков А.В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 4–23; *Честнов И.Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000; *Честнов И.Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002; *Деникина З.Д.* Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени: диссертация ...доктора философских наук: 09.00.03. М., 2005; *Овчинников А.И.* Правовое мышление: аксиологический и герменевтический аспекты: диссертация ...кандидата юридических наук: 09.00.10. Ростов-на-Дону, 2000; *Честнов И.Л.* Принцип диалога в современной теории права: диссертация ...доктора юридических наук: 12.00.01. СПб., 2002; *Воротилина Т.Л.* Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: диссертация ...кандидата юридических наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2002; *Честнов И.Л.* Принцип диалога в современной теории права: диссертация ...доктора юридических наук: 12.00.01. М., 2003.

А.В. Соловьев

Как возможна философия войны?

Постановка вопроса, вынесенного в заглавие, восходит к проблеме возможности достоверного научного знания, которую И. Кант поднимает в «Критике чистого разума». Нам известно, что по поводу математики и физики (естествознания) философ отвечает на этот вопрос положительно, но за метафизикой (философией) он не признает права на научность. Таким образом, если рассматривать войну как «вещь саму по себе», то она оказывается закрытой для теоретического разума, то есть для науки. Если рассматривать войну как объект умопостигаемого мира (мира свободы), то она попадает в сферу действия практического разума, главным предназначением которого является руководство поступками человека. Так как движущей силой практического разума является воля, а не мышление, то главным в данном случае становятся его собственные (нравственные) законы. Исходя из этого, становятся понятными идеи, выдвигавшиеся философами различных эпох, о нравственных аспектах войн, о справедливых и несправедливых войнах, о законах войны и правилах ее ведения и т. п. Вместе с тем, философов занимала и онтологическая сторона войны. Они пытались постигнуть ее суть и не были намерены отказываться от этой задачи.

Война является феноменом, присущим жизни большинства народов, достигших определенного уровня культурного, социально-экономического и политического развития. Она сопутствует жизни этих народов на протяжении многих тысячелетий и является органичным элементом социо-культурного контекста их развития. Война так же, как те отношения, которые ее порождали, условия, в которых она возникала, протекала, завершалась и снова возникала, меняясь от эпохи к эпохе, поражая людей своей неизбежностью, изменчивостью и многоликостью. Она была той осью, вокруг которой вращался мир, построенный на насилии. Описания, дошедшие до наших дней, свидетельствуют о большой роли, которую в истории государств и народов играли войны. Для одних они становились основой процветания, для других — причиной заката

или даже полного исчезновения. Война находила отражение в мифах, эпосе, поэмах, изобразительном искусстве и зодчестве, религии и, наконец, науке, которая стремилась свойственными ей средствами исследовать это явление с целью познания, предвидения и влияния на нее.

Попытки научного подхода к исследованию войны можно найти уже у древних. Геродот, Тацит и другие мыслители, описывая войны и сражения, заложили основы исторической науки. Фиксируя исторические события, они не ограничивались констатацией фактов, а приносили исследовательский и аналитический аспект в освещение событий. Эти описания до сих пор являются ценнейшим материалом для изучения войны во всем многообразии отношений, заключенных в ней как в фокусе, сконцентрировавшем то, что оставалось вне пределов наблюдаемости в мирное время. По-видимому, именно обострение во время войны всех процессов, латентно протекавших в обществе в мирное время, стало привлекать внимание исследователей. Кроме того, масштабы, значение и последствия этого феномена для жизни обществ также притягивали внимание мыслителей самых различных эпох и народов.

Само название «философия войны» впервые употребил в начале XIX в. участник наполеоновской кампании 1812 г. генерал артиллерии маркиз Жорж де Шамбре в одном из своих трудов, озаглавленном «Философия войны» («*Philosophie de la guerre*»), вышедшем в 1828 г.¹ В предисловии он писал: «Слово *философия* имеет несколько значений, я рассчитываю познакомить с тем значением, которое я дал ему в названии этого произведения. В применении человеческого ума выделяют четыре уровня: 1) ремесло, 2) искусство, 3) наука, 4) философия. Ремесло является рутинной или способностью, приобретенной практикой без знания принципов и правил; искусство подчинено правилам или принципам; наука является системой знаний о полезном предмете; философия является основой, позитивом, сущностью или даже общими положениями науки. Именно в этом смысле я использовал слово *философия*: Линней (а), Вольтер (б), Фуркруа (в), Жоффруа Сен-Илер (г) и многие другие авторы использовали его в том же самом смысле»².

¹ См. «Приложение 1» в конце статьи.

² *Chambray G. de. Philosophie de la guerre. P., 1829. P. V–VI. (Перевод мой. — А.С.)*

Направление в философии, носившее название «философия войны», получило распространение в конце XIX — начале XX вв. Философия войны явилась теоретическим осмыслением фундаментальных основ войны, причин ее возникновения, ее неразрывной связи с историей человечества. Среди множества имен известных философов, уделивших этой проблеме внимание, мы остановимся преимущественно на русских и французских представителях философской мысли этого периода, внесших свою лепту в развитие данного направления. Точки зрения этих мыслителей по поводу войны в значительной степени отличались друг от друга, но способствовали многостороннему рассмотрению темы, созданию соответствующего дискурса, характерного для этой области знания.

Конец девятнадцатого века характеризовался преобладанием мнения о том, что войны должны уйти из жизни человечества и уступить место мирному развитию, свободному от военных столкновений. Зачем война, если все можно решить другими средствами: экономическими, дипломатическими и др. Подобные рассуждения представляются вполне убедительными, но жизнь показала правоту тех, кто вопреки кажущемуся благополучию не поддавался успокаивающим иллюзиям. Последующие события показали, что военный способ разрешения экономических и политических противоречий не сошел с политической арены. Разразившаяся Первая мировая война, втянувшая в свою орбиту десятки стран, показала глубину противоречий, ставших реальной причиной катаклизма. После ее окончания все думали, что это была последняя война в истории, потому что после того, что пришлось испытать человечеству, новая война казалась совершенно невозможной. Однако прошло всего лишь двадцать лет, и мир был ввергнут во Вторую мировую войну, превзошедшую свою предшественницу по многим параметрам: по числу государств-участников, по количеству вооружений, размаху боевых действий, по масштабу разрушений, по численности потерь среди военных и гражданского населения, по степени жестокости, проявленной во время ведения войны и т. д. Эти события послужили тому, что интерес к войне как к социальному явлению приобрел систематический характер. Рассмотрение войны под углом зрения различных парадигм приводило к столкновению различных точек зрения по этому вопросу и способствовало определенному продвижению

вперед по пути понимания причинно-следственных связей между различными составляющими этого процесса.

Представители «философии войны» стремились рассмотреть войну в рамках философской парадигмы, хотя порой их произведения, по сути, не являлись философским осмыслением войны как феномена социальной жизни общества, а были в большей степени сборниками сентенций различных выдающихся людей (философов, политиков, полководцев, писателей и т.д.) о войне и ее проявлениях в различных областях человеческой деятельности. Примером такого труда является книга французского автора, капитана Р. Анри, изданная в Париже в конце XIX в.¹ Тем не менее в данном «эссе» есть оригинальные мысли, которые свидетельствуют о том, что данная работа способствовала развитию и утверждению взгляда на войну, отличного от чисто военного исследования данного феномена. Его можно в определенной степени сравнить с трудом К. Клаузевица «О войне», в котором философско-политические размышления о войне перемежаются с обобщениями военно-стратегического характера. Философия войны была своего рода попыткой подняться над военно-прикладным уровнем проникновения в сущность войны. Французский автор писал, что война «связана с политикой и социальными науками своими причинами и результатами; она сочетает все знания, накопленные математикой, физикой, естественными науками, чтобы стократно увеличить силы человека и поднять интенсивность его коллективного действия; наконец, она порождает настоящую философию посредством рассмотрения простых принципов и естественных законов, с которыми мыслитель может соотнести все социальные, моральные и технические вопросы, которые ставят на кон этими конфликтами, в которых периодически проходят закалку ум и жизнеспособность человеческого рода»².

Кроме Р. Анри проблему философского осмысления войны поднимали позднее и другие его соотечественники. Например, Эмиль Оливье, давший в своей книге философский анализ конкретной войны³. Известный немецкий представитель этого направления

¹ Henry R. Essai d'un abrégé de la philosophie de la guerre... P., 1879.

Чтобы дать некоторое представление о содержании данного произведения, предлагаем краткое оглавление данной книги в «Приложении 2» в конце статьи.

² Henry R. Essai d'un abrégé de la philosophie de la guerre... P. 21. (Перевод мой — А.С.)

³ Olivier E. Philosophie d'une guerre: 1870. P., 1911.

С. Рудольф Штейнметц в своем капитальном исследовании под названием «Философия войны»¹ упоминает имена французских и русских коллег, работавших в том же направлении — Драгомиров, Ланё, Лагоржет, Лавис, Летурно, Новиков, Рамбо, Толстой.

Серьезный вклад в развитие философии войны внес марксизм. Он критически переосмыслил наследие предшественников и по-новому расставил акценты в понимании предпосылок, причин, роли войны, ее последствий. К. Маркс обосновывал причины войны экономическими факторами, материальным производством, основанным на частной собственности, которые определяют характер политики и насильственных средств, применяемых ею. Признавая роль войны в истории как одной из форм насилия, основоположники марксизма не абсолютизировали ее роль и подходили конкретно-исторически к оценке роли насилия вообще. Основой понимания сущности войны в марксизме было диалектико-материалистическое, классовое понимание политики, ее закономерностей.

Попытка преодоления метафизичности в изучении войны была осуществлена в рамках «социологии войны», зародившейся в конце XIX в., и ознаменовала переход на позиции «позитивной науки» в исследовании этого социального феномена. Социология войны стала признанным направлением социологических исследований. Об этом пишет Г. Саломон в обзоре работы X Конгресса Международного института социологии, состоявшегося в Женеве в 1930 г. Конгресс проходил под названием «Социология войны и мира». В этом обзоре, о котором положительно отозвался П.А. Сорокин, автор приводит фамилии наиболее выдающихся исследователей, занимавшихся указанной проблемой: Гумплович, Шпанн, Штейнметц, Вашер де Лапуж, Ардан дю Пик, Константэн, Шелер, Новиков, Зангвилл, Амон, Лагоржет, Дюпра, Оргаз, Бутуль, Питар, Корнейо, Тард, Ришар и др. Однако Г. Саломон не назвал в этом списке ряд имен, достойных упоминания соизмеримо с их вкладом в развитие «социологии войны». На наш взгляд, этот список следовало бы дополнить именами румынских социологов А.Д. Ксенопола и Д. Густя, а также русского военного социолога

¹ См.: *Steinmetz S.R. Die Philozophie des Krieges. Lpzg, 1907.*

О содержании его труда можно судить на основании оглавления, приведенного в «Приложении 3» в конце статьи.

Н.Н. Головина, которые в начале XX в. внесли заметный вклад в развитие социологической мысли о войне. Произведения А.Д. Ксенопола и Д. Густя на румынском и французском языках являются важным вкладом в развитие социологического знания о войне и органично входят в контекст европейской традиции в рассмотрении этого сложного социального феномена.¹

Вообще, в конце XIX — начале XX вв. были распространены научные труды, в которых многочисленные феномены рассматривались сквозь призму философии. Так, например, в Германии существовала серия «Natur-und Kulturphilosophische Bibliothek», в которой публиковались труды философского характера по различным областям знаний. Среди представителей русской философской мысли этого периода можно назвать такие известные имена, как Толстой Л.Н., Трубецкой Е.Н., Бердяев Н.А., Булгаков С.Н., Франк С.Л., Эрн В.Ф. и др.

Начало Второй мировой войны способствовало тому, что мыслители вновь вспомнили о философии войны². В послевоенный период на развитие политических теорий, касавшихся войны и мира, большое влияние оказали французские философы войны, среди которых особое место занимает Ш. де Голль. Исходя из факторов, обусловленных географией страны, национально-психологическими особенностями французов и т. д., он разработал оригинальную концепцию национальной обороны. В ней были четко определены стратегические цели, например, служение человеку, его свободе и интересам; возложение Францией на себя ответственности за урегулирование мировых проблем. Для достижения этих целей национальная оборона, по мнению политика, должна была основываться на принципах: а) национального возрождения, б) обороны по всем азимутам, в) выбора приоритетных средств, г) союзов с другими странами, д) функционального разделения управленческих полномочий между правительством и военным руководством, е) ответственности государства и высокопоставленных лиц за ее обеспечение.

Национальной обороне приписывались имманентные свойства, такие как:

¹ Xénopol A.D. Le rôle de la guerre dans l'histoire de la civilisation. P., 1907; Gusti D. Sociologia războiului. București, 1915.

² См.: Landsberg P.-L. Réflexion sur une philosophie de la guerre // Esprit. 1939. Octobre.

- являться главным условием существования нации;
- носить всесторонний, всеобъемлющий, глобальный и актуальный характер;
- обладать самостоятельностью и независимостью.

Актуальность приоритетов военной политики Франции связывалась с понятием «национальный интерес», которое вместе с понятием «нация» стали краеугольным камнем концепции Ш. де Голля. Эти же понятия в интерпретации нынешнего президента Франции Н. Саркози сегодня становятся основой для совершенно иной внешней и военной политики французского государства. Необходимо отметить, что «национальный интерес» по-разному трактовался французскими учеными и политическими деятелями. Так, известный французский социолог Р. Арон определяет это принципиально важное понятие как «безопасность, мощь и славу». Французский историк и политолог Ж.-Б. Дюрозель не согласен с такой трактовкой и выступает против сведения национального интереса к мощи и безопасности государства. Р. Дебрей отождествляет это понятие с «политико-психологической тайной». Тем не менее дискуссия по этому поводу послужила как уточнению его предметного поля, так и его использованию в политико-философском дискурсе для обоснования военно-политических решений. В настоящее время к проблеме нации и национального интереса часто обращается современный политолог Т. де Монбриаль.

Некоторые французские теоретики считают, что и в настоящее время политику государства на международной арене по-прежнему определяют национальные интересы, стремление обеспечить безопасность нации, в том числе с помощью военных средств. Они единодушны в том, что главной целью политики национальной безопасности не может быть борьба за мифические «общечеловеческие ценности». Ж. Фрэнд, ученик и сторонник идей К. Шмитта, считал, что проповедь общечеловеческих ценностей означает принятие политической зависимости, т. е. принесение в жертву независимости общества. Он уверял, что абстрактная защита моральных ценностей невозможна, она может существовать только как защита территории, на которой эти ценности признаются, либо как защита общества, которое верит в них. И только тот может сделать это, кто может вести войну или в случае необходимости помешать ее развязыванию.

Проблема войны занимает важное место и в современном французском философском сообществе. В последние десятилетия появилось достаточно много работ о войне. Среди них нужно отметить работы А. Филоненко, посвятившего объемное исследование феномену войны под названием «Эссе о философии войны».¹ Исследование охватывает список авторов от Макиавелли, Канта, Фихте, Гегеля, Сен-Жюста, Клаузевица до Прудона, Л.Толстого, Ш. Де Голля. Он посвящает три главы философии Л.Толстого, выделяя в отдельную главу сравнительный анализ взглядов на войну Толстого и Клаузевица. В эссе он также уделяет внимание современным аспектам войны: проблеме соотношения войны и языка, логики и стратегии.

Интерес к проблеме войны во Франции не ослабевает и в начале двадцать первого столетия. Так, созданное в 1996 г. философское общество Нанта в 2003–2004 гг. проводило лекции-дебаты на тему «Философия перед лицом войны», в ходе которых заслушивались доклады и проводились прения с участием таких философов, как Ж. Гобер, Т. Менисье, Ж. Рико, Б. Бенуа, П. Асснер. Среди современных французских авторов, развивающих философские взгляды на войну как социальное явление, не упуская из вида научно-технические аспекты трансформации войны в современных условиях, выделяются такие, как П. Асснер, П. Галлуа, Ж. Гиттон, Д. Давид, Р. Дебрэ, А. Жокс, Р. Кайуа, Э. Мюрез, П. Лелуш, К. Ле Борнь, А. Филоненко, Д. Эрман и др.

Что же касается отечественной традиции философского исследования войны в XIX–XX вв., то следует, прежде всего, упомянуть работы периода рубежа столетий, когда в Европе и в России было распространено мнение, что период войн между странами уходит в прошлое, так как война становится бессмысленной, поскольку противоречит экономическим законам развития. В противовес этим настроениям экономическая политическая и военная ситуация в мире постепенно, но неминуемо изменялась в сторону нарастания противоречий, которые впоследствии привели к мировому конфликту 1914–1918 гг. Первыми в России, кто заговорил о возможности и даже неизбежности войны, были представители творческой мысли XIX в. Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев. Писатель и философ одинаково остро, каждый своими средствами,

¹ *Philonenko A. Essai sur la philosophie de la guerre. P., 1976.*

поставили эту проблему¹. Их убежденность в неизбежности войны дала основание некоторым авторам квалифицировать ее как апологию войны. Но эта «апология» была наполнена идеями, уходящими корнями в наследие прошлого и предвосхищающими некоторые теоретические построения современности. Например, в «Парадоксалисте» главный герой утверждает: «Дикая мысль, что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междуусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия. Но политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима»². Невольно вспоминаются имена Платона, Аристотеля, Гегеля и других мыслителей прошлого, высказывавших подобные мысли. В «Признаниях славянофила» Ф.М. Достоевский ставит вопрос, до сих пор занимающий умы западных стратегов, историков, психологов, политиков. Это вопрос о загадочном русском характере, а именно о непонимании русской нации, ее целей и потенций, это боязнь «отставшей, зверской и непросвещенной» нации, провоцирующая агрессивное отношение к ней. Так, любое действие, предпринимаемое Россией не для своей прямой выгоды, кажется Европе непривычным, не соответствующим международным обычаям и потому воспринимается как безнравственный факт, опасный для Европы и угрожающий ее великой цивилизации. Замечательными по насыщенности оригинальными философскими идеями являются произведения В.С. Соловьева «Смысл войны» и «Три разговора о войне».

Новый этап в развитии мысли о войне начался в России после победы октябрьской революции 1917 г. — она приняла форму марксистско-ленинского учения о войне и армии, иначе говоря, превратилась в философию войны периода пролетарских революций. Спецификой этого периода являлось доминирующее влияние марксизма-ленинизма на развитие как военной теории, так и соци-

¹ *Достоевский Ф.М.* Парадоксалист; Признания славянофила // Русские философы о войне. М.; Жуковский, 2005. С. 11–17; 18–24; *Соловьев В.С.* Смысл войны. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2.

² *Достоевский Ф.М.* Парадоксалист; Признания славянофила // Русские философы о войне. М.; Жуковский, 2005. С. 11.

ально-политических взглядов на войну. Тем не менее, нужно отметить, что видные теоретики Советской России внесли значительный вклад в развитие науки о войне. Основоположником советского учения о войне и армии считался В.И. Ленин. В своих трудах, посвященных военным вопросам, он опирался на теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса, адаптируя их к современному периоду развития капитализма, названному империализмом. Идеология накладывала серьезный отпечаток на взгляды советских военачальников того периода, но не могла полностью подчинить себе военно-теоретическую мысль, опиравшуюся на реальные процессы вооруженной борьбы. Понимание социального характера войн было присуще многим военным теоретикам. Такие полководцы и военные теоретики, как М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, И.С. Уншлихт, А.К. Топорков, С.М. Белицкий и др., анализировали изменения в войне, вызванные ее социально-политической природой, демографическими и техническими факторами. Они предвосхитили многие черты будущей войны: ее невиданные доселе масштабы, развертывание боевых действий на различных театрах, на огромных пространствах, стирание резкой грани между фронтом и тылом, возрастание роли промышленности и тыла в ходе войны. Ряд теоретиков ставили проблему соотношения войны и вооруженной борьбы (М.Н. Тухачевский, А.В. Голубев, К.И. Бочаров и др.), утверждая, что война не исчерпывается военными операциями, а разворачивается и в других сферах — идеологической, дипломатической, экономической и т. д. М.В. Фрунзе, В.К. Блюхер и др. подчеркивали решающую роль человека в войне, придавая большое значение роли науки не только для победы в вооруженной борьбе, но и в политическом воспитании личного состава и формировании командных кадров для вооруженных сил.

Этот период отечественной истории был богат талантливыми людьми, стремившимися внести лепту в развитие военной науки и не только тактики, стратегии, но и в создание новой системы взглядов на войну как социальное явление. Этой задачей были озабочены наши соотечественники Н.Н. Головин, А.Е. Снесарев, М.Н. Тухачевский и другие. Но если Н.Н. Головин говорил о необходимости создания «социологии войны», то А.Е. Снесарев предполагал решить эту задачу с помощью «философии войны», а М.Н. Тухачевский в 1926 г. предлагал создать «полемостратегию»,

под которой подразумевал некую общую науку о войне. Необходимость создания новой науки о войне занимала умы передовых мыслителей того времени. В этом контексте становятся более понятными гносеологические корни полемологии, возникшей в более поздний период во Франции. Примечательно, что методологические подходы указанных теоретиков отличались, что приводило к расхождению в понимании путей достижения цели. Так, например, А.Е. Снесарев критически воспринимал отдельные положения «высшего учения о войне» Н.Н. Головина¹. Такое критическое восприятие свидетельствовало о многогранности самой проблемы и наличии конкурирующих гипотез в этой области человеческого знания.

Вторая мировая война положила начало новому этапу в развитии философии войны. Военно-политическая практика дала богатый материал для теоретических обобщений, возникновению новых взглядов на военно-политические процессы. Годы войны показали, насколько реальная политика способна опровергать идеологические догмы. В области теории за этот период были достигнуты определенные успехи.

Завершение Второй мировой войны применением принципиально нового оружия заставило теоретиков по-новому взглянуть на перспективы возникновения будущих войн. Обладание ядерным оружием с двух сторон способствовало формированию биполярной системы и парадоксальной ситуации ядерного равновесия, обеспечившего на длительный период предсказуемость мировых процессов. С созданием Советским Союзом ядерного и термоядерного оружия, а также средств его доставки, сделавшими уязвимыми США, изменились геополитические и геостратегические взгляды советского руководства. Проблематика философии войны обогатилась новой тематикой, например, темой военно-стратегического паритета. После Второй мировой войны появилась новая плеяда авторов, занимавшихся проблемой войны и мира, таких как Д.А. Волкогонов, М.А. Гареев, И.А. Грудинин, И.С. Даниленко, А.И. Дырин, П.А. Жилин, Т.Р. Кондратов, А.А. Мигولاتьев, А.С. Миловидов, Г.И. Мирский, Е.И. Рыбкин, В.А. Секистов, В.В. Серебрянников, С.А. Тюшкевич, М.И. Ясюков и др.

¹ См.: Наука и война. М., 2006. С. 195–201.

Период перестройки и время после нее характеризуется увеличением числа авторов, пишущих на эту тему, и диверсификацией их состава. Некоторые исследователи (например, И. Попов) пытаются делить всех на «консерваторов», «новаторов» и «независимых экспертов». Такое деление достаточно условно, и это понимают сами авторы подобных типологий. Вместе с тем следует отметить, что само по себе желание систематизировать авторские подходы к решению проблемы похвально. Среди исследователей, внесших заметный вклад в развитие взглядов на военно-технические, социально-философские, социологические и политические аспекты войны, следует отметить В.И. Слипченко, И.С. Даниленко, И.А. Гобозова, И.В. Образцова, С. Соловьева, П.А. Цыганкова, В.В. Чебана и др.

А.А. Скворцов в книге «Русская религиозная этика войны XX века» очень метко говорит о современном состоянии философии войны в нашей стране: «При всех усилиях современных ученых, надо признать, что отечественная философия войны только начинает развиваться. Недостаток крупных исследований в этой области частично компенсируется огромным количеством книг по военной истории, появившихся в последнее время»¹. К этому суждению можно добавить также, что количество диссертационных исследований по данной проблеме за последние десятилетия было незначительным и не отвечало потребностям общества в исследованиях подобного рода². Единственно с чем нельзя, на наш взгляд, согласиться, так это с утверждением о том, что отечественная философия войны только начинает развиваться. Нельзя отбросить тот богатый вклад, который внесли наши предшественники в развитие отечественной философской рефлексии о войне, о котором пишет автор в своей книге, и тех, кто упоминаются в этой статье.

Не так давно увидела свет книга А.Г. Дугина «Философия войны», которая ознаменовала, на наш взгляд, определенное смещение акцентов в исследовании войны в область философских иска-

¹ Скворцов А.А. Русская религиозная этика войны XX века. М., 2002. С. 21.

² См.: Скворцов А.А. Нравственные проблемы войны в русской религиозной философии XX века : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.05. М., 2000; Мамина Е.К. Проблема смысла войны в философии Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03. М., 2006; Сутягина Л.Э. Проблема войны и мира в русской религиозно-философской и богословской мысли рубежа XIX–XX столетий : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13. СПб., 2007.

ний¹. То, что книга, написанная социологом, озаглавлена «философия войны», а не «социология войны» свидетельствует о насущной потребности научного сообщества в глубоких обобщениях, касающихся войны. Эта тенденция не нова, она проявилась гораздо раньше. Так А. Филоненко в «Эссе о философии войны», говоря о философии войны, не случайно использует термин «полемология», отождествляя то и другое². Он продолжает философскую направленность размышлений, наметившуюся в трудах Г. Бугуля, испытывавшего настоятельную потребность отойти от социологизма своей теории и перейти к обобщениям философского характера.

Отдельно следует отметить, что и в России, и во Франции специалисты чувствуют необходимость в создании «новой науки о войне», соответствующей требованию времени³. В целом можно констатировать, что исследования феномена войны в России и во Франции развиваются в сходных направлениях. Это отражается в тематике исследований, в общих методологических проблемах, с которыми сталкиваются исследователи обеих стран. Актуальными и дискуссионными темами являются: понятийный аппарат проблемы, необходимость отражать современные трансформации феномена войны. Наиболее часто встречаются публикации о сетевых, бесконтактных, информационных, когниционных (когнитивных) войнах, о стратегии непрямых действий и т.д.

Учитывая то, что французская политическая наука уделяет большое внимание проблемам войн, военных конфликтов, терроризма, что ее представители формулируют довольно оригинальные теоретические конструкции, связанные с этой проблематикой, а также что они имеют обширный опыт в практическом решении этих проблем, ознакомление с их взглядами, их конструктивный анализ представляется важным и необходимым для выработки собственных позиций, учитывающих разносторонние подходы к проблемам войны, военных конфликтов, терроризма и, в целом, международной и национальной безопасности.

Как возможна философия войны? Наверное, так же, как астрономия, которая пытается объяснить загадки Вселенной. И той и дру-

¹ Дугин А.Г. Философия войны. М., 2004.

² *Philonenko A. Essai sur la philosophie de la guerre. 2 ed. P., 1988. P. 7.*

³ См.: Даниленко И.С. Всем известная, но всегда незнакомая // Наука и война. М., 2006. С. 204–237; *Huyghe F.-B. Polémologie: forces et signes // Héritage et actualité de la polémologie. P., 2007.*

гой свойственна асимптотичность, бесконечное приближение к абсолютной истине и невозможность ее достижения. Однако и та и другая позволяют нам не только иметь достаточно адекватное видение мира, но и с успехом решать научные и практические задачи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Ж. де ШАМБРЕ «Философия войны»¹

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава I. Войска и армии
- Глава II. Продолжение предыдущей
- Глава III. Некоторые размышления об организации армий
- Глава IV. Средства пробуждения смелости у войск
- Глава V. О генералах
- Глава VI. О командовании армиями
- Глава VII. Крепости

Приложение 2

Р. АНРИ «Философия войны»²

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Политика войны

- Глава I. Общие определения — военная наука и искусство
- Глава II. Причины и цель войны — право войны — политические войны — гражданские войны
- Глава III. Состояние мира — состояние войны — правительственная политика — мир — война — национальная и военная доблесть — перемирия и договоры

¹ Перевод мой — А.С.

² Перевод мой — А.С.

Глава IV. Права людей — основные законы войны — ограничение крайностей со стороны воюющих сторон — моральная ответственность правительств

Глава V. Капитуляции

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Подготовка войны — военные институты — моральные, материальные, административные, административные и промышленные средства войны

Глава VI. Организация постоянных армий — военные институты

Глава VII. Военное обучение командиров и войск

Глава VIII. Командование и продвижение по службе — портрет генерал-аншефа — национальные принципы, которые должны управлять продвижением по службе

Глава IX. Дисциплина и военное правосудие

Глава X. О моральном состоянии командиров и войск — характер и доблесть солдата

Глава XI. Военная администрация — поддержание и сохранение войск

Глава XII. Способы действий армии — три рода войск — тактика установленного образца — подразделения — маневры

Глава XIII. Военная промышленность — укрепления — военная техника — возведение полевых сооружений — штурм и оборона крепостей — служба инженерных войск

Глава XIV. Подготовка войны — генеральные штабы

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Управление и ведение войны

Глава XV. Общее управление военными операциями — Принципы военной стратегии

Глава XVI. Общая тактика — марши — расположение лагерем — расквартирование

Глава XVII. Охранение армий — разведка

Глава XVIII. Отряды — конвои — партизаны

Глава XIX. Прикладная тактика — битвы и бои

Глава XX. Несколько примеров тактических или стратегических операций

Приложение 3

С. Рудольф ШТЕЙНМЕТЦ «Философия войны»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава I. Введение

Глава II. Война как культурная творческая сила

Глава III. Вредные стороны войны

Глава IV. Обобщающие выводы о вреде войны

Глава V. Существенная функция войны, не утратившая своего значения и в настоящее время

Глава VI. Замена войн между государствами влиянием свободных союзов

Глава VII. Коллективный отбор, производимый войной

Глава VIII. Обратный отбор

Глава IX. Железный закон всевозрастающего военного бюджета

Глава X. Будущая война

Глава XI. Ослабление воинственного духа

Глава XII. Конгрессы мира и пределы их влияния

Глава XIII. Заключение

Раздел III

История философии политики и права

А.Г. СЫТИН

Судьбы идей демократии в западноевропейской политико-философской мысли XIV–XVII вв.

Для анализа эволюции идей демократии в западноевропейской политико-философской мысли — их возрождения, трансформации и развития — период XIV–XVII вв. особенно важен. На наш взгляд, именно на него приходится формирование важнейших политико-философских основ того взгляда на демократию, который определил отношение к ней и — во многом — ее развитие в Новое и Новейшее время.

В средние века проблемы, связанные с демократией, надолго уходят из поля зрения западной общественной мысли. Эпоха требовала совсем иного: в контексте господства христианского вероучения и особенно — католической церкви с выраженным нормативным акцентом на вопросы личного спасения сами проблемы политики представляли как нечто второстепенное. Совершенно неактуальными в эпоху господства монархий казались и вопросы о государственных формах, поскольку о возможности выбора наиболее подходящей формы из различных вариантов речь в эти времена никак не шла.

Однако при всей статичности средневекового мироощущения и иерархическом понимании общества¹ в реальной жизни той поры

¹ Подробнее об этом см.: Хейзинга Й. Осень средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.

происходили постепенные изменения, которые к эпохе позднего средневековья вновь сделали эти вопросы, хотя во многом уже и в иной их постановке, в определенной степени актуальными.

Во-первых, на рубеже XI и XII вв. в ряде городов Северной Италии возникают городские коммуны, которые, например, в Венеции, Перудже, Флоренции при всех многочисленных проблемах развиваются довольно успешно, демонстрируя жизнеспособность такой системы управления¹. Сначала в этих городах-республиках к управлению допускаются только люди, имевшие высокое общественное положение, однако постепенно представителям «третьего сословия» удается также добиться права участвовать в управлении. Правда, век таких городских коммун оказывается относительно недолгим: уже к середине XIV в. республики в ряде крупнейших городов отступают перед лицом накопившихся проблем, а затем уже и все города-государства постепенно уступают историческую арену возникающим национальным государствам.

Во-вторых, именно в средние века начинается процесс, который постепенно приводит к возникновению парламентов в современном понимании этого слова и к формированию такого явления, как конституционализм. Так, например, по данным, которые приводит А.И. Ковлер, уже в IV–V вв. в Галлии регулярно собирались особые представительные собрания из городских магистратов и крупных землевладельцев². Не позднее VII в. на территории современных Норвегии и Швеции уже регулярно собираются местные собрания свободных граждан («тинги»)³, которые отличаются от народных собраний античных времен, в частности, тем, что на них не только осуществляются «разовые» решения по конкретным вопросам, но и *принимаются законы*, т. е. устанавливаются единые правила для решения такого рода вопросов в будущем, а также избираются короли. К X в. на территории Исландии у викингов существуют уже не только местные собрания, но и, по существу, общенациональное собрание («альтинг»), которое принимает законы и, что немаловажно отметить, *составляется на представи-*

¹ Подробнее об этом см., например: *Даль Р.* О демократии. М., 2000. С. 20–21; *Макьявелли Н.* История Флоренции. М., 1987.

² См.: *Ковлер А.И.* Очерки истории парламентаризма // Парламенты мира: Сборник. М., 1991. С. 617.

³ См. об этом, например, в уже упоминавшейся нами книге: *Даль Р.* О демократии. М., 2000. С. 23.

тельной основе. В XIII–XIV вв. уже в целом ряде европейских стран (в частности, в Англии, Испании, Германии, Франции) формируются сословно-представительные собрания, которые начинаются в форме эпизодических совещаний знати при королях, но постепенно развиваются как в направлении регулярности созыва и более широкого сословного и территориального представительства, так и в направлении более существенного участия в принятии законов и общеобязательных решений, что позволяет рассматривать их в качестве прообраза современных парламентов¹.

Таким образом, к эпохе позднего средневековья тематика государственных форм и способов политического управления обществом постепенно снова становится актуальной. Осмысление ее в эту пору, впрочем, несмотря на постоянное обращение авторов к авторитету Аристотеля, заметно отличается от того, какое было принято в античной традиции. Средневековое западное мышление исходит из постулатов единства человеческого рода как отражения единой божественной сущности, а также дуализма небесного и земного, противопоставления совершенства бога и несовершенства человека и всего человеческого мира. Оно исходит из абсолютных категорий, из веры в возможность вечного блаженного существования, и потому земной мир политики оказывается в его представлении как бы заведомо ущербным. Мерилом для его оценки становится произвольное соотнесение его с задачами «личного спасения». Кроме того, средневековому мышлению чужд дух изменчивости, подвижности, вариативности, зависимости от обстоятельств, проблематики политических форм; ему гораздо ближе идея раз навсегда данного «богоустановленного порядка».

Поэтому собственно о государственных формах в средние века написано очень мало. Лишь в самом позднем средневековье, постепенно переходящем уже в эпоху Возрождения, можно назвать несколько произведений, прямо связанных с этими сюжетами, например, «О правлении государей» Фомы Аквинского², «Монар-

¹ Интересно о развитии этого процесса в XIII в. рассказывается в книге Дж. Уолша «Тринадцатый, величайший из веков»: *Wallsh J.J. The Thirteenth Greatest of Centuries.* N.Y. 1907 // www.nd.edu/Departments/Maritain/etext/walsh.htm.

² *Фома Аквинский. О правлении государей* // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв). Л., 1990.

хия» Данте Алигьери¹, а также совсем не освоенный пока отечественной политико-философской традицией, хотя заслуживающий внимания «Трактат об управлении городом» Бартоло из Сассоферрато². В каждой из этих работ, созданных во второй половине XIII — первой половине XIV вв., в соответствии с духом времени монархия рассматривается как естественная и безусловно предпочтительная политическая форма. При этом интересно отметить, что, поскольку в книге Данте речь идет о правлении во всемирном масштабе, то о демократии как «возможном варианте» устройства нет даже упоминаний; в книгах же Фомы Аквинского и Бартоло из Сассоферрато говорится об управлении «городом или провинцией», и здесь демократия хотя (в разной степени) не приветствуется, но не исключается. Важно также, что хотя каждый из авторов в той или иной мере ссылается на авторитет священного писания, а Фома Аквинский и Данте среди аргументов в пользу монархии используют довод о том, что «в небе один Бог», все же в целом свои утверждения каждый из этих авторов старается обосновывать рационально, не довольствуясь аргументами о «воле Провидения».

Для Данте вопрос о монархии (заметим, монархии светской) «является источником и началом правильных государственных устройств»³, и автор не жалеет аргументов для доказательства ее преимуществ. О немонархических же режимах он замечает лишь, не приводя каких-либо аргументов, что они поработщают род человеческий⁴. Смысл его работы, думается, не в сравнении режимов: его задача — по-новому определить правильное, с его точки зрения, соотношение между духовной и светской властями и проанализировать пути, ведущие к реализации его мечты — всеобщему миру. Отметим лишь, что при постулированном Данте отрицательном отношении, в частности, к демократии как виду устройства государства, в его книге есть важная мысль о том, что в правильных государственных устройствах «люди существуют ради самих себя», а консулы — ради граждан и цари — ради народа; всемирного же монарха нужно считать слугою всех⁵. Таким

¹ Данте Алигьери. Монархия. М., 1999.

² См.: *Bartolo of Sassoferrato. Treatise on City Government* // Medieval sourcebook // <http://www.fordham.edu/hallsall/source/bartolus.html>.

³ Данте Алигьери. Монархия. М., 1999. С. 23.

⁴ Данте Алигьери. Монархия. М., 1999. С. 43.

⁵ Данте Алигьери. Монархия. М., 1999. С. 44.

образом, наряду с традиционным для средневековья воспеванием монархии и связанного с ней иерархического строения общества как проявления божественной воли здесь присутствуют начатки и совершенно иной, не иерархической политико-философской логики: всякого рода власти должны существовать для народа, его блага, а не народ для них.

Фома Аквинский особо подчеркивает «богоданность» «человеческой власти», утверждая, что для человека «естественно» жить в обществе и так же естественно, чтобы это общество кем-то управлялось; но то, что для человека естественно, выражает божественную волю. Вослед античным мыслителям он утверждает, что цель человеческого объединения — «добродетельная жизнь», однако за ней для него стоит еще более высокая цель — посредством такой жизни достичь небесного блаженства. В трактовке политических форм Аквинат исходит из классификации Аристотеля, вычлняя шесть основных форм и разделяя их на правильные и искаженные. При этом, однако, как терминология его работы, так и выводы отличаются от аристотелевских. Так, например, он говорит о «прямом» и «непрямом», «справедливом» и «несправедливом» правлениях, определяя «прямое» правление как «направляемое к подобающей цели», а «справедливое» как такое, когда «множество свободных людей направляется властителем к общему благу этого множества»¹. Демократию Фома Аквинский определяет как несправедливое правление многих, «засилье народа, когда люди из простого народа подавляют богатых»².

Нужно отметить, что в разделении политических форм на «справедливые» и «несправедливые» при том, что критерием разделения выступает служение различным интересам — общим или своим собственным (что идет еще от Платона и Аристотеля), в отношении демократии, если понимать ее как правление совокупности всех граждан, содержится определенное противоречие: ведь интересы совокупности граждан и есть (правда, только не для Руссо) общие интересы. Фома Аквинский в уже упоминавшейся нами работе, полное название которой звучит как «О правлении государей, посвященное королю Кипра», как мы видим, своеобразным

¹Фома Аквинский. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв). Л., 1990. С. 234.

²Фома Аквинский. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв). Л., 1990. С. 235.

способом разрешает это противоречие, трактуя демократию как власть не народа в целом, а *простонародья, направленную против богатых*. Естественно, что демократия в такой трактовке оказывается для него одним из превратных правлений. (Отметим, что, пожалуй, именно с Фомы Аквинского берут начало разнообразные трактовки демократии, которые явным и четким образом *отличаются* от трактовки ее как власти всего народа, т. е. совокупности тех, кто имеет полноценные права гражданства.)

Бартоло ди Сассоферрато, пожалуй, — первый из средневековых мыслителей (его труд об управлении городом вышел в 1330 г.), для кого демократия (в ее «смягченном» варианте) не предстает как нечто неприемлемое. Правда, предмет его рассмотрения заведомо ограничен: он говорит об «управлении городом», имея в виду самоуправляющиеся «вольные» итальянские города своего времени. В труде Бартоло, при очевидных симпатиях к монархии, уже нет той заданности в трактовке темы политических форм, которая характерна для других средневековых работ, где если и затевался разговор о различных политических формах, то с заранее ясной целью и совершенно предсказуемым результатом: чтобы подчеркнуть безусловные, вечные и не зависящие ни от каких обстоятельств преимущества монархии. Бартоло подходит к вопросу об управлении городом вполне прагматически, оценивая различные политические формы с точки зрения их полезности и *уместности* в организации управления различными городами. Для этого он делит такие города на три категории, в зависимости от размера и важности: «достаточно большие», «очень большие» и «самые большие»¹. И вот для городов первой из перечисленных категорий (т. е. не очень больших) Бартоло, начиная разговор с монархии и аристократии, приходит к выводу о нецелесообразности той и другой — и, методом исключения, о *целесообразности правления многих*. Правда, в его терминологии это не демократия; последнюю он, в соответствии с духом времени, определяет как «превратное правление простонародья»². Уместный же в данном случае политический порядок он называет «*правление для народа*»; однако ссылки на Аристотеля не оставляют сомнений, что Бартоло

¹ *Bartolo of Sassoferrato. Treatise on City Government // Medieval sourcebook // <http://www.fordham.edu/hallsall/source/bartolus.html>.*

² *Bartolo of Sassoferrato. Treatise on City Government // Medieval sourcebook // <http://www.fordham.edu/hallsall/source/bartolus.html>.*

здесь имеет в виду нечто вроде аристотелевской «политии», понимая ее как правление многих для общего блага. Важно, что для обоснования этой мысли Бартоло использует уже не умозрительные и отвлеченные соображения, а практический опыт: он утверждает, что город Перуджа, управляемый именно таким образом, сохраняет внутреннее единство, социальный мир и процветает; более того: это правление ревностно охраняет сам народ. Правда, Бартоло делает довольно важные уточнения: этим городом управляют не все одновременно, но разные люди по ограниченному временному отрезку, в рамках определенного цикла; в соответствии с советом Аристотеля здесь постоянно заботятся о том, чтобы исключить из управления тех, кто чем-либо себя запятнал, «худших людей». В целом же опыт такого правления настолько вдохновляет мыслителя, что он характеризует его как «правление скорее Бога, чем людей»¹. Впрочем, по мнению Бартоло, то, что вполне годится для таких сравнительно небольших городов, никак не подходит для городов более крупного размера. Таким образом, здесь впервые в средневековой мысли демократия в своих «лучших» формах рассматривается как вполне приемлемая, правда годная, если можно так сказать, «для ограниченного применения» в рамках небольших городских коммун.

Наиболее развитый для XIV в. характер демократические идеи имеют, пожалуй, в концепции светского политического мыслителя Марсилия Падуанского. В концепции Марсилия государство — это сообщество, основанное на опыте и разуме людей; только от самих людей зависит то, как они живут. Государство преследует человеческие цели и потому должно быть отделено от церкви. Государство ориентируется не на небесный, а на человеческий закон, который в качестве меры правильного и неправильного использует критерий полезного. Цель божественного закона — вечное спасение, цель же земного закона — хорошая жизнь на земле.

В вопросе о законе и законодателе для Марсилия Падуанского проблемы соотношения светской и духовной властей сходятся с особенно важными в контексте нашего исследования проблемами источника и субъекта политической власти. В представлении Марсилия государство — это целостность. Данная целостность не

¹ *Bartolo of Sassoferrato. Treatise on City Government // Medieval sourcebook // <http://www.fordham.edu/hallsall/source/bartolus.html>.*

может существовать без установления каких-то правил. Так возникает закон — принцип всей политической жизни. Роль закона и законодателя, рассуждает Марсилиий, выше роли монарха. Кто же должен быть законодателем? Раз общество, государство — целостность, целое, а целое больше части, то законодателем должно быть общество в целом. «Законодатель, действующая причина закона, — пишет Марсилиий, — народ, совокупность всех граждан или их большинство, — выражает свою волю и выбор на общем собрании, постановляя или решая, что определенные вещи должны быть сделаны или, наоборот, не должны делаться под страхом земного наказания... Совокупность всех граждан или их большинство есть единственный человеческий законодатель»¹. Таким образом, законодателем здесь впервые во всей средневековой мысли объявляется весь народ или его большинство. При этом монарх вовсе не устраняется из политической жизни; более того, наилучшей формой правления Марсилиий объявляет «выборную монархию»², однако роль его оказывается отнюдь не всевластной: монарха Марсилиий рассматривает как уполномоченное народом лицо, «вооруженную руку народа», располагающую военной силой, но таким образом, чтобы эта военная сила не превышала совокупной силы народа. Если монарх превышает свои полномочия, он может быть смещен народом. За монархом в этой системе остается исполнительная и судебная власть, но высшая власть, власть устанавливать законы, ему никак не принадлежит. Добавим, что, по мысли Марсилиия, духовные лица должны быть подчинены государству и отвечать за свои проступки перед светским судом.

Проективная политическая мысль Марсилиия, таким образом, включает очень важную *логику автономии* политической власти, и эта логика, применявшаяся сначала для того, чтобы защитить полномочия светской власти на решение хотя бы некоторых вопросов ее компетенции, постепенно приводит не только к идеям признания полной автономии политической власти государства от власти церковной, но и, что особенно важно в контексте нашей темы, к идеям верховенства закона над волей монархов и исключительного права народа как совокупности граждан выступать законодате-

¹ См.: *Marsiglio of Padua. Conclusions from Defensor Pacis* // Medieval sourcebook // www.fordham.edu/hallsall/source/marsiglio1.html.

² *Marsiglio of Padua. Conclusions from Defensor Pacis* // Medieval sourcebook // www.fordham.edu/hallsall/source/marsiglio1.html.

лем, т. е. фактически к идеям *суверенитета народа*, хотя такая терминология в XIV в. еще не применяется.

В XV–XVII вв. в западной общественной мысли происходят важные изменения¹. Изменяются, можно сказать, сами основания западной общественной мысли: от характерного для средних веков теоцентризма она постепенно переходит к антропоцентризму, то есть в центре ее внимания все чаще оказывается не бог, а человек; при этом весь окружающий мир рассматривается уже не как античный космос, а как сфера существования человека и приложения его сил. В это время уже пишутся труды (как, например, «Государь» Н. Макиавелли), где политика становится не одним из предметов наряду со многими другими, а специальным предметом исследования, и исследуется она не с помощью универсальных и безразличных к обстоятельствам религиозных или этических критериев, а с точки зрения задач и критериев оценки, специфичных именно для этой области человеческой деятельности. На смену общим абстрактным установкам о политике как «благой деятельности» постепенно приходит достаточно прагматичный подход, анализирующий политику с точки зрения ее эффективности, то есть соответствия избранных средств поставленным целям.

В общественной мысли этого периода было сформулировано несколько достаточно общих понятий, важных и для анализа проблем, связанных с демократией. Прежде всего, это понятия *естественного состояния*, *естественного права* и *общественного договора*.

Понятия «естественное состояние» и «естественное право» — чисто теоретические конструкции, которые, однако, получают большую популярность в общественной мысли рассматриваемого периода. Эти понятия становятся необходимыми, как только в центр размышлений об общественной жизни мыслителя этого времени ставят индивида. В этом отношении очень показательна концепция Гуго Гроция, опубликовавшего в 1625 г. ставший впоследствии знаменитым и положивший начало школе естественно-го права фундаментальный труд «О праве войны и мира»². Гроций, по существу, формулирует подход к политике и государству,

¹ Об этом процессе достаточно подробно рассказано, например, в книге американского историка Крейна Бринтона. См.: *Бринтон К.* Истоки западного образа мысли. М., 2003.

² *Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М., 1994.

сильно отличающийся как от античного, так и от средневекового: в центре его внимания — не укрепление государства, не «благая жизнь» и не идея «личного спасения», а индивид и его потребности. В этом контексте вопрос о государстве переосмысливается в направлении того, каким это государство должно быть, чтобы лучше отвечать потребностям индивида. Естественное состояние, по Гроцию, — состояние, по существу, дообщественное, когда человек свободен делать все, что он хочет. Естественное право для него — способность индивида иметь или делать что-либо, вытекающее из его власти над самим собой. Таким образом, в естественном состоянии, по Гроцию, человек свободен ото всего, кроме собственного «здорового разума», определяющего, что стоит и чего не стоит делать. При этом бог, однажды создавший человека, затем уже оказывается бессильным что-либо изменить в человеческой природе. Природа человека и оказывается для Гроция важнейшим фактором общественной жизни, поскольку человек по своей природе нуждается в обществе, и люди создают общество и государство «добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия»¹.

Постепенно на этой основе формируется важная для рассматриваемого периода идея *общественного договора*, лежащего, по мнению многих авторов, в основе всей государственной жизни. Семнадцатый век, наполненный драматическими коллизиями эпохи первоначального накопления капитала, революциями, религиозными столкновениями и гражданскими войнами, придает этой идее специфические очертания: главным ее смыслом становится поиск путей к достижению гражданского мира. Суть данной идеи в самом общем виде в том, что люди, находящиеся в естественном состоянии, имеют право на все, но им ничто не гарантировано, потому что на все желаемые ими блага претендуют и другие, и нет никакой надежной защиты от насилия. Устав от бесплодной борьбы, люди заключают между собой договор, суть которого в том, что каждый отказывается от каких-то своих прав (всех или части — в разных вариантах концепции), чтобы добиться мира и безопасности. В этой теории власть оказывается результатом не божественной воли, а свободной и сознательной договоренности между людьми. Думается, что в таком принципиальном измене-

¹ Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М., 1994. С. 166.

нии представлений о власти немалую роль сыграло и постепенное развитие капиталистических отношений в европейских странах, связанное с усилением свободно-рыночных связей и отношений: решение вопросов посредством договора между двумя формально свободными сторонами стало важной чертой социальной практики. Общественный договор выступил фактически метафорой рыночной сделки в социально-политической области.

Концепция общественного договора в изучаемый период проявлялась в различных вариантах. В русле нашей тематики, быть может, особый интерес представляют взгляды так называемых «*монархмахов*» XVI–XVII вв., в особенности Ф. Дюплесси-Морне, малоизвестные в нашей стране. Ф. Дюплесси-Морне (писал под псевдонимом JUNIUS BRUTUS) в 1579 г. выпустил книгу с примечательным названием «Иск к тиранам», которая начиналась еще более удивительно названной главой: «О законодательной власти Государя над Народом и Народа над Государем»¹. Основная идея этой книги состоит в том, что в современной ему власти Дюплесси-Морне видит «два вида союзов» или два принципиальных договора: первый — между богом, королем и народом о том, что народ есть народ бога; второй — между королем и народом о том, что народ будет верно служить и подчиняться королю, если тот будет править справедливо². Таким образом, власть короля в трактовке Дюплесси-Морне оказывается обусловленной, во-первых, передачей ему власти со стороны народа, а во-вторых, сопровождающим эту передачу свободным договором между королем и народом с набором определенных взаимных обязательств. В такой трактовке подчинение народа королю уместно только лишь при соблюдении королем условий договора и уважении норм божественного и гражданского закона. В этом взгляде для нас важнее всего то, что концепция общественного договора, по крайней мере в потенциале, в некоторых возможных и реально существовавших трактовках содержит важные черты того, что можно назвать *демократической логикой* политического мышления: первоначально власть естественным образом принадлежит народу; затем народ передает ее посредством свободного договора персонифициро-

¹ Подробнее об этом см. в книге: Федорова М.М. Классическая политическая философия. М., 2001. С. 110–112.

² См.: Федорова М.М. Классическая политическая философия. М., 2001. С. 111.

ванному суверену, однако обязан подчиняться ему лишь при выполнении тем обозначенных в таком договоре обязательств; если же эти обязательства не выполняются, народ волен снова взять власть в свои руки и распорядиться ею по своему усмотрению. Несомненно, что взгляды Дюплесси-Морне и других монархотомов — лишь один и, наверно, наиболее радикальный из вариантов трактовки идеи общественного договора, — однако сама эта идея делает такую трактовку вполне возможной.

В рассматриваемый период в трудах политических мыслителей все чаще говорится и собственно о демократии как политической форме, появляются попытки ее более или менее систематического анализа. Так, например, Жан Боден вторую книгу своего фундаментального (и в целом очень мало известного в нашей стране) труда «Шесть книг о государстве» (1576) посвящает проблематике видов государства¹. В этом труде Боден стремится построить всеобъемлющую политическую теорию на основе идеи суверенитета. Этим обуславливается и специфика его подхода к проблеме демократии. Так, понятие демократии он отождествляет с понятием «народное государство» и определяет то и другое как такое государство, «в котором весь народ или его большинство коллективно осуществляет суверенную власть»². У Бодена есть и более развернутое определение: «Народное государство — такая форма государства, в которой большинство народа коллективно пользуется суверенитетом над остальными, рассматриваемыми коллективно, и над каждым своим членом, рассматриваемым индивидуально»³. Поскольку в центре внимания Бодена — проблема суверенитета, то и в отношении демократии его прежде всего интересует вопрос о том, что, если при этом строе жизни суверенитетом обладает весь народ как совокупность граждан, то *над кем* может осуществляться этот суверенитет, то есть, в трактовке мыслителя, верховенство власти. И Боден находит своеобразный ответ на этот вопрос: демократия — это суверенитет народа над каждым отдельным индивидом и большинства народа — над его меньшин-

¹ Bodin J. Six Books of the Commonwealth. Book 2 // http://www.constitution.org/bodin/bodin_2.htm.

² Bodin J. Six Books of the Commonwealth. Book 2 // http://www.constitution.org/bodin/bodin_2.htm.

³ Bodin J. Six Books of the Commonwealth. Book 2 // http://www.constitution.org/bodin/bodin_2.htm.

ством. Если вспомнить об абсолютистских предпочтениях Бодена, как и подавляющего большинства авторов его времени, то становится ясным, что в этой власти большинства над меньшинством в его интерпретации ни о каком «уважении прав меньшинства» речь пока не идет.

В труде Бодена, тяготеющем к всеобъемлющей систематизации, в русле нашей темы важны еще некоторые вводимые автором различия. Так, например, Боден различает демократию, основанную, говоря современным языком, на принципе «один человек — один голос», и демократию, основанную на голосовании (повидимому, представителей) неких целостных структур (например, кланов), обращая внимание на то, что при голосовании по кланам могут получить перевес те, кто реально не имеет поддержки большинства народа; зато при голосовании по кланам не существует проблемы отсутствия кворума, характерной для массовых собраний.

Важной представляется также отмечаемая Боденом разница в представлении о «правильных» политических формах (в том числе и «правильной» демократии) у представителей «верхов» и «низов» общества. Простой народ, утверждает Боден, стремится к уничтожению привилегий и установлению максимально возможного равенства, в том числе равенства прав в управлении государством. Напротив, «знатные и богатые» выступают за сохранение привилегий «верхов» и стремятся полностью исключить простой народ из управления государством. «И невозможно, — сетует Боден, — как-то объединить два эти противоположных взгляда»¹. Здесь, как представляется, французский мыслитель (впервые в известной литературе) подходит к проблеме социальной обусловленности различных взглядов на демократию и фактически предвосхищает сложившиеся значительно позднее *идеологически* обусловленные концепции демократии.

Наконец, Жан Боден впервые (хотя не в очень отчетливой форме) ставит вопрос о различии между природой определенной политической формы и реальным характером осуществляемой в рамках этой формы политики. В соответствии с мыслью Бодена, возможна, например, ситуация, когда государство по форме его

¹ Bodin J. Six Books of the Commonwealth. Book 2 // http://www.constitution.org/bodin/bodin_2.htm.

организации является чистой монархией, но в реальной политической практике король раздает земли и должности без различия между богатыми и бедными; тогда можно сказать, что это государство действует демократически. С другой стороны, может быть так, что в государстве сувереном является народ, однако земли и должности достаются только знатым; тогда это — демократическое государство с аристократическим управлением.

Если же демократическое по природе государство раздает блага и почести, не исходя из социальных различий, то это — демократическое государство, управляемое демократически — и т. п. Боден подчеркивает, что такого рода «смешение» начал в управлении государством не означает возникновения «смешанного правления», о котором мечтали античные авторы; государственная форма всегда остается простой — в то же время в рамках одной и той же формы возможны разные типы правления.

Думается, что здесь, хотя и в несколько наивной форме (различение типов политики лишь по одному критерию — характеру распределения земли, привилегий и должностей), Боден впервые подходит к важной проблеме различия между демократическими правилами, записанными в законах государства, и фактическим характером осуществляемой этим государством политики, *проблеме формального и реального в области демократии*; проблеме, которая в современной науке выражается, в частности, в различении *формы правления* как прежде всего формально-юридической нормативной схемы распределения власти в данной политической системе — и *политического режима* как обобщения реального характера способов осуществления власти в этой системе.

Томас Гоббс, отнюдь не являясь (как и Жан Боден) сторонником демократии, также посвящает, однако, немало страниц ее анализу, правда, главным образом для того, чтобы лучше оттенить несоменные для него преимущества монархии. В политической философии Гоббса «естественное состояние», поскольку люди в нем равны и все претендуют, по существу, на одни и те же блага, оканчивается «войной всех против всех». В представлении Гоббса, ничего страшнее такого состояния с неограниченной свободой для всех быть не может, оно ведет только ко взаимному уничтожению, поэтому просто для того, чтобы выжить, люди должны стать разумными. Сумев встать на путь разума, люди передают свои права суверену, образуя государство. Интересно, что само государство

Гоббс представляет себе в виде мифического чудовища («Левиафана»), однако это чудовище для него все-таки кажется менее страшным, чем взаимные проявления людей в условиях неограниченной свободы. Главная цель государства для него весьма скромна: обеспечить мир и безопасность граждан. О каком-либо «общественном договоре» у Гоббса речь не идет: передавая свои права суверену (будь это государь, аристократия или народ, взятый в целом), люди полностью лишаются этих прав, и суверен становится господином над их жизнью и смертью. К суверену переходит «право на все», которое было у индивидов в «естественном состоянии». Понятно, что в контексте такой системы взглядов Гоббс, по существу, не признает никакого *представительства*: тот, кому переданы права, вовсе не обязан представлять чью-то волю, он просто делает то, что хочет или считает нужным; впрочем, по мнению Гоббса, представительство в «демократическом» смысле и невозможно: передаются права, в том числе право решать, но никак не воля; суверен реализует только свою волю. При этом в «Левиафане» в контексте критики представительства Гоббс приводит довольно интересную аргументацию. «Всякий носитель лица народа или член собрания, являющегося таким носителем, — рассуждает он, — есть одновременно носитель своего собственного естественного лица. Поэтому, как бы усердно такой человек в качестве политического лица ни заботился об обеспечении общего блага, он, однако, более или менее усердно заботится также об обеспечении своего личного блага, блага своей семьи, родственников и друзей, и, если общие интересы сталкиваются с его частными интересами, он в большинстве случаев отдает предпочтение своим интересам, ибо страсти людей обычно бывают сильнее их разума. Общие интересы поэтому больше всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами»¹. По мысли автора, такое совпадение в наибольшей степени достигается в монархии. Для нас же здесь особенно важно то, что Гоббс обращает внимание, по существу, на проблему, имманентно присущую любому представительству: проблему несовпадения и соотношения между интересами тех, *кто* представляет, и тех, *кого* они представляют, проблему никогда в полной мере не устрани-

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 146.

мого *конфликта интересов* между представляющими и представляемыми.

В отношении государственных форм Гоббс, в отличие от античных мыслителей, полагает, что «извращенных» или «испорченных» форм на самом деле не существует: их «изобретение» — следствие лишь «двойного языка» политики, когда те, кому *не нравятся*, скажем, демократия, или кто пережил при этом строе какие-то обиды, называет ее «анархией» и т. п. Также невозможными, как и Боден, он считает и смешанные государственные формы, поскольку в них нельзя обеспечить единства властной воли, и потому есть большой риск возврата к «естественному состоянию».

В отношении демократии Гоббс, по существу, впервые обращает специальное внимание на особую важность *властных процедур*. Так, уже в определении демократии в работе «Основы философии. О гражданине»¹ английский мыслитель подчеркивает, что при этой государственной форме «верховная власть принадлежит собранию»² (а не народу как таковому). Демократия, пишет Гоббс, существует лишь до тех пор, «пока длится собрание либо переносится на определенное время и место»³. «Народ сохраняет верховную власть, — продолжает он, — только до тех пор, пока существуют всем известные и твердо установленные сроки и место собрания, на которое может явиться всякий, кто пожелает»⁴. Если же во время общего собрания не будет принято никакого решения о времени и месте нового собрания, то, по мнению Гоббса, тогда немедленно снова наступает «естественное состояние», то есть, в соответствии с его терминологией, состояние «войны всех против всех». Таким образом, «естественное состояние», по Гоббсу, не является раз навсегда преодоленным в ходе образования суверенной власти, а, по крайней мере в условиях демократии, как бы все время «подстерегает» людей и может вернуться в любой момент, как только люди отойдут от жестко установленных норм права.

¹ Гоббс Т. Основ философии. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 1.

² Гоббс Т. Основ философии. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 349.

³ Гоббс Т. Основ философии. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 352.

⁴ Гоббс Т. Основ философии. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 352.

И потому для мыслителя принципиально важно подчеркнуть, что в условиях демократии сувереном должен выступать не собственно народ как совокупность полноправных граждан, а этот же народ, но лишь в форме официально и в соответствии с установленной процедурой созванного *общего собрания*, то есть характер власти и даже состояние общества здесь решающим образом зависит от соблюдения или несоблюдения установленных властных процедур. Гоббс подчеркивает также, что установленные промежутки между общими собраниями не могут быть очень большими, иначе в один из таких промежутков может произойти нечто такое, что в отсутствие верховной власти государство окажется в трудном положении¹.

В целом политическая философия Гоббса в отношении системы властвования является хотя далеко не единственным и даже не редким для своего времени, но, пожалуй, наиболее последовательным и ярко выраженным обоснованием *абсолютизма* как такого способа правления, когда суверен представляется имеющим власть действительно абсолютную, то есть не ограниченную ничем, и не несущим (по крайней мере, в земной жизни) ответственности ни за какие свои действия перед кем бы то ни было.

Однако наряду с этой тенденцией, основанной на, если можно так сказать, *логике абсолютной власти* как альтернативы хаосу, войнам и социальным конфликтам, в этот период развивается и другая тенденция политической мысли, основанная, обобщенно говоря, на *логике свободы*.

Наиболее яркое и наиболее значимое в контексте нашей тематики выражение эта тенденция получила, пожалуй, в работах Бенедикта Спинозы и Джона Локка. Особенности взглядов Спинозы на проблемы властвования тем более примечательны, что мыслитель начинает, в общем-то, с тех же исходных посылок, что и Гоббс: в его системе тоже имеет место «естественное состояние» и «естественное право», а также сознательная передача своих прав суверену; последний получает в результате абсолютную власть². Одна-

¹ Гоббс Т. Основ философии. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 353.

² «Те, у кого в руках находится верховная власть, — пишет Спиноза, — имеют право на все, что они в состоянии сделать, и... только они суть защитники права и свободы; остальные же должны во всем действовать только согласно с их решением» (Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 15).

ко в позиции Спинозы есть важные детали. Так, он считает, что граждане передают суверену все-таки *не все* свои права, никто не может быть *совершенно* лишен своего «естественного права»: «Подданные как бы по праву природы удерживают нечто, чего от них нельзя отнять без большой опасности для государства»¹. И пусть аргументом здесь выступает еще «большая опасность для государства»: самое главное состоит в том, что, отдавая власть суверену, граждане в представлении Спинозы какие-то неотъемлемые права оставляют за собой.

Если Гоббс считает, что свобода подданных может проявляться лишь в тех вещах, которые суверен-законодатель «обошел молчанием», а тех людей, кто высказывается против установлений абсолютной власти, сравнивает с червями-паразитами в теле человека², то для Спинозы *смысл государства* в том, чтобы освободить людей от страха, а, значит, «цель государства в действительности есть свобода»³. Таким образом, у голландского мыслителя свобода занимает отнюдь не периферийное, а важнейшее место в общественной жизни. Соответственно этому взгляду и тех, кто высказывает независимые суждения, Спиноза воспринимает совершенно иначе. (Собственно, обоснованию принципов свободы мысли и слова и посвящен «Богословско-политический трактат».) Мыслитель доказывает, что совершенно невозможно добиться положения, при котором люди, «хотя бы у них были различные и противоположные мысли, ничего, однако, не говорили иначе как по предписанию верховных властей»⁴ и чтобы они думали только то, что желательно властям⁵. Поэтому, по мнению мыслителя, разумным является такое положение, когда «каждому дозволяется думать то, что он хочет, и

¹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 46.

² См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 165, 259.

³ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 261.

⁴ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 260.

⁵ В формулировке Спинозы, «законы, издаваемые относительно спекулятивных предметов, совершенно бесполезны» (Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 267).

говорить то, что он думает».¹ Правда, эта свобода должна, в соответствии с позицией Спинозы, иметь важное ограничение: гражданин может свободно *думать* и *говорить*, но вот *действовать* он должен только в унисон с решениями верховной власти. Так обеспечивается, по мнению мыслителя, необходимый суверенитет этой власти.

Естественно, что при таком характере основных принципов политико-философской концепции Спиноза существенно иначе, чем Гоббс, смотрит и на проблематику государственных форм. Если для Гоббса несомненным приоритетом обладает монархия, то для Спинозы вполне приемлемой представляется демократия. Последнюю мыслитель определяет как «всеобщее собрание людей, сообща имеющих право на все, что они могут»². Суверенная демократическая, как и любая другая суверенная власть, по мнению Спинозы, не может быть ограничена никаким законом, и ей необходимо повиноваться во всем: «Если мы не желаем быть врагами государства и поступать против разума, советуящего защищать государство всеми силами, — полагает мыслитель, — мы обязаны безусловно исполнять все приказания верховной власти, хотя бы она повелевала исполнить величайшую нелепость»³. Впрочем, по мнению Спинозы, в демократическом обществе можно меньше бояться нелепостей, поскольку очень маловероятно, чтобы большинство многолюдного собрания сошлось на какой-то одной нелепости.

Спиноза стремится даже сформулировать некие «*основания демократического государства*». Четких формулировок он, впрочем, не приводит, но главные идеи из контекста в достаточной мере ясны: законы этого государства основаны на здравом рассудке, интересах общества, а значит, и гражданина, и поэтому безусловно подчиняться им значит быть свободным; при этом люди имеют право свободно судить и размышлять, однако договариваются, решая вопросы по большинству голосов, действовать в соответствии с общим решением. Демократическое устройство общества,

¹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 15.

² Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 208.

³ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 208.

полагает Спиноза, «наиболее естественно и наиболее приближается к свободе, которую природа предоставляет каждому»¹. Впрочем, и при демократической организации власти, по мнению Спинозы, у правительства есть весьма широкие возможности заставить людей следовать его приказаниям, причем в том числе делая это так, что человек «решает по собственному усмотрению и тем не менее действует по приказу верховной власти»². Однако наиболее важным представляется все-таки то, что Спиноза трактует демократически организованное государство как единство при сохранении свободы и различных мнений. «Для того, чтобы в цене была не угодливость, но чистосердечность, и чтобы верховные власти лучше всего удерживали господство и не были принуждены уступать мятежникам, необходимо должно допустить свободу суждения и людьми так должно управлять, чтобы они, открыто исповедуя разные и противоположные мнения, все-таки жили в согласии. И мы не можем сомневаться в том, что этот способ управления есть самый лучший и страдает меньшими неудобствами, так как он наиболее согласуется с природой людей»³. Думается, что здесь дана прекрасная формулировка принципов плюралистически-демократической организации общества (хотя еще и не *политического* плюрализма).

Впоследствии в неоконченном «Политическом трактате» Спиноза вносит несколько важных дополнений и уточнений в разработанную им схему «оснований демократического государства». Так, например, он утверждает, что в демократическом государстве граждане, предназначенные к управлению государством, «определяются на это самим законом»; что в наилучшем виде демократии все граждане подчиняются только *отечественным* законам; что в управлении государством должны участвовать только самостоятельные граждане, «не состоящие под властью мужей и господ», а также родителей или опекунов; что из участия в управлении необходимо исключить тех, кто «вследствие преступления или какого-нибудь позорного образа

¹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 209–210.

² Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 217.

³ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 267.

жизни подверглись бесчестию»¹. Все дополнения и уточнения, таким образом, касаются тех исключений из участия имеющих права гражданства в управлении государством, которые, по мнению Спинозы, необходимы для того, чтобы обеспечить действительно самостоятельное и «незапятнанное» участие граждан в таком управлении.

«Логикой свободы», без сомнения, направляется и взгляд на эти проблемы Джона Локка, хотя акценты в его политической философии расставлены несколько иначе. Локк также исходит из гипотезы о «естественном состоянии», однако в его интерпретации это состояние оказывается далеко не таким ужасным, как в изображении Гоббса; это состояние, по мнению Локка, не представляет собой хаоса и «войны всех против всех»: «*Естественное состояние* имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого», причем этот закон природы требует мира и сохранения всего человечества; в этом состоянии «люди живут вместе согласно разуму, без кого-либо, повелевающего ими»². В «естественном состоянии», полагает Локк, есть уже отцовская власть, из труда возникает частная собственность. Однако каких-то гарантий сохранения этой собственности, как и безопасности в целом, нет, поэтому люди посредством договора образуют общество и государство («гражданское» и «политическое» общества Локк отождествляет). При этом, по мнению Локка, главная цель объединения людей в государство — сохранение их собственности³. Однако, если не только Гоббс, но и Спиноза убеждены в том, что возникающий при этом суверен должен обладать *абсолютной* властью, а иначе он не сможет выполнить своих фундаментальных целей, взгляд Локка на этот важнейший вопрос является совершенно иным.

Локк убежден, по существу, в обратном: создать абсолютную власть значит просто не преодолеть «естественного состояния», ведь в условиях такой власти никто не может чувствовать себя в безопасности. Тот, кто пытается полностью подчинить другого че-

¹ Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 380–381.

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 264, 265, 272.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 334.

ловека своей власти, тем самым вовлекает себя в состояние *войны* с ним, такое стремление следует понимать как объявление обумысле против жизни этого человека. Поэтому, по мнению Локка, «свобода от абсолютной, деспотической власти настолько необходима для сохранения человека и настолько тесно с этим связана, что он не может расстаться с ней, не поплатившись за это своей безопасностью и жизнью»¹.

Следовательно, возникающая в результате общественного договора суверенная власть должна иметь важные ограничения. Прежде всего, ее ориентиром, в том числе в конфликтных ситуациях, должно быть благо народа². Важно подчеркнуть, что в данном случае «благо народа» предстает не только как целевой ориентир, но и как обозначение допустимых *пределов* государственной власти: «Власть общества или созданного людьми законодательного органа, — пишет Локк, — никогда не может простираться далее, нежели это необходимо для общего блага»³.

Локк, по существу, впервые в отчетливой форме говорит также о необходимости *разделения властей* в государстве, хотя в его учении это разделение и не проведено до конца, например, законодательная и судебная властные функции оказываются «закрепленными» за одними и теми же государственными органами. Законодательная власть, по мнению Локка, является верховной, и сама «форма государства определяется тем, у кого находится законодательная власть»⁴. Однако и эта власть далеко не безгранична: так, например, законодательный орган «обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известных народу, а не путем импровизированных указов»⁵; может принимать решение только коллективно; принятые им законы должны быть общими для всех; власть принимать законы не мо-

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 275.

² Локк приводит для выражения этой мысли классическую латинскую формулу, принадлежащую перу Цицерона: «*Salus populi suprema lex*» — «благо народа — высший закон».

³ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 337.

⁴ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 338.

⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 337.

жет быть передана этим государственным органом кому бы то ни было: «Издавать законы не может иметь право никто, кроме как с согласия... общества и на основании власти, полученной от его членов»¹.

Главное же новшество Локка в контексте изучаемой темы состоит, пожалуй, в тех выводах, которые он делает из разбора возможной ситуации, когда законодательный орган не выполняет своих функций. В таких случаях, по мнению Локка, народ имеет право взять власть в свои руки и создать новый законодательный орган или изменить состав уже существующего. По итогам общественного договора, как считает Локк, «по-прежнему остается у народа верховная власть устранять или заменять законодательный орган, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию»². Действительно, по мысли Локка, власть передается законодательному органу *на основе доверия* и для определенной цели; если этой целью явно пренебрегают, то доверие теряется, и власть естественным образом возвращается в руки тех, кто ее дал; таким образом, само сообщество сохраняет в своих руках верховную власть, более высокую, чем власть специального законодательного органа, для *спасения* себя в критических ситуациях. «Та власть, — считает Локк, — которую каждый отдельный человек передал обществу, когда он вступал в него, никогда не может снова вернуться к отдельным людям, до тех пор пока общество продолжает существовать, но всегда будет оставаться у сообщества, потому что без этого не может быть сообщества, не может быть государства, что противоречило бы первоначальному соглашению»³.

Необходимо отметить, что в этих положениях Локка содержится значительное развитие не совсем последовательно выраженной у Марсилия Падуанского и у Спинозы идеи народного суверенитета: во-первых, в том отношении, что власть суверена должна иметь важные и неустраняемые ограничения, определяемые интересами безопасности граждан и их собственности, а во-вторых,

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 339.

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 349.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 404–405.

что за пределами актуальной государственной власти, подлежащей разделению, у народа («сообщества») всегда остаются не только определенные неотъемлемые права, но и некая высшая, по существу, учредительная власть, которая может быть применена в любой ситуации, когда законодательный орган перестает служить целям, ради которых он был создан.

Итак, в период XIV–XVII вв. в западной политико-философской мысли происходит возрождение идей демократии, видоизменение и определенное развитие представлений о ней. Если в раннем средневековье, в эпоху господства религиозных догм, обожествления власти монархов и церкви, эта тематика представляется неактуальной, то уже в XIV в., в условиях становления во многих странах Европы предпарламентов и городских коммун, проблематика системы властвования и предпочтительных государственных форм снова становится обсуждаемой. В ходе центральной для политической философии этого времени дискуссии о соотношении духовной и светской властей, политических полномочий церкви и государства формируется позиция, содержащая весьма важную *логику автономии*, которая развивается постепенно не только в направлении признания отдельной и «неприкосновенной» сферы полномочий светской власти, широкой автономии государств по отношению к власти папского престола, но и в направлении отождествления (особенно у Марсилия Падуанского) «светского законодателя» с волей народа в целом или его большинства. Правда, в эту эпоху даже такое отождествление сочетается еще с признанием монархии (ограниченной выборами) предпочтительной государственной формой.

В период XV–XVII вв. в западной общественной мысли происходят важные изменения, осуществляется переход от теоцентризма к антропоцентризму, развивается рационализм, все более подвергающийся сомнению религиозные догмы в приложении к общественной жизни. Поиск рациональных оснований организации общества приводит к формированию важных теоретических конструкций: понятий (и затем теорий) «суверенитета», «естественного состояния», «естественного права», «общественного договора». В «системе координат», образуемой этими понятиями, и особенно понятием общественного договора, появляются теории (например, Ф. Дюпlessi-Морне), трактующие отношения монарха и народа как свободный договор сторон с определенными взаимными обязательствами и санкциями за их неисполнение.

В XVI–XVII вв. в западной общественной мысли в борьбе тенденций, направляемых «логикой абсолютной власти» и «логикой свободы», возникают идеи, имеющие принципиальное значение для дальнейшего осмысления проблем демократии, в частности:

– о возможном различии между провозглашаемой государственной формой и реальной направленностью государственной политики (Ж. Боден), что предвосхищает сформулированное гораздо позднее различие между формой правления и политическим режимом;

– о социальных основаниях и социальной обусловленности различных представлений о «желательных» государственных формах (Ж. Боден);

– о принципиальной важности процедурной стороны властного процесса для осуществления демократии и для отличия демократии от иных способов властвования (Т. Гоббс);

– о том, что самостоятельные по видимости политические решения граждан могут быть predeterminedены умелым воздействием немногих людей на их чувства (Т. Гоббс, Б. Спиноза).

Принципиально важным представляется также развитие в XVII в. идей суверенитета народа: от представлений, что такой суверенитет присутствует в неявном виде лишь в «естественном состоянии», но затем передается полностью (вместе со всеми правами) абсолютному монарху (Т. Гоббс) через представления, что, хотя власть суверена должна быть абсолютной, у людей после передачи суверенитета все же должны оставаться некоторые права и в особенности — свобода мысли и слова (Б. Спиноза), до убежденности, что для самого общества и государства принципиально важно, чтобы после перехода к «гражданскому и политическому состоянию» у народа постоянно оставалась высшая власть — власть сменить законодательный орган, если он не выполняет своих общественно необходимых функций (Дж. Локк).

В.Н. Жуков

П.И. Новгородцев как философ права

Философия права как специализированная отрасль знания появляется в России на рубеже XVIII–XIX вв. под определяющим влиянием немецких авторов. С последней трети XIX в. отечественная философия права (в лице прежде всего В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина) приобретает уже относительно самостоятельный характер. В первой половине XX в. русские философы и юристы создают труды, отличающиеся яркой оригинальностью и высоким уровнем теоретичности. Вместе с тем следует подчеркнуть, что философия права в досоветской России в целом не пользовалась популярностью ни у философов, ни у юристов, о чем писал в начале XX в. выдающийся юрист Г.Ф. Шершеневич: «На философию права оказало влияние одно важное обстоятельство — это историческое разобщение между философией права и юридическими науками. В то время как юристы занимались исключительно толкованием и систематизированием норм положительного права, философия права разрабатывалась по преимуществу лицами, весьма мало или даже вовсе не причастными к правоведению. Одни изучали право как оно дано им в нормах, не задаваясь мыслью о том, каким оно должно быть и даже может ли оно быть иным, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы. Эта разобщенность продолжается, к сожалению, и донныне. Философы не желают сходить с неба на землю, а юристы не хотят поднять своих глаз от земли повыше. Такое положение вещей отражается как на правоведении, ослабляя его теоретическую ценность, так и на философии права, подрывая ее практическое значение. Дело доходит до того, что приходится отстаивать перед юристами философию права»¹.

В так называемый «золотой век» русской юриспруденции, в период ее кульминационного развития (вторая половина XIX — начало

¹ Цит. по: Русская философия права: философия веры и нравственности (Антология) / Сост. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппов. СПб., 1997. С. 168.

XX вв.), положение с философией права было не многим лучше, чем в настоящее время. Работы по философии права представляли собой единицы на фоне бескрайнего моря исследований в области юридической догматики. Философия права отторгалась (и продолжает отторгаться) не просто юристами-отраслевиками (что где-то можно понять), но юристами-теоретиками, юристами, занимавшимися исследованиями в области общей теории государства и права.

На этом фоне философия права Новгородцева — крупное явление, заметный шаг вперед по созданию оригинальной отечественной философско-правовой культуры. В лице Новгородцева русская философия права приобретает зрелость и самостоятельность. Все его творчество можно условно разбить на четыре компонента, неравновеликих по своему объему: 1) теоретическая философия права, 2) эмпирическая философия права (возможно, термин не очень удачный), 3) история философии права, 4) философская публицистика.

Главные его работы («Кризис современного правосознания» (1909) и «Об общественном идеале» (1917, 1922)) посвящены анализу европейской политико-правовой культуры. Здесь философия права Новгородцева тесно связана с конкретной исторической эмпирикой и представляет собой философское обобщение политической жизни и политических идей Европы (либерализм, социализм, анархизм), начиная с эпохи буржуазных революций до 1920-х гг. В этой части его философия права представляет собой совокупность теоретических обобщений конкретного историко-культурного материала, без учета которого сами философские выводы не имеют самостоятельного значения.

Второй блок составляют его труды по истории философии права («Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба» (1896), «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1901), «Лекции по истории философии права» (разные годы)).

Философская публицистика (особенно эмигрантского периода) является по большей части отражением его раздумий о судьбе России.

И наконец, четвертый компонент его философии права — собственно теоретический, где на высоком абстрактном уровне создается модель идеального политико-правового устройства, формулируются его основополагающие принципы, дается философское

понимание государства и права. И по количеству работ, и по их объему это не так много: программная статья «Нравственный идеализм в философии права» в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), статья «Государство и право» (1904) и первая глава «Общественный идеал в свете бесконечности» в книге «Об общественном идеале».

Философия права Новгородцева — первоклассная литература европейского уровня, но его творчество — это исследование предмета не столько «вглубь», сколько «вширь». Для создания текстов ему, как правило, необходим эмпирический, конкретно-исторический материал, от которого можно отталкиваться, анализ данного материала и составляет содержание его философии права. На тексты высокой абстракции, имеющие самостоятельное значение без опоры на конкретику, ему не хватает силы творческой фантазии, он быстро выдыхается. В этом отношении, а именно в создании теоретической философии права, ученики Новгородцева И.А. Ильин и Н.Н. Алексеев, как представляется, превзошли своего учителя, создав своего рода глубинную философию права. Ни тому ни другому уже особенно не нужна конкретно-историческая эмпирика, они идут вглубь, разрезая пласты политико-правового бытия силой своего творческого ума.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что органическая целостность, внутренний динамизм, глубина и искренность мысли Новгородцева ставит его в один ряд со многими другими выдающимися деятелями русской философской культуры конца XIX — первой половины XX вв.

Кризис правосознания

Идеалистическая философия права Новгородцева вырастает по большей части из темы кризиса, ставшей популярной в последней трети XIX — начала XX в. в Европе и России. Многие европейские и русские философы, социологи и юристы констатировали начавшийся в это время распад либеральной модели, созданной идеологами эпохи Просвещения. Институты классической демократии, сформированные в эпоху свободной конкуренции и выработавшие свой первоначальный ресурс ко времени появления монополистического капитализма, стали предметом критики со

стороны представителей постклассического либерализма. Основополагающие принципы правового государства (теория народного суверенитета, верховенство парламента, свобода, равенство) к концу XIX в. наполнились новым содержанием, что дало повод говорить о кризисе либерального правосознания.

Тема кризиса в творчестве Новгородцева носит многоплановый характер. Она начинается со сборника «Проблемы идеализма» (1902) как критика русской либеральной интеллигенции за ее увлечение материализмом, атеизмом и радикальным социализмом. Позднее в работах «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909) и «Об общественном идеале» (1917) всесторонне анализируются кризисные явления западноевропейской политической жизни, а в работах последних лет говорится уже о кризисе философского сознания, глубоком духовном кризисе Европы и России в целом¹.

По мнению Новгородцева, ведущей идеей правового идеала просветителей была вера в осуществимость гармонии общественных отношений, гармонии личности, государства и общества. Источник таких воззрений Новгородцев усматривает в рационалистическом и механистическом мирозерцании того времени. Просветители рассматривали личность как абстрактное, отвлеченное понятие, лишенное индивидуальных качеств, а общество — как совокупность равных единиц, однородных атомов, которые при известном сочетании могут образовать совершенную структуру. Правовое государство виделось им как разумно устроенный и отлаженный механизм. Весь вопрос состоял в том, чтобы отыскать те законы и принципы, которые уравновесят интересы людей. Государство, созданное по такой разумной схеме, способно обеспечить человеку условия земного рая.

Поворотным пунктом в преодолении данного одностороннего рационализма стало, по Новгородцеву, открытое Кантом и развитое его последователями новое понимание личности, представленное в виде тезиса: человек одновременно принадлежит к феноменам и ноуменам, что вносит в его сознание разлад, неразрешимый в условиях эмпирического мира. Суть кантовского

¹ См.: Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995 («О путях и задачах русской интеллигенции», «О своеобразных элементах русской философии права», «Демократия на распутье», «Существо русского православного сознания», «Восстановление святынь»).

переворота Новгородцев усмотрел в том, что личность рассматривалась как иррациональное существо, невидимыми нитями связанная с инобытием, под которым, в конечном счете, понимался Бог. На рубеже XIX–XX вв. интерпретация русским юристом учения Канта была не чем иным, как стремлением вернуть философию права в религиозно-идеалистическое русло.

Кризис современного либерального правосознания, с точки зрения Новгородцева, проявился прежде всего в конфликте равенства и свободы, свободы и демократии. Если демократия представляет собой совокупность юридических процедур, направленных на организацию эмпирической политической жизни, то стремление к свободе ориентирует человека на преодоление земных форм бытия и приобщение его к Царству Божьему. В таком контексте правовое государство видится как институт, во-первых, ограниченный в своих возможностях в деле удовлетворения духовных потребностей человека, и, во-вторых, нивелирующий личность, тормозящий ее религиозно-нравственное развитие (следствие реализации идеи равенства). Иначе говоря, в условиях демократии метафизически понимаемая свобода делает невозможным бесконфликтное существование человека и государства, что ввергает либеральное правосознание в нескончаемый кризис.

Основы возрождения естественного права

Вывести общественное сознание из кризисного состояния Новгородцев считает возможным на пути возрождения этики Канта и естественного права. Потребность в естественно-правовой философии как раз и возникает, полагает он, в период кризисов и переломов, «когда старые формы жизни явно обнаруживают свою ветхость, когда обществом овладевает нетерпеливая жажда новых порядков»¹. По сути, его философия права — это и есть естественно-правовое учение, созданное на основе религиозно окрашенной кантианской этики.

В полном соответствии с философией Канта Новгородцев утверждает: «Нравственный долг представляет собою идею, непо-

¹ *Новгородцев П.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 250.

средственно данную нашему сознанию и не разложимую ни на какие дальнейшие элементы. Из опыта, относящегося к области существующего, мы ее не выведем. Опыт может удостоверить нас только относительно естественной необходимости действия. На вопросы, должны ли мы и почему мы должны, нет других ответов, кроме показаний нравственного чувства»¹. Практический и теоретический разум существуют параллельно, поэтому нравственные суждения высказываются не в связи с теоретическими, а наряду с ними. В этом смысле необходимость прошлого и настоящего не властны над нравственным сознанием. Моральная оценка, даваемая действительности, может быть в практическом отношении бесплодной, но иметь значительный нравственный смысл.

Новгородцев выступает за создание этики, отличающейся индивидуализмом, формализмом и абсолютизмом.

Только личность, полагает он, является единственным источником сознательных решений и носителем идеи должного. В этом смысле мораль обнаруживает себя как индивидуальное переживание личности. Именно в личности и через личность общественные цели приобретают нравственный характер. Новгородцев называет личность нравственной основой общества. Хотя вне общества личность не может проявить всей своей полноты, но, с другой стороны, вне самоопределяющейся, автономной личности не может быть и нравственности. Общество лишь подчеркивает уникальность личности, представляя ее как грань между царством свободы и царством необходимости.

Ценность формального подхода в понимании этики Новгородцев усматривает в том, что в этом случае мораль (моральный закон) всегда оказывается идеалом, сферой должного, на которую может опереться человек в своей практической деятельности. Всякое наполнение морального закона каким-либо конкретно-историческим содержанием будет иметь, как минимум, два негативных следствия. Во-первых, моральный закон утратит свойства идеала и перестанет быть критерием поведения, во-вторых, исторически преходящие нормы морали будут необоснованно претендовать на универсальность их применения.

И наконец, требование абсолютизма в этике означает не что иное, как связь ее с Абсолютом (Богом). Нравственный закон, по

¹ *Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 16.

Новгородцеву, — не просто идеал, присущий индивидуальному сознанию, но норма, данная Богом. В этом положении и состоит ядро этики русского юриста, который попытался устранить кантовский дуализм должного и сущего и трансформировать его в гармонию «высшего метафизического синтеза». «Причинная необходимость, естественный ход событий, — отмечает он, — могут противоречить и противодействовать нравственному закону, но только в пределах ограниченного опыта. Конечное торжество принадлежит высшей гармонии»¹. Поскольку Новгородцев считает аксиомой религиозное происхождение нравственного сознания, его связь с Абсолютом, постольку нравственный закон мыслится им в качестве абсолютной основы общественной жизни и в частности, политико-правового устройства. Связью с Абсолютом объясняется также общественная направленность автономной воли личности, так как каждая личность имеет один нравственный источник: Абсолют, объединяя всех единым формальным законом, наделяет каждую личность императивно-нравственным сознанием, задает необходимую степень взаимного притяжения и отталкивания.

Следует отметить, что такая концептуальная схема этики Новгородцева не претерпела принципиальных изменений со времени ее формулирования в 1902 г. в статье «Нравственный идеализм в философии права».

Роль идеи естественного права

Философия права Новгородцева — это философия естественного права в той ее модификации, которая возникает в Европе и России на рубеже XIX–XX вв. Речь идет о так называемом «возрожденном естественном праве», которое активно развивалось в это время на основе различных идеалистических философских школ. Одна из ключевых фигур в этом процессе — немецкий юрист Р. Штаммлер, за которым Новгородцев признает пальму первенства: «...Уже в 1888 году, — пишет он, — Штаммлер дает нам не простое воспроизведение естественно-правового воззрения со

¹ *Новгородцев П.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 296.

всеми его недостатками, а новое естественное право; это и есть именно “возрождение естественного права”»¹. По сути, новое понимание естественного права, данное Штаммлером, полностью усваивается Новгородцевым. В соответствии с этим представлением естественное право — это не действующее позитивное право, а его нравственная критика, осуществляющаяся с целью усовершенствования законодательства. Важным положением штаммлеровской интерпретации был тезис о необходимости различать в естественном праве абсолютную неизменную форму и относительное, меняющееся содержание. Этим во многом устранялись теоретические трудности, на которые справедливо указывали критики естественного права.

В интерпретации Новгородцева теория естественного права есть философия права, связывающая воедино мораль и право. Свою позицию он обосновывает тем, что и право, и нравственность обращаются к воле человека. В этом случае нравственность будет означать внутреннее самоопределение личности, ее свободное волеизъявление, а право — направленность этой нравственной воли вовне, в мир социальных отношений. То есть нравственный закон автономной воли одинаково является источником нравственности и права. Поэтому законы могут соблюдаться не только в силу угрозы санкций, но и на основании нравственных мотивов. Переходя в юридическую область и получая здесь правовое оформление, нравственные нормы, по мнению юриста, не перестают оставаться таковыми.

«Возрожденное естественное право» для Новгородцева — не просто правовая школа, но идеалистическое мировоззрение: «...Естественно-правовые построения, — отмечает он, — являются неотъемлемым свойством нашего духа и свидетельством его высшего призвания. Общество, которое перестало бы создавать идеальные построения, было бы мертвым обществом; эти построения каждый раз показывают, что в нем есть дух жив, есть движение нравственного чувства и сознания»². В данном контексте теория естественного права становится способом познания «смысла и целей человеческой жизни» и основой разработки со-

¹ *Новгородцев П.* Психологическая теория права и философия естественного права. М., 1913. С. 22.

² *Новгородцев П.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 251.

циальных идеалов, позволяет разрешить проблемы, связанные с конфликтом свободы и равенства, личных прав и общественных обязанностей, и, наконец, дает возможность достигнуть синтеза личного и общественного начал, относительного и абсолютного, определить пути общественного прогресса. Таким образом, моральная философия, за возрождение которой выступает Новгородцев, с необходимостью включает в себя естественное право и принимает у него форму естественно-правовой философии, а разработка теории естественного права, в свою очередь, ведет к обоснованию идеалистических и религиозных ценностей.

Абсолютная основа естественного права, по Новгородцеву, раскрывается в моральной идее личности. Согласно этому положению, сама моральная личность выступает идеалом и целью самой себя и с этой позиции оценивает политико-правовую действительность. Таким образом, автономная моральная личность представляет собой основу идеального общественного построения, ее естественно-правовой идеал служит средством и критерием в организации правопорядка и политических институтов. А так как между идеалом и реальностью всегда существует дистанция, несоответствие, то личность как носитель естественно-правовой идеи постоянно конфронтирует с действующими законами, стоит в оппозиции к существующей государственной власти¹.

Естественное право и государство

Естественное право приобретает практическое значение, когда речь заходит о государстве. Новгородцев полагает, что «над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и оправдание, и свои руководящие начала. По отношению к этим нормам государство является лишь органом, а не творцом: оно также создает субстанциальные основы права, как мало создает оно драгоценные металлы, из которых чеканит монету. Оно дает праву определяющую его форму, но содержание для этой формы властно определяется жизнью и высшую санкцию свою находит в нравст-

¹ *Новгородцев П.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 294–295.

венном сознании»¹. Связанность государства правом означает, что ограничение государственной жизни происходит не по ее собственному усмотрению, а вытекает из требований естественного права. Последнее выступает своеобразным посредником между государством и нравственностью, которая устанавливает нормы, одинаково обязательные для власти и подвластных. Новгородцев подчеркивает, что государство и личность равны перед санкцией нравственного закона, а, следовательно, несут равную правовую ответственность.

В понимании государства Новгородцев близок к определению Канта. Если у немецкого идеалиста государство — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам, то русский философ определяет государство как юридически организованный народ, являющийся одновременно объектом и субъектом власти. В данном случае речь не идет о сознательном отождествлении общества и государства, народа и государства, как это было представлено, например, в идеологии итальянского фашизма («корпоративное государство» как форма существования итальянской нации). Новгородцев хочет провести мысль о том, что государство в его идеальной форме есть проекция представлений людей об их взаимоотношениях на основе права, проекция их правосознания. Государство в этом смысле предстает как реализованное естественное (идеальное) право, что впоследствии так блестяще будет развито в философии права И.А. Ильина. «Государство, — отмечает Новгородцев, — не есть только власть или правительство; это — корпоративное единство всего народа; это — все мы, вместе взятые, во всей совокупности элементов народной жизни. Государство не есть нечто, стоящее над людьми или рядом с ними. Это и не продукт бессознательных исторических сил, которые раз навсегда отложили свой след в виде незыблемых традиций и продолжают действовать по началу инерции. Таким образом, глубочайшим источником и корнем государственной жизни является личное сознание. Охранять и созидать государство в высшем и глубочайшем смысле этого слова — значит охранять живую человеческую личность, значит утверждать и беречь в каждом отдельном лице человека и гражданина»².

¹ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75. С. 510–511.

² Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75. С. 534–535.

Доказательство того, что государство имеет естественно-правовые основы, Новгородцев усматривает в существовании правового дуализма, понимаемого им как дихотомия, во-первых, государства и права и, во-вторых, права позитивного и естественного. Практически эти две пары совпадают, поскольку позитивное право имеет своим источником государство, а противоречия у государства возникают в основном с правом естественным. Государственно-правовой монизм, то есть гармоничное сосуществование государства и установленных им законов, юрист считает абстракцией. Ведь позитивное право имеет своим истинным источником нравственное сознание, что предопределяет его столкновение с государством. Таким образом, видимый государственно-правовой монизм оборачивается при глубоком рассмотрении тем же дуализмом, но уже между государством и позитивным правом. Своеобразие последнего определяется тем, что его составляющими являются государственное веление и нравственная обоснованность. Эта переходность обуславливает двойственность его положения, выступает индикатором отношения личности к государству. Если норма позитивного права не отвечает критериям нравственного сознания, и личность не считает себя нравственно-обязанной ее выполнять, то от государства требуют отмены этой нормы. Новгородцев подчеркивает, что прочность правоотношений, регулируемых государством, зависит от интенсивности взаимовлияния государства и нравственности. По его мнению, именно благодаря соблюдению баланса формально-юридического нормотворчества и нравственных требований получает основу идея стабильности международных обязательств и национальных конституций.

Новгородцев указывает и на другой аргумент, показывающий зависимость государства от нравственности. С точки зрения государственного монизма, по его мнению, невозможно объяснить установление новых правовых норм иначе как путем формального нарушения старых. «Рассуждая последовательно, — отмечает он, — мы должны признать, что нарушение права может породить лишь состояние неправомерное. Если, однако, мы не отказываем в признании новому порядку, возникшему с формальным правонарушением на место старого, то только потому, что этот новый порядок, формально-неправомерный, может оправдать себя... по своему соответствию с идеей

права»¹. То есть Новгородцев выявляет невидимое противоречие между государством и его производным — позитивным правом, утверждая тем самым принцип государственно-правового дуализма.

Центральным пунктом, где сказываются самые глубокие и существенные различия между теориями государственного монизма и государственного дуализма, является, как считает Новгородцев, вопрос об отношении государства к личности, или, другими словами, проблема прав человека. Конфликт естественно-правового и формально-юридического воззрений обусловлен главным образом этой проблемой. Юрист полагает, что для современного культурного правосознания права личности стали основным постоянным элементом права. Этот элемент существующего правопорядка выступает как бы материальным пределом законодательной власти государства. С его точки зрения, границы государственной власти имеют не только формальный (законодательное закрепление), но и материальный характер (субстанциальность прав человека определяет естественный предел власти государства). Правосознанию имманентно присуща идея, что государство имеет перед собой некоторый молчаливо признаваемый им предел властвования. Помимо трансцендентного обоснования неотчуждаемых прав личности, Новгородцев выводит идею прав человека также из закономерности развития самого права. При буржуазном правопорядке, где все лица уравниваются с формальной точки зрения, личность становится субъектом права, т. е. устанавливается та правовая среда, в которой воля человека проявляется свободно. А это значит, что государство, как организованный из субъектов права народ, представляет собой не совокупность подчиненных целому единиц, а сообщество свободных индивидов.

Новгородцев согласен с тем, что с формально-юридической точки зрения всякое право получает форму закона от государства и в этом смысле права и свободы становятся юридически значимыми только в результате их государственного признания. «Но признать, — замечает он, — не значит создать и вызвать к жизни; и самое признание в данном случае имеет значение не милостивой уступки, а необходимого самоограничения. Индивидуальная сво-

¹ *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75. С. 515.

бода существует и помимо этого признания»¹. Вопрос сводится к тому, чтобы свобода как реальный факт и нравственное требование была закреплена законом. Поэтому утверждение свободы есть всегда процесс борьбы против налагаемых на нее стеснений. Признание свободы в этом случае означает отказ государства от прежних посягательств на права лиц. Отсюда, как считает юрист, акт государственного признания свободы имеет отрицательный характер, означающий не более как официальное подтверждение факта жизненного явления.

От критики социального утопизма к социальному идеалу

Подобно Гегелю, Новгородцев расширяет свою философию права до масштабов социальной философии и философии истории. В этой части философия права русского юриста предстает не просто как академическая дисциплина, а в качестве разновидности социального проекта, призванного начертать общие ориентиры развития человечества в будущем. Но здесь Новгородцев вынужден был решить для себя задачу более частного, методологического порядка, состоявшую в том, чтобы предложенный им общественный идеал не выглядел очередной утопией.

Вот как Новгородцев характеризует утопическое сознание в целом: «Каждая утопия обещает человечеству устранение общественных противоречий, гармонию личности с обществом, единство жизни; и каждая утопия предполагает, что она знает такое универсальное средство, которое приведет к этому блаженному состоянию всеобщей гармонии и мира. Но именно поэтому каждая утопия представляет собою мечту о всецелом устроении, а вместе с тем и упрощении жизни. Предполагается, что можно найти одно средство, одно начало, имеющее некоторый всемогущий и всеисцеляющий смысл, что можно, согласно с этим началом, устроить жизнь по разуму, освободить ее от противоречий, от разлада, от сложности, свести к единству, к согласию, к гармонической простоте»².

¹ *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75. С. 515.

² *Новгородцев П.* О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. М., 1990. С. 218.

Речь здесь идет о рационализме эпохи Просвещения, давшем жизнь теориям «земного рая» (термин А.И. Герцена) — либерализму, анархизму, социализму. Живучесть и распространенность утопий Новгородцев объясняет тем, что они имели некоторую «внутреннюю правду», заключающуюся в их связи с безусловными началами общественного идеала — равенством, свободой, солидарностью.

Существенным изъяном утопий, по Новгородцеву, является их претензия стать религией, оставаясь по сути оторванными от Бога. В случае, когда утопия принимает форму религии, происходит смешение абсолютного и относительного, Божьего и кесарева. Утопия стремится рассматривать сверхприродный порядок как норму человеческой жизни, отрицать относительное ради абсолютного. В результате необоснованно умалется значение действительной жизни, абстрактные схемы будущего приобретают абсолютное значение. Рассудочные, логически стройные планы требуют от личности больше того, что она может по своей природе. С другой стороны, напротив, разрыв с абсолютным и его забвение приводит к абсолютизации относительных форм, к убеждению, что социальными экспериментами можно достигнуть благополучия личности. В любом случае, делает вывод Новгородцев, предполагается «перерыв истории, чудо социального преобразования», что «в своем осуществлении приводит к насилию над историей, к злым опытам социального знахарства и колдовства»¹.

При внешней религиозности рационалистический утопизм отрицает Бога и религию. «Утверждать, что жизнь можно устроить по разуму человеческому, — отмечает Новгородцев, — что силою разума человеческого и воли человеческой можно победить и противоречия истории, и диссонансы мира, и самобытные стремления, и страсти личности, значит то же, что признать этот разум и эту волю в их высшем совершенстве абсолютными и всемогущими, приписать им божественное значение, поставить их на место Божьего разума и Божьей воли»². Безрелигиозность рационалистического утопизма, как считает Новгородцев, предполагает, что зло и страдания могут быть побеждены человеческим разумом и

¹ Новгородцев П. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. М., 1990. С. 218.

² Новгородцев П. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. М., 1990. С. 219.

совершенными социальными формами. По логике его мысли, механистическо-рационалистическое мышление, не имея возможности оценить зло как явление трансцендентное, соответственно будет ставить перед государством задачу устранить его чисто внешними средствами. На практике это будет означать приоритет насильственно-репрессивных мер перед воспитательными и морально-религиозными, с чем Новгородцев согласиться не может.

Новгородцев солидарен с мнением Е.Н. Трубецкого, что рождение и смерть идей земного рая является проявлением кризисного, апокалиптического сознания. Катаклизмы мира вызывают катастрофическое мироощущение, вырабатывают философию конца. На протяжении всего времени существования утопий они неизменно проходят циклический круг: появляясь в результате социальных потрясений как надежда на лучшее будущее, они отвергаются с возникновением новых разрушительных явлений действительности, на смену отжившим утопиям приходят новые. Для того чтобы выйти из этого порочного круга, Новгородцев предлагает обратиться к моральной философии. В ней он предполагает найти уверенность, что «из глубочайших своих разочарований человечество вынесет не мысль о безнадежном упадке, а надежду на грядущее возрождение»¹.

Абсолютный идеал

В отличие от утопического сознания, предполагающего конечность истории и подавленность личности ее законами, Новгородцев выступает за своеобразную философию бесконечности. В ее основе лежит идея нескончаемого развития нравственного начала личности, дающего ей свободу совершенствования и идеальную цель. В связи с этим юрист выдвигает два тезиса, которыми предлагает руководствоваться. Во-первых, «надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая». Во-вторых, «надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы

¹ *Новгородцев П.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922. Вып. 1. С. 145.

явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории»¹. Абсолютной социальной гармонии, которая должна осуществиться в конце истории, Новгородцев противопоставляет абсолютный идеал, вечно возвышающийся над историей и признающий в качестве основной реальности человеческую личность.

Понятие абсолютного социального идеала является у Новгородцева прямым производным таких основополагающих категорий его философии, как нравственный закон личности и естественное право. По сути, все эти положения одного порядка, так как по природе своей идеальны и априорны. Различия касаются их внешней выраженности, их метафизического статуса. Если нравственный закон есть трансценденция личности как индивидуального существа, то абсолютный идеал указывает на трансцендентное состояние общества как спроецированное вовне объективно-личностное сознание. Нравственный закон в большей степени направлен на самоорганизацию самой личности, тогда как абсолютный идеал призван наметить принципы социального устройства. Однако есть все основания утверждать, что названные различия между нравственным законом и абсолютным идеалом носят в основном философско-методологический и терминологический характер. В своем существе абсолютный социальный идеал означает не что иное, как идеал самой личности, т. е. ее нравственный закон, приложенный к общественным условиям. В этом случае естественное право представляет собой требование нравственного закона личности и находит свое завершенное выражение в абсолютном идеале общества. Таким образом, триада «нравственный закон — естественное право — абсолютный идеал» есть развивающаяся нравственная идея, эволюция представлений личности, идущая от осознания своей нравственной природы к предъявлению требований к нравственной организации общества.

Новгородцев оценивает абсолютный идеал как своеобразный субстрат моральной философии, усматривает в нем одновременно ее исходный пункт и итог. В абсолютном идеале принцип личности как основополагающий для моральной философии, находит свое полное развитие и логическое завершение. Инди-

¹ *Новгородцев П.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922. Вып. 1. С. 11.

видуализм, абсолютизм и формализм нравственного закона выражают, по его мнению, в абсолютном идеале ту степень возможной гармоничности и согласованности личности и общества, выявить которую мыслитель постоянно стремился, разрабатывая свою этику. Новгородцев определяет абсолютный идеал как принцип всеобщего свободного универсализма, где свобода, равенство и всеобщность объединения лиц сочетаются в свободной солидарности всех. «Это чисто абстрактные требования, — говорит он, — всеобщего объединения на началах равенства и свободы; это отвлеченный принцип личности, взятый в его двояком значении, — со стороны притязаний и со стороны обязанностей, — и таким образом возведенный до идеи свободного универсализма... Это — идеал не только демократический, но и вселенский, идеал общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства»¹.

Иными словами, абсолютный идеал Новгородцева — религиозная норма, данная Богом и обнаруживаемая в нравственном сознании личности.

Смысл истории

Итоговый компонент философии права Новгородцева — философия истории, представляющая собой причудливый синтез кантианской этики и православной эсхатологии.

Человеческая история, полагает юрист, имеет два уровня — эмпирический и идеальный. На эмпирическом уровне история предстает как процесс смены социальных форм, на идеальном — как прогресс нравственного сознания. Оба пласта истории объединены абсолютным (религиозным) идеалом, носителем которого выступает личность. Абсолютный идеал указывает направление истории и наполняет ее смыслом; он возвышается как над концом истории, так и над ее началом, одинаково осуществляясь на всем ее протяжении. В любой исторической эпохе проявляется стремление к абсолютному, но каждый раз оно заканчивается лишь относительным приближением к идеалу. Таков закон исторического

¹ *Новгородцев П.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922. Вып. 1. С. 86–87.

развития: путь к абсолютному лежит через относительные ступени возвышения к нему.

С точки зрения православной догматики, социальные формы конечны и в рамках земной истории в принципе не могут достичь совершенства в силу их греховности. Поэтому Новгородцев вполне логично выносит воплощение абсолютного идеала за рамки человеческой истории в сферу сверхисторического. Он пытается доказать, что абсолютный идеал как сверхвременной и сверхрациональный образ уже существует, но еще не осуществлен, что социальный универсум построен на его принципах, развивается по его законам по направлению к полному воплощению его требований. В известном смысле абсолютный идеал задает программу обществу, которую оно непременно выполнит, вступив в сверхисторическую фазу развития. Однако этот путь видится Новгородцеву лишь, так сказать, в стратегическом плане, в общем контексте христианской догматики. Конкретная история для него непредсказуема, поэтому в условиях конкуренции и плюрализма ценностей первостепенное значение приобретает религия. «Да, будущее неведомо и темно, — пишет юрист, — но цель, открывающаяся для нравственных усилий, ясна и определена... Инстинкт движения и жизни есть лучшее руководство для того, чтобы верно пробивать путь в неведомой и страшной темноте. Для того, чтобы не была она страшна, эта темнота, у человека есть одно верное средство — озарить ее внутренним светом твердого убеждения и при этом свете идти вперед, куда повелевает долг. Мы не знаем будущего, но знаем требования нашего морального сознания. Мы не можем предвидеть достижения наших целей, но можем его хотеть и требовать»¹.

Прогресс нравственного сознания (идеальный срез истории) Новгородцев фактически сводит к возвращению человека в лоно церкви, в рамках которой, как он полагает, только и возможно достичь максимального совершенства социальных форм, а уже после окончания земной человеческой истории войти в Царство Божие.

Философия истории Новгородцева имеет важный компонент, заключающийся в решении проблемы соотношения национального и наднационального. Как он полагает, каждый народ, образовавший из себя духовное целое и имеющий свою историю и куль-

¹ *Новгородцев П.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922. Вып. 1. С. 92.

туру, носит в себе «живую силу», сплывающую его. Под «живой силой» он подразумевает связь с Абсолютом, Богом, чей императив народ осуществляет в своей истории. Чем более нация близка к религиозным святыням, тем больше согласованности в отношениях между людьми и в обществе в целом. Особой освященностью народной жизни объясняется и крепость государства, основанного на братском сотрудничестве соотечественников. Однако, несмотря на превознесение национального, Новгородцев в полной мере отстаивает наднациональное. «Где границы, где перегородки, — говорит он, — там нетерпимость и замкнутость. А замкнутость, это значит эгоизм, — семейный, классовый, национальный. И выход может быть только один: органическая связь отдельных союзов между собою и с целым...»¹ В основу такой позиции мыслитель полагает христианский принцип равенства всех перед Богом независимо от национальности. По его мнению, современный человек живет столько же своим народным, сколько и чужим, общечеловеческим. Новгородцев приходит к выводу о существовании единой, наднациональной общечеловеческой истины, «вселенской правды», которая является руководящим идеалом для каждого общества и для каждой эпохи. «Все соответствующее этому идеалу, — подчеркивает он, — все, что расширяет и освобождает жизнь данного общества, данного народа, правильно и верно; а все, что обособляет данный народ от других, что отделяет его от великой цели всемирного общечеловеческого единства, то неправильно и ложно. В этой идее общечеловеческой солидарности мы имеем надежный признак для того, чтобы отличить должное и недолжное в стремлениях любого поколения и любой эпохи»².

Иными словами, общечеловеческое единство не есть результат механического слияния народов. Вселенское единство осуществляется и проявляется лишь в процессе исторического восхождения к Абсолюту и, наоборот, земная человеческая история воплощает в себе развитие вселенского единения на пути к идеалу. Таким образом, делает вывод Новгородцев, история находит свой смысл в трансцендентном единстве абсолютного идеала с человечеством, в одинаковом стремлении всех к этому идеалу.

¹ *Новгородцев П.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922. Вып. 1. С. 90.

² *Новгородцев П.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922. Вып. 1. С. 91.

В.С. Кржевов

Концепция государства и права К. Шмитта: Место и роль в политической теории и практике XX в.

Работы К. Шмитта в области философии и общей теории государства и права в последнее время оказались вновь востребованы некоторой частью философского и политологического сообщества России. Уточним — преимущественно речь идёт об идеологах и политтехнологах определённого направления, пропагандирующих идею «сильного государства» и стремящихся подкрепить свои позиции обращением к трудам этого автора. Количество публикаций, ссылок и комментариев оказалось столь велико, что это вызвало весьма бурную полемику сторонников и противников обращения к его наследию. Первые, как правило, подчёркивали богатство содержания и отточенность аргументации, вторые указывали на активную роль Шмитта в становлении и оформлении «новой государственности Третьего рейха», придании гитлеровскому режиму видимости правовой основательности и внешней респектабельности. Нельзя не сказать, что эти обвинения вполне основательны — репутация К. Шмитта не просто сомнительна, но, называя вещи своими именами, попросту одиозна, — думается, не только в моральном, но и в политико-правовом плане. Достаточно сказать, что именно ему — одному из крупнейших правоведов Германии того времени — принадлежало авторство печально известной формулы «Человеческое лицо — ещё не признак человека», ставшей ключевым положением ксенофобской пропаганды и этнической дискриминации, практиковавшихся нацистским государством. Как отмечает А.Ф. Филиппов, переводчик, редактор и комментатор изданий трудов изданий трудов этого автора на русском языке, после захвата власти нацистами Шмитт, будучи одним из наиболее известных и авторитетных в Германии, да и во всей Европе специалистов в области государственного права, прилагает немалые усилия, дабы разработать «нечто вроде правовой идеологии режима»¹. Нелишне

¹ Филиппов А.Ф. Комментарии, прим. 2 // Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 317.

напомнить, что образующим принципом этой идеологии стало наделение фюрера полномочиями одновременно и высшего законодателя, и судьи: «Воля фюрера не подчиняется закону, но сама есть высший закон»¹. Точно так же невозможно обойти ни фактов публикации Шмиттом статей, доказывающих «легальность» преступлений, совершённых от имени «германского народного государства», ни его стремления добиться положения идеологического гуру в НСДАП, ни откровенно антисемитских выпадов в «академических» работах 30–40-гг.² Так что активное, не за страх, а за совесть сотрудничество с захватившими власть национал-социалистами вне всяких сомнений следует считать ключевой характеристикой этого деятеля.

Обоснованность этой оценки нимало не колеблют ни последующие неудачи в его карьере, ни конфликты с самыми оголтелыми проповедниками идей «национал-социалистической государственности». Поэтому как минимум странно выглядят доводы, направленные если не к оправданию Шмитта, то, несомненно, к тому, чтобы представить его отношения с нацистами в возможно более мягком варианте. Вот, мол, поскольку все хлопоты не принесли ожидаемых плодов, карьерные чаяния пошли прахом, и Шмитт, отказавшись от претензий на статус влиятельной фигуры в «новом германском государстве», ушёл в тень, то и не следует считать его деятельность совсем уж предосудительной — были люди, отягчённые прегрешениями куда более тяжкими, чем «все-го лишь» идейная поддержка гитлеризма. Да и главная вина его якобы только лишь в том, что он, движимый патриотическим стремлением послужить своей стране, «не понял» сразу истинной природы режима, «не увидел» его подлинной человеконенавистнической сути. Однако несостоявшаяся карьера вряд ли является достаточным основанием для отказа от точной квалификации позиции Шмитта, которую — подчеркнём это ещё раз — нельзя назвать иначе как последовательно профашистской. Его конфликт с наиболее одиозными идеологами НСДАП и СС трудно расценить как свидетельство принципиальных расхождений, а тем более — как следствие запоздалого прозрения и морально мотивированно-

¹ *Schmitt C. Der Führer schützt das Recht... // Deutsche Juristen-Zeitung. 1934. № 39. S. 945–950.*

² Подробнее об этом см.: *Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007. С. 23, 66–90.*

го отказа от сотрудничества. Скорее дело было в том, что нацистские бонзы, те, с кем он связывал надежды на возвышение, оказались столь же самонадеянны, сколь и невежественны, не распознав в нём подлинно «своего» и сочтя за благо умерить карьерные аппетиты очень уж, по их меркам, образованного соратника. Точно так же не служат к оправданию экс-государственного советника Третьего рейха Шмитта его попытки всячески дистанцироваться от режима, предпринятые сразу после краха гитлеровской Германии. Тем более что, спустя недолгое время, он, оправившись от первого шока, по словам того же А.Ф. Филиппова: «Много раз ... возвращается к роковым тридцатым годам. Он оправдывается и доказывает. И, подобно Хайдеггеру, *не раскаивается ни в чём*» (Курсив мой. — В.К.).¹

Так что можно с достаточным основанием утверждать, что Карл Шмитт отнюдь не был только беспристрастным исследователем, достоверно описавшим происходящие события, тем «врачом», чьи знания позволили поставить «правильный диагноз» больному нацизмом германскому обществу, в то время как сам он не несёт прямой ответственности за ход и исход заболевания (что ж подедаешь, если «так сложилось»). Напротив, он, вне всякого сомнения, принадлежал к тем, кто *активно содействовал* развитию этой чудовищной патологии, и его компетентность в правовых вопросах и интеллектуальный уровень в данном случае служат не смягчающим, а, напротив, отягчающим эту его вину обстоятельством. При самом объективном анализе нельзя не видеть, что практическая деятельность национал-социалистического «народного государства» шла в русле ключевых идей его философско-правовой концепции. Поэтому его сторонникам и популяризаторам весьма затруднительно (хотя они и пытаются) использовать такой характерный приём, как разделение политической и творческой биографий, создающий, как это было в случае с Хайдеггером, иллюзию интеллектуальной отрешённости высокого мыслителя от «свинцовых мерзостей» повседневной жизни Третьего рейха².

Тем не менее, несмотря на всё сказанное, вопрос о целесообразности нового обращения к идеям этого, без сомнения, не рядо-

¹ Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 313.

² Подробнее об этом см.: Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М., 2003.

вого представителя философско-правовой и специально-юридической мысли XX в. нельзя считать предрешённым. Невозможно, не впадая в идеологическую предвзятость, отрицать ни остроты поднимавшихся им проблем, ни известной весомости аргументации. Вместе с тем это не означает готовности с этой аргументацией согласиться — не в последнюю очередь именно потому, что сегодня её основные идеи и логические ходы вновь оказались широко востребованными. В этой связи важно вновь подчеркнуть, что пробудившийся интерес к наследию К. Шмитта явно не только академического свойства. В особенности это относится к работам, посвящённым проблемам сущности политического, природы государства и права, их истоков и соотношения, а также обеспечения суверенитета, стабильности и правопорядка в современных условиях.

В резко возросшем потоке публикаций по этим вопросам значительный объём занимают статьи и монографии, выражающие устремления тех, кто получил (или присвоил себе) наименование «государственников», вдобавок нередко прокламируя идеи откровенно шовинистического толка. По форме издания этого рода претендуют на научную основательность, но по сути большей частью носят пропагандистский или публицистический характер. Обыкновенно такие тексты заполнены монотонно повторяемыми мантрами об особой роли государства как главного источника порядка и хранителя «народных традиций», и — в развитие этого тезиса — о недопустимости любых посягательств на полноту распорядительных полномочий государственной власти во всех делах общества. Статус и права главы государства, а равно и прерогативы им назначаемых чиновников представляются авторам подобных работ едва ли не сакральными, а их деятельность — не подлежащей ни критическому разбору, ни тем более правовым ограничениям и независимому контролю. Эти декларации большей частью сопровождаются многословными разъяснениями, суть которых сводится к тому, что неограниченная власть может и должна принадлежать лишь «подлинным патриотам» — в том специфическом понимании патриотизма, которое издавна характерно для этого рода публицистики.

Нельзя не видеть, что подобные опусы под лозунгом «защиты интересов нации» в сущности пропагандируют программу установления диктатуры, идеология которой будет замешана на этни-

ческой ксенофобии, а политическая практика — на изоляционизме, игнорировании международно признанных правовых норм и систематической дискриминации политически неудобных. Понятно, что политическая философия либерализма в корне противоречит этой программе. Поэтому вытекающие из неё правовые начала и принципы государственного строительства, несмотря на то, что они зафиксированы в действующей Конституции РФ, трактуются приверженцами псевдопатриотической идеологии не иначе как «привнесения с Запада, полностью чуждые культуре и политическому опыту россиян». Сообразуясь с такими оценками, они жёстко критикуют любые попытки добиться реализации конституционных принципов в повседневной жизни российского общества, преподнося их не иначе как действия «внутренних врагов», намеренно направляемые к ослаблению государства. В противовес этому акцентируется требование скорейшего его «переустройства на национальных началах» — как единственного средства противодействия угрозам, якобы неизменно исходящим от всё того же «Запада». Политологам давно и хорошо известно, что логика подобных проектов в обязательном порядке требует создания и активной эксплуатации «образа врага». Поэтому их разработчики, не утруждая себя разработкой новых идей и подходов, привычно назначают на эту роль те же страны и организации, которым она отводилась на протяжении многих лет российской истории, особенно в эпоху холодной войны.

«Теоретическим обоснованием» этих, правду сказать, довольно обветшавших построений среди прочего служат ключевые положения той политической философии, приверженцем и выразителем которой был и К. Шмитт. Неколебимо исповедуя идею абсолютного примата государства над обществом, он, вслед Гоббсу, сводил все аргументы к альтернативе «либо ничем не ограниченная твёрдая власть, либо распад общественных связей, хаос и гибель». (Заметим сразу, альтернатива эта ложная.) Поэтому нельзя счесть случайностью, что «государственники» последней генерации, озабоченные скорее очернением либерализма и либералов, нежели обеспечением действительной эффективности и мощи государства, более чем охотно обращаются к сочинениям германского юриста, цитируя его с надобностью и без надобности. Бывает, что обходятся и без цитирования, довольствуясь пересказом идей Шмитта, зачастую безбожно их перевирая и не считая нужным указать на источник.

Вместе с тем нельзя не видеть, что напряжённое внимание к этой проблематике обусловлено отнюдь не только поверхностными соображениями, отвечающими одним лишь сиюминутным требованиям политико-идеологической конъюнктуры. Представители самых различных школ и направлений социальной мысли в большинстве своём единодушны в признании радикальных изменений во внешних, природно-климатических и экологических условиях протекания социального процесса, взятого в глобальных масштабах. Не менее существенно изменились также многие ключевые параметры жизнедеятельности современного человечества. Прежде всего, укажем на то, что массовое применение накопленных за последние десятилетия технологических новаций повлекло за собой резкий рост интенсивности контактов, повышение социальной мобильности людей, принадлежащих разным социокультурным традициям. В сфере международной политики всё более заметным становится нарастающее перераспределение баланса сил, происходящее на фоне невиданного в прежней истории усиления взаимозависимости между некогда в значительной мере автономными группами стран, расположенными в разных регионах земного шара. Сведённые вместе, эти данные свидетельствуют о том, что человечество двадцать первого века пребывает в фазе становления единого глобального социального организма, с общими проблемами и общей судьбой. Конечно, процесс этот отнюдь не имеет характера линейной эволюции, предуказанными путями идущей к предустановленному благополучному финалу. Реалии нашего времени много сложнее, ибо сегодня общество как никогда ранее исполнено множества внутренних противоречий и порождаемых ими разнонаправленных тенденций развития. Но, отнюдь не разделяя прогрессистских иллюзий конца позапрошлого столетия, можно вместе с тем уверенно констатировать, что выбор, перед которым стоит человечество, имеет вполне определённые очертания. Одно из двух — либо нарастание ясно обозначившейся тенденции «разбегания» по унаследованным из прошлого и вновь возникшим разделительным линиям создаст «критическую массу» конфликтов, либо, осознав связанные с этим угрозы, цивилизация землян сумеет преодолеть эту тенденцию и продолжить своё существование как единое сообщество, концентрирующее свои усилия на поддержании разумной жизни на планете. Первый вариант — это «путь наименьшего сопротивления»,

чреватый высоковероятным при наличии ОМП самоуничтожением человечества. Второй — предполагает настойчивую и целеустремлённую деятельность во имя преодоления вражды и разобщённости, создающую перспективы достижения гармонии и солидарности в отношениях между людьми разных рас и культур.

Понятно, что в подобной ситуации на первый план не могло не выйти обсуждение вопросов об отвечающих новым условиям формах организации государства и способах его взаимодействия с обществом, а также о новом порядке межгосударственных отношений. Вопросы эти, как представляется, тесно взаимосвязаны, так что обращение к одной группе проблем предполагает соответствующие усилия в смежной области. С учётом сказанного понятно, почему проблемы, давно обсуждаемые в философии и науке — о природе государства и пределах его властных полномочий, — обрели новую актуальность и заняли одно из центральных мест в современном научном поиске. В связи с этим вполне объяснимо и обращение к наследию наиболее значительных авторитетов в этой области, к числу которых бесспорно принадлежит и К. Шмитт. Но, признавая это, нельзя забывать, что авторитет этого мыслителя — это авторитет убеждённого защитника и проповедника принципа *«государство превыше всего, ибо государство, каким бы оно ни было, — это порядок»*.

В этой связи представляется немаловажным принять во внимание, что развивающая этот принцип политическая философия является собой продукт другой эпохи — эпохи становления и укрепления национальных государств (или, как ещё говорят, «государств-наций»). В тот период национально-государственное обособление было велением времени, и теоретическая мысль создавала концепции, способные удовлетворить этим запросам. Но попытки в наши дни руководствоваться идеями, рождёнными в иных условиях и этим условиям отвечавшими, выглядят безнадёжным, но вместе с тем всё ещё очень опасным анахронизмом. Дело в том, что, взятое абстрактно, положение о сосредоточении всех сил и всех интересов сообщества в государстве может послужить обоснованием такой концентрации власти, с которой личная свобода, независимость и человеческое достоинство будут просто несовместимы. Как прозорливо отмечал Т. Манн, «...та теория и та глубоко бесчеловечная практика, которая абсолютизирует... политику, видит в политике всеобъемлющую тотальность, не желает знать ни-

чего, кроме идеи государства, приносит в жертву этой идее человека и всё человеческое и уничтожает всякую свободу»¹.

Наилучшим подтверждением губительности такого пути развития служат катастрофы, постигшие тоталитарные режимы XX в. Поэтому задача критического осмысления концептуальных моделей, полагаемых в основание проектов воссоздания «сильного государства», в своём самоутверждении способного игнорировать общечеловеческие интересы, несомненно является одной из самых насущных задач философии начала нового тысячелетия.

Сообразно характеру обсуждаемой темы наш анализ прежде всего будет направлен на смыслообразующий центр большей части философско-правовых исследований Шмитта — концепцию «политического», претендующую на раскрытие глубинной сути этого социального феномена. Легко убедиться, что во многих работах этого автора определение природы политического служит отправной точкой, в то же время явно или неявно выполняя роль «объяснительного принципа», связующего воедино всю совокупность аргументов.

Разработку темы Шмитт начинает с констатации затруднения, обусловленного наличием логического круга в определении ключевых понятий. В тех случаях, отмечает он, когда требуется чётко выявить, в чём же состоит специфика государства как особого явления, многие исследователи ссылаются на его «политическую» природу. И обратно, определяя понятие «политического», обыкновенно указывают на государство как тот институт, функционирование которого обуславливает именно «политический» характер известных действий и отношений. «Государство тогда оказывается чем-то политическим, а политическое чем-то государственным, и этот круг в определениях явно неудовлетворителен», — резюмирует Шмитт². Таким образом, перед научным сообществом встаёт задача преодоления логической уязвимости общепринятых определений, обусловленной наличием в них скрытой апелляции к интуитивно понимаемой сущности государства. Решение Шмитт видит в том, чтобы найти тот объективно-независимый признак «политического», который позволил бы разорвать порочный круг и непротиворечиво описать конституирующие особенности этого феномена.

¹ Манн Т. Культура и политика // Манн Т. Сочинения. М., 1961. Т. 10. С. 292.

² Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35.

Таким достаточным признаком **сущности политического**, его конституирующим основанием Шмитт решительно объявляет **«противоборство друзей и врагов»**¹. Этот подход, полагает он, позволяет дать логически корректное определение центрального понятия политической теории — понятия государства. Однако анализ его аргументации выявляет наличие в ней всё той же неявным образом вводимой отсылки к мнимо очевидному признаку, что, в свою очередь, открывает возможность сугубо оценочных интерпретаций.

Коротко говоря, предложенный Шмиттом способ решения задачи состоит в следующем. Прежде всего он отказывается от попыток сразу дать строгое определение государства, выделяя специфицирующий его признак, как это обыкновенно делается при всяком описании качественного своеобразия логического субъекта. По его версии в роли такого субъекта первоначально выступает «народ», а термин «государство» служит для обозначения его пребывания в некоем особом *состоянии*. **«Государство по смыслу самого слова и по своей исторической явленности есть особого рода состояние народа, именно такое состояние, которое в решающем случае оказывается наиважнейшим (massgebend), а потому... это просто статус, статус как таковой»** (Курсив и выделение мои. — В.К.).²

Эдакое — правду сказать, не самое вразумительное — рассуждение вряд ли можно признать удовлетворительным в теоретическом плане — перечисленные в нём расплывчатые характеристики никак не синтезируются в ясном общем определении. Итоговая формула: «государство — это просто статус» остаётся пока весьма мало содержательной и логически вряд ли более приемлемой, чем та, что была раскритикована Шмиттом. Вместе с тем важно, что «государство» теперь уже не рассматривается как институт легальной публичной власти, известным образом обособленный от общества и стоящий над ним. В определении Шмитта сделан иной акцент — тесная связь понятий «народ» и «государство» создаёт впечатление почти что полной их синонимичности. Это, как мы увидим, выстрел с дальним прицелом — разнородные, в общем-то, категории, обозначающие в первом случае историческую общ-

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35.

² Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 36.

ность людей, а во втором — социальный институт, используются для выражения почти тождественного содержания. При этом явно подразумевается, что смысл слова «народ» вполне однозначен и не допускает разночтений. Однако специалистам — как этнологам и социологам, так и юристам и политологам — хорошо известны различия в его трактовке, а равно и серьёзные затруднения, возникающие при попытках оперировать им в решении практических задач¹. Примером может служить издавна дискутируемый вопрос о конкретном содержании выражения «право наций на самоопределение». Множество драматичных событий в самых разных регионах земного шара свидетельствует, что именно вариативность его толкований нередко служит катализатором осложнений в политике. Корни этих осложнений следует искать в ярко выраженном несовпадении этнических и политических границ и численной несоразмерности этносов — этнических общностей на нашей планете во много раз больше, чем суверенных государств. Одно только это обстоятельство доказывает несостоятельность попыток рассматривать исторически сложившуюся этнокультурную общность как основание, во всех случаях достаточное для политической интеграции².

Анализ дальнейших аргументов Шмитта выявляет ещё один существенный момент, имеющий едва ли не решающее значение для оценки его усилий. Как уже было сказано, его попытки преодолеть логическую уязвимость традиционного определения понятия «государство» нельзя признать успешными, поскольку они, среди прочего, страдают тем же самым недостатком, на исправление которого были нацелены. В самом деле, коль скоро, согласно Шмитту, это понятие указывает на обретение «народом» некоторой «особенности»особости?, логически неоспоримым становится требование дать объективный критерий, позволяющий эту самую особенностьособость? распознать. Только располагая таким критерием, мы в состоянии будем понять, что данный конкретный «случай» действительно оказался «решающим» и привёл «народ»

¹ См.: *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России. М., 2004. С. 7–19.

² Пример чрезвычайно упрощённой позиции в этом вопросе даёт статья современного представителя германской политической мысли Г. Люббе. См: *Люббе Г.* Что такое народ? Новая актуальность права на самоопределение // Политическая философия в Германии. М., 2005 С. 102–110.

в то «особого рода состояние», которое к тому же явилось «наиважнейшим». Понимая это, Шмитт несколько неожиданно вновь обращается к знакомому предикату — «политическое», входившее в отвергнутое им определение государства, вновь используется как искомый специфицирующий признак. «**Оба признака**, входящие в это представление, — **статус и народ** — получают смысл лишь благодаря более **широкому признаку, т. е. политическому**, и, если *неправильно понимается* сущность политического, они *становятся непонятными*» (Курсив и выделение мои. — В.К.).¹

Таким образом, ряд аргументов, хотя и удлинился на пару шагов, опять привел к исходному положению. Попытавшись определить государство как «*особый статус народа*», Шмитт вновь, как и его предшественники, оказался вынужден характеризовать *эту* его особенность через понятие «*политического*». Но теперь решение задачи ставится в зависимость от дополнительного условия — требуется не более не менее как «правильное понимание» сущности этого феномена. Излишне говорить, что «правильным» оно может быть признано лишь в его, Шмитта, толковании. Само собой разумеется, что в этом случае решение наконец-то становится логически безупречным — нужно только сделать совсем небольшое усилие и поверить автору на слово. Однако при внимательном рассмотрении довольно быстро обнаруживается, что толкование Шмитта вовсе не даёт сколько-нибудь внятного объяснения — он попросту многократно и в разных вариациях декларирует, что лишь «различая друга и врага», мы можем постичь природу «политического», сообщающего особое качество мотивам и действиям людей. Следует понимать дело так, что именно под воздействием этого таинственного силового поля «народ» и преобразуется в «государство».

Совсем несложно показать, что безапелляционный тон этих утверждений никак не возмещает отсутствия в них главного — того самого независимого критерия, который является неременным условием объективной оценки. Никакие ссылки на «важность и решительность» «особого случая» не отменяют ведь общего логического правила, на обязательность которого указывал и сам Шмитт. Тем не менее вместо чётко определённых и поддающихся независимой верификации признаков он использует невнятные

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 38.

тавтологии, подобно своим оппонентам апеллируя к тому, что якобы самоочевидно и потому не может быть оспорено. Таким образом, все решения относительно наступления состояния вражды оказываются отданными на откуп интуитивно направляемому произволу, не связанному необходимостью учитывать какие бы то ни было объективные факты и обстоятельства — достаточным основанием всякий раз оказывается специфическое переживание угрозы своему «бытийственному роду жизни». Все прочие резоны привлекаются уже потом, для поддержки избранного решения, которое возводится в ранг «экзистенциально мотивированного». Мнимая очевидность, к которой молчаливо отсылают такие обоснования — это постоянное присутствие «врага» и исходящей от него потенциальной угрозы. Чрезвычайно малая содержательность этих уверений прямо-таки бросается в глаза при анализе попыток Шмитта ответить на вопрос — «кто же он такой, этот “враг”?» «...**Политический враг, — заявляет он, — ...есть именно иной, чужой**, а для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле **есть нечто иное и чуждое**, так что в экстремальном случае **возможны конфликты с ним...**» (Выделения мои. — В.К.)¹. Представляется, что сделанный Шмиттом сильнейший акцент на «особенно интенсивном смысле» и «экстремальности» неких «случаев» существа дела никак не проясняет, поскольку содержание этих эпитетов остаётся скрытым, а весь анализ снова идет по замкнутому кругу. Конечно, таким образом достигается *психологический эффект* — притом вполне ожидаемый, поскольку настойчивые предостережения о постоянно существующей возможности вражеского нападения сильно действуют на воображение. Но в плане теоретико-логическом о природе и истоках такой возможности не говорится ничего конкретного. При желании можно, конечно, увидеть здесь связь с широчайшим обобщением, выражаемым посредством предельно абстрактного понятия «история человечества». Ясно, что среди прочего оно обнимает неисчислимое множество конфликтов и экстремальных ситуаций. Но ведь у Шмитта речь идёт не об «истории вообще», а об *исторически конкретном*, о тех «особенных состояниях народа», что вроде бы должны эмпирически фиксироваться в некоторых пространственно-временных границах. Поэтому попытки дать им

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 38.

определение, всего лишь сославшись на угрозу от некоего всегда сущего, но никак иначе не характеризуемого «иною и чуждою» более походят на магические заклятия, нежели на рациональные дефиниции. Отсюда видно, что, притязая на академическую строгость и доказательность своих утверждений, Шмитт на деле просто-напросто взывает к вульгарным ксенофобским предубеждениям. Его «концепция политического» — не более чем квазиинтеллектуальная форма древнейшего предрассудка, согласно которому «чужой» — это непременно враг, кто бы он ни был и что бы ни делал. Расположенные к Шмитту комментаторы стремятся разглядеть в этих его рассуждениях некие психологические, экзистенциальные и даже метафизические глубины. Однако методологически подобные сентенции были и остаются совершенно ничтожными. Полнейшая их бессодержательность, не позволяющая внятно объяснить, о чём именно идёт речь, ещё в начале XX в. была точно схвачена одним из создателей современной социологии, П.А. Сорокиным, не без иронии заметившим, что «...в эти фразы можно всунуть любое содержание: и бога, и сатану»¹. Но, видимо, страсти к таким мыслительным построениям не так-то легко изживается, потому что уже в наши дни аналогичное соображение находим у Ф. Фюре, писавшего по сходному поводу, что суждения этого рода «...из-за своей неточности... не поддаются никакой рациональной оценке»². В итоге приходится констатировать, что поскольку «новый критерий политического» вопреки заверениям Шмитта не имеет логически корректно выраженного содержания, но зато всецело зависит от произвольной интерпретации, все его «теоретические» построения ни к чему не ведут — результат попрежнему «явно неудовлетворителен».

Рассмотрение вопроса о способе определения «врага» имеет ещё один важный аспект. Здесь уместно вспомнить один из прелюбопытнейших пассажей Шмитта, более чем сочувственно и с глубоким пониманием комментирующего фрагмент XXXVII главы «Левиафана» Т. Гоббса, где разъясняется, как в хорошо устроенном государстве следует решать вопрос, что есть «чудо». В своём комментарии Шмитт идёт едва ли не дальше Гоббса, доводя до ло-

¹ *Сорокин П.А.* Проблема социального равенства // *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 245.

² *Фюре Ф.* Постигание французской революции. СПб., 1998. С. 99.

гического предела выводы из его основополагающего принципа «*auctoritas, non veritas*». Согласно ему, лояльные подданные должны считать чудесами те и только те события и явления, какие объявлены таковыми специально принятым на сей счёт государственным постановлением. Никакие «объективные признаки» не принимаются во внимание, никакой скепсис недопустим — приказано свыше, и точка! Для устранения всех возможных сомнений дополнительно разъясняется, что если, паче чаяния, государство изменит свою точку зрения, то и чудо в сей же миг перестанет быть чудом¹.

Понятно, что подобная метода притязает на универсальность и, оставаясь в ядре своём неизменной, должна применяться в любых других ситуациях. Тем самым устанавливается, что единственно надёжным способом разрешения всех затруднений, всех проблем, возникающих в жизни общества, являются произвольные оценки и распоряжения властей предержавших! И конечно же, в первую очередь это касается важнейшей проблемы определения «врагов» — суждения государства на сей счёт в каждый данный момент суть единственно правильные и непреложные. Нужды нет, что когда-нибудь впоследствии, задним числом, они могут быть признаны и ошибочными, и даже вредоносными, — но на момент принятия решения государство есть та единственная инстанция, которой по определению присущи всеведение и непогрешимость. Некогда подобные притязания выражались словосочетанием «государство-провидение». А в предшествующем столетии они получают своё законченное воплощение в созданном пронизательным умом Дж. Орвелла очевидно гротескном, но вместе с тем устрашающе правдоподобном описании двух ключевых министерств «Ангсоца» — «Любви» и «Правды».

Нельзя не отметить ещё одно важное обстоятельство. Следуя Шмитту и замыкая определение «политического» на «противоборство друзей и врагов», теория неизбежно оказывается вынужденной существенно сместить акценты в анализе роли и назначения государства. Если в классических моделях — при всей вариативности способов постановки проблемы и логики аргументации — основной задачей государства всё же считалось обеспе-

¹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006. С. 186–187.

чение стабильного существования общества, а все прочие его функции рассматривались как производные и подчинённые, то по логике Шмитта государство существует прежде всего для того, чтобы противостоять «врагам». Даже пресловутый «порядок» в его системе оказывается всё же не целью, а всего только средством. В этой связи тезис о государстве как особом состоянии народа — всего народа! — приобретает новое звучание. Ведь если дело обстоит таким образом, «народ» уподобляется отмобилизованной армии, а желанный «порядок» неизбежно становится порядком казарменным, построенным на понижывающей всё общество жёсткой иерархии. Основной принцип действия таких структур известен — безоговорочное повиновение вышестоящим: облечённые властью начальники командуют, все прочие подчиняются. Соответственно, право оборачивается чем-то вроде совокупности воинских уставов, прежде всего фиксируя уровни подчинённости и регламентируя действия, жёстко предписанные каждому члену общества. Понятия «гражданин» и «гражданство» в таком государстве становятся совершенно излишними — люди в нём не более чем послушные исполнители, назначенные для несения определённой службы. Поскольку представления о свободе мысли и правах человека с таким предназначением абсолютно несовместимы, они напрочь изгоняются из общественной мысли. Дабы обеспечить нужный уровень дисциплины, решительно осуждаются и преследуются критическое восприятие действительности и склонность к независимому самостоятельному мышлению. Взамен главной добродетелью и основным человеческим достоинством провозглашается «исполнение долга», а этот последний, не мудрствуя лукаво, сводят к повиновению приказам. В палитре верноподданнических чувств решительно доминируют любовь к начальству и восхищённое его почитание, которые для большего благообразия трактуются как преданность и любовь к Отечеству. Дабы эта система «идеального порядка» работала без сбоев и расхождений, составляющие её «винтики» дополнительно вдохновляются мыслью о стоящем на самом вершине «совершенномудром вожде» — отце-покровителе «всей нации», соединяющем качества могучего защитника и пророка, способного провидеть грядущее. Чтобы эта картина не показалась полемическим преувеличением, предлагаю читателям самим восстановить в памяти лейтмотивы пропаганды, удивительно схожие в этом плане во всех

тоталитарных государствах 20–70 гг. XX в. — будь то муссолиниевская Италия, гитлеровская Германия, сталинский СССР или маоистский Китай. Разработчиками подобной идеологии были многие и многие авторы, чьи сочинения, порой, увы, не лишённые литературного блеска, во множестве экземпляров тиражировались в эти годы. Среди прочих яркий образец этого рода являются труды ещё одного «пророка истинной государственности», О. Шпенглера, развивавшего сходные идеи примерно в то же время, что и К. Шмитт¹.

Немалый интерес для дальнейшего анализа представляет ещё одна проблема, также постоянно привлекавшая внимание нашего автора. Речь идёт о поиске путей и средств обеспечения действенности права как инструмента поддержания порядка и управляемости в обществе. Нельзя не признать, что проблема эта действительно является одной из важнейших, в силу чего она издавна занимает умы философов и правоведов. При этом достаточно большое их число согласно в признании известной уязвимости в этом плане требования «всегда и во всём строго следовать “букве закона”». Отсюда нелёгкий вопрос — можно ли компенсировать недостатки «чисто правового формализма», не нарушая при этом основополагающих принципов правовой регуляции отношений людей в обществе. В этой связи весьма значимы уроки, вытекающие из осмысления работ К. Шмитта второй половины 20-х гг., посвящённых решению этой проблемы.

Свой теоретический анализ Шмитт ведёт в тесной увязке с личной ситуацией, стремясь выявить причины перманентного кризиса политической системы веймарской Германии. К их числу он, в частности, относит пробелы и противоречия в Конституции, что в его глазах лишало государственный аппарат значительной доли необходимых ему полномочий, а как следствие — снижало общий уровень управляемости в обществе. При этом существенное внимание уделяется вопросам не только чисто правового характера, но и той роли, которую играли основные противоборствующие в послереволюционной Германии идейно-политические течения. Так, в предисловии 1928 г. к одной из самых известных своих монографий — «Диктатуре» — Шмитт замечает, что доводы

¹ См.: Шпенглер О. Прусская идея и социализм // Шпенглер О. Пессимизм? М., 2003. С. 155–158 и особенно 162–167.

его оппонентов большей частью «...двигаются не в сфере логической аргументации, а скорее в «атмосфере» недоверия к диктатуре, свойственной сторонникам либерального правового государства»¹. Главному требованию этих последних — «Конституция неприкосновенна» — Шмитт в разных вариациях противопоставляет рассуждения, основной смысл которых состоит в том, что при строгом соблюдении этого принципа «...каждая деталь конституционного законодательства может стать для диктатора непреодолимым препятствием в исполнении его задачи. Тем самым смысл и цели диктатуры — защита и обеспечение действия конституции в целом — искажаются до противоположности»².

Оставляя в стороне проведённый Шмиттом анализ внутренних недостатков веймарской Конституции, выделим главное — **цель, которую преследует носитель диктаторских полномочий**. Шмитт уверяет, что коль скоро таковой является единственно **обеспечение действенности Основного закона**, то опасения относительно его неприкосновенности не имеют под собой оснований. И поскольку, как он утверждает, мотивы противников диктатуры коренятся в сфере не столько юридической, сколько идеологической — что свидетельствует об их предвзятости, — то доводы их не следует принимать в расчёт, ибо они уводят от существа обсуждаемой проблемы. Для Шмитта это существо заключается в том, что закон, будучи основным инструментом государства, должен быть таким, чтобы позволить власти выполнять свою основную функцию — установление и поддержание режима безопасности и нужного для этого порядка. И если это предназначение власти не всегда чётко осознаётся при рутинном ходе вещей, то возникновение форс-мажорных обстоятельств сразу же делает ясно видимым главное — эффективным государство может быть только при наличии нужных ему распорядительных полномочий. До этого момента в аргументах Шмитта в общем-то нет ни чего-то принципиально нового, ни того, что могло бы вызвать серьёзные возражения. Тем интереснее проследить дальнейший ход его мысли. Радикальный её поворот совершается за счёт характерной смысловой инверсии. Подчеркнув особое значение *чрезвычайных ситуаций*, Шмитт предлагает теперь именно их считать *эталон-*

¹ Шмитт К. Диктатура. СПб., 2005. С. 9.

² Шмитт К. Диктатура. СПб., 2005. С. 9.

ными при определении прерогатив государственной власти. Доводы следующие: поскольку абстрактное право не способно предусмотреть, какие из возможных переплетений событий чреватy катастрофой, то наилучшим выходом является установление, заранее и сразу отдающее все решения на усмотрение государства, дабы его представители могли действовать сообразно сложившимся на каждый данный момент условиям и обстоятельствам. Если же власть будет стеснена и ослаблена формальными ограничениями, в нужный момент она окажется не в состоянии действовать должным образом.

Следуя этой логике, Шмитт констатирует возникновение того, что в его глазах выглядит «трагическим парадоксом» — содержание и форма права вступают между собой в неразрешимое противоречие, внешняя оболочка закона препятствует реализации его сущностного предназначения. Предлагаемый им выход — Шмитт считает его единственно возможным — заключается в том, чтобы отказаться от отвлечённого юридического крючкотворства, обставляя деятельность государственных органов надуманными ограничениями, заведомо нереализуемыми в практике управления. Взамен следует сосредоточиться на разработке законов, ясно и недвусмысленно утверждающих принцип полноты власти и позволяющих её носителям требовать безоговорочного себе повиновения. Точкой отсчёта и решающим критерием во всех случаях должно считаться принадлежащее государству *jus belli* — именно его Шмитт полагает наиболее полным выражением сущности права. Красноречивым свидетельством правильности именно такого подхода в глазах Шмитта является весьма значимое, как он настаивает, обстоятельство: «Почти во всех европейских странах, — пишет он, — в различных обликах проявляется один и тот же примечательный феномен: в виде открытой диктатуры, в практике законов о чрезвычайных полномочиях, в нарушениях конституции, *будто бы легальных...*» (Курсив мой. — В.К.)¹.

Не лишено интереса, что в своём очерке о наследии Шмитта А.Ф. Филиппов расценивает эти и им подобные рассуждения как свидетельство присущей автору способности провидеть ход дальнейших событий. Шмитт, как полагает Филиппов, «...чувствует “подземные толчки истории”... все его... труды свидетельствуют

¹ Шмитт К. Диктатура. СПб., 2005. С. 9.

о том, что правовой формализм без того основного мотивационного ресурса, который Вебер ... назвал легитимностью, является основанием слишком зыбким для сохранения либеральной республики и разделения властей»¹. Заметим, однако, что обертоны рассуждений Шмитта совсем иные, поскольку его рекомендации направлены отнюдь не к «сохранению либеральной республики и разделения властей». Будучи убеждённым приверженцем идеи порядка, утверждаемого силой государственного принуждения, Шмитт настаивает на том, что, коль скоро институты либеральной демократии со всей очевидностью продемонстрировали свою неспособность, обусловленную в том числе и отсутствием массовой поддержки в народе, следует как можно скорее отбросить все химеры либерализма, всерьёз угрожающие сохранению государства.

Выводы из подобных рассуждений, если проследить их до логического конца, могут быть резюмированы следующим образом: суровая реальность политики такова, что вопреки доктринёрским построениям либерально мыслящих противников «сильного государства», власть действительна лишь постольку, поскольку ей предоставлена полная свобода. Только при этом условии возможно эффективно решать задачи управления сообществом, объединяющим множество людей с разнонаправленными интересами. И, следуя этой своей имманентной логике, власть по факту *всегда* принимает оправданные решения, даже если они идут вразрез с правовыми установлениями. Бывает, правда, и так, что под давлением прекраснодоушной демагогии власть оказывается вынужденной придавать своим действиям *видимость легальности* (своего рода *factio juris*). Но поскольку даже такие чисто внешние стеснения контрпродуктивны, следует трезво взглянуть на вещи и освободить власть даже от подобия ограничений. Субъективно либералы, может быть, и исполнены самых лучших намерений, но, если смотреть на вещи непредвзято, следуя их собственной сути, сторонники этой философии настолько привержены своей абстрактно-умозрительной догме, что неизбежно оказываются далеки от жизненных реалий. Сверх того, в силу одного лишь факта противодействия государству (пусть даже только идейного) они, независимо от личных намерений, оказываются «друзьями врагов и врагами друзей».

¹ Филиппов А.Ф. Техника диктатуры // Шмитт К. Диктатура. СПб., 2005. С. 320.

Здесь, как можно легко увидеть, проявляется ещё один важный смысловой пласт отправного положения Шмитта, возведённого им самим и его последователями в ранг необсуждаемой и неоспоримой догмы, — «политическое» в своём существе рождается из борьбы нации с её врагами. А ими, как мы помним, следует признать всех, кого власть сочтёт нужным объявить таковыми. При такой посылке вполне логичными выглядят итоговые положения Шмитта, венчающие всю конструкцию: «Каждое государство стремится овладеть теми средствами власти, которые нужны ему для его политического господства. И верный признак **настоящего** государства — что именно это оно и делает... Такое государство не позволяет выступить внутри себя никаким силам, враждебным государству, мешающим государству или разрушающим государство. Оно не думает о том, чтобы передать новые средства власти своим **врагам и разрушителям** и позволить **подорвать свою власть под какими-нибудь лозунгами либерализма, правового государства** или чего бы то ни было. **Такое государство может различать друга и врага.** В этом смысле... **всякое настоящее государство является тотальным государством...**» (Выделено мною. — В.К.)¹. Ну, а коль скоро эти положения представляются строго доказанными, то, следуя неопровержимой теории, необходимо столь же последовательно воплощать её в практику. Сначала законодательную, в сфере которой следует устранить все нормы, ограничивающие всевластие государства и тем самым лишаящие его силы и способности действовать. Поскольку в основании системы ограничений лежат гарантии личных свобод, то первым шагом должно стать их формальное устранение. А затем, естественно, настанет очередь и практики правоохранительной — действительного применения принятых новых законов, т.е. активного пресечения всякой «антигосударственной деятельности», включая пропаганду и поддержку соответствующих идей и умонастроений.

Хорошо известно, что именно эти положения были, можно сказать, скрупулёзно реализованы гитлеровским режимом. «Государство порядка», к упрочению которого так стремился Шмитт, утвердилось в Германии, решительно отбросив все «формально-правовые ограничения» и не испытывая при этом серьёзных за-

¹ Schmit C. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles 1923–1939. Hamburg, 1940. S. 185–186. Цит. по: *Филитнов А.Ф.* Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // *Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000. С. 304.

труднений с «дефицитом легитимации». В полной мере было использовано и пресловутое *jus belli*. Вот только способность провидеть будущее явно подвела — и самого Шмитта, и тех, кто, пытаясь заложить фундамент «тысячелетнего рейха», следовал в русле логики его построений. Ход событий даёт веские основания полагать, что именно отказ от основополагающих принципов права немало способствовал наступлению той самой катастрофы, которой опасался и которую ценой отказа от «правовых формальностей» надеялся предотвратить К. Шмитт.

Дальнейшее изложение будет посвящено развитию этого тезиса. Крах гитлеровского режима, как и всякое реальное историческое событие, несомненно был обусловлен сочетанием множества факторов. Тем самым его нельзя считать следствием воздействия одних только внешних сил. Безоговорочно признавая решающее значение военной победы, одержанной в мае 1945 г. силами антигитлеровской коалиции, следует вместе с тем учитывать, что Третий рейх изначально нёс в себе зёрна своей неотвратимой гибели. Его катастрофа в немалой степени была обусловлена присущей режиму с самого начала внутренней порочностью — тотальным подчинением общества произволу неограниченной государственной власти, всецело определявшей как внутреннюю жизнь, так и внешние отношения Германии того периода. Справедливость этого утверждения можно подтвердить в том числе и путём сравнительного анализа, позволяющего провести некоторые типологические параллели. Но такой анализ имеет смысл проводить лишь при условии ясности в вопросе об его основаниях. В этой связи, как представляется, следует согласиться с теми, кто не склонен придавать решающего значения внешним признакам, отличающим идеологические системы тоталитарных государств. При внимательном рассмотрении обнаруживается, что такие различия хотя и бросались в глаза, но на деле скорее скрывали существенное сходство целей правящих группировок и средств, ими применяемых. Трудно отрицать, что самое большое влияние на действительный ход и исход событий в истории тоталитарных государств оказывала не политическая риторика и не декларации о намерениях (достаточно вспомнить исполненные миролюбия речи Гитлера конца 30-х — начала 40-х гг.), а имманентная логика их структурной организации. При этом, конечно, нельзя недооценивать влияния тех идей, которые являли собой **подлинную идеологию** режима, т.е.

служили делу его легитимации, ориентируя и направляя активность как политических элит, так и в особенности больших масс людей¹.

Имея в виду эти соображения, укажем прежде всего на весьма сильное сходство концепции К. Шмитта с теорией государства и права, традиционно называемой «марксистско-ленинской». Ключевые положения и там, и здесь совпадают практически буквально. «...государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится **пользоваться в борьбе... чтобы насильственно подавить своих противников**» — под этим определением, принадлежащим В.И. Ленину, вполне могло бы стоять имя К. Шмитта². Как можно видеть, на первом плане также оказывается положение об органе власти, основное предназначение которого — силовое противодействие врагам. Делаемые на этом основании выводы Ленина столь же резки и недвусмысленны. Как и у Шмитта, главное в них — в служении своей цели государство ничем не должно быть ограничено. Единственное — и, на первый взгляд, весомое различие состоит в том, что в концепции Шмитта «враг» — это прежде всего враг внешний. У марксистов же отправной точкой служит постулат о непреодолимом *внутреннем* антагонизме общественных классов и вытекающей отсюда роли государства. Возникновение этого последнего и Маркс, и Ленин как раз и связывали с необходимостью обеспечения интересов класса собственников средств производства, экономически господствующего в обществе. Соответственно, все прочие его члены рассматривались как объект репрессий и подавления со стороны государства. Важно, что при таком понимании право неизбежно трактовалось не как

¹ Подробнее об этом см.: *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 185–349, 401–437 (особенно гл. 6–8 и гл. 10).

² *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 235–338.

Интересно, что и сам Шмитт отдавал себе отчёт в этом сходстве, правда, совершенно извращая марксистское понимание природы классов и классового конфликта. «Если внутри некоего государства пролетариат добивается для себя политической власти, то возникает именно пролетарское государство... Если по противоположности пролетариев и буржуа удаётся разделить на группы друзей и врагов все человечество в государствах пролетариев и государствах капиталистов... то явит себя вся та реальность политического, какую обретают все эти первоначально якобы чисто экономические понятия» (*Шмитт К.* Понятие политического // *Вопросы социологии.* 1992. № 1. С. 43).

совокупность обезличенных норм, а как особое средство обеспечения исключительных привилегий «класса эксплуататоров».

Подобная концепция немало послужила для обоснования программы совершения «социалистической революции» в России. Согласно ей, переход государственной власти в руки коммунистической партии должен был впервые в истории изменить вектор государственного принуждения, обеспечив теперь уже «трудящимся массам» государственно-правовую поддержку и защиту. «Диктатура пролетариата» пропагандистски преподносилась как орган власти, использующий насилие исключительно против тех экспроприированных в ходе революции «эксплуататоров», кто не желал смириться с потерей господства¹. Однако анализ законодательной и особенно правоприменительной практики «пролетарского государства» показывает, что после захвата большевиками государственной власти эти идеи получили совсем другую трактовку и воплощение. Проводившееся в течение десяти с лишним лет после Октябрьской революции тотальное огосударствление средств производства — в полном соответствии с логикой марксистского метода — превратило «советское государство» в монопольного собственника-работодателя. В этом качестве его основным правом и основным содержанием его деятельности стало распоряжение богатствами страны и судьбами своих подданных по своему усмотрению. «Освобождённые трудящиеся», как и следовало ожидать при таких обстоятельствах, попали от него в полную зависимость. Произошло это потому, что вследствие ликвидации большевиками института частной собственности стало объективно невозможным формирование социальных связей на основе свободного взаимобмена деятельностью. Созданная взамен жёстко централизованная командная структура с необходимостью породила широко разветвлённую бюрократию с тотальными распорядительными полномочиями и соответствующим менталитетом. Этим и объясняется превращение партии вчерашних революционеров в господствующую над обществом касту. Для понимания существа этого феномена недостаточно указать на «перерождение» человеческих устремлений получивших власть персонажей, поскольку это «перерождение» не было спонтанным процессом, обусловленным

¹ Помимо упомянутой выше, об этом см. также работы Ленина «Государство и революция», «О государстве», «О диктатуре пролетариата», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (*Ленин В.И. ПСС. Т. 33, 39, 40*).

лишь личностными особенностями. Глубинной его подосновой были структурные особенности новой системы управления жизнедеятельностью общества.

В этой связи стоит заметить, что ещё за сто, примерно, лет до этих событий даже столь последовательный апологет верховенства государства, каким был Гегель, смог уловить существующую здесь важнейшую зависимость. В его «Философии права» специально подчёркивается, что «...крайностью, противоположной свободе промышленности и торговли в гражданском обществе, является **опека и определение труда всех посредством государственных постановлений... без опосредования труда отдельного лица его особенным произволом и особенным интересом**» (Выделено мною. — В.К.)¹. Отсюда ясно, что если государство противостоит всецело зависимым от него индивидам, *его особенным интересом*, а потому главной целью и средоточием всей его внутренней политики *неизбежно* становится сохранение обретенных позиций и пресечение любых возможных посягательств на свои прерогативы и привилегии. Немаловажно и то, что тотальную зависимость от государства-работодателя и проистекающую отсюда ничем не ограниченную власть над людьми официальная коммунистическая доктрина преподносила как «освобождение труда», провозгласив сложившуюся систему отношений «воплощением вековой мечты человечества». Излишне говорить, что подобные самохарактеристики были очень далеки от действительности, но зато прекрасно работали на решение задачи легитимации господства партийно-государственной номенклатуры. (Замечу всё же, что подобные манипуляции с массовым сознанием тот же В.И. Ленин именовал не иначе, как «оболванивание трудящихся».) Что до социальной поддержки и защиты, то, теперь уже вопреки «теории», они обеспечивались не по объективному признаку классовой принадлежности, а лишь на условии полного согласия с предначертаниями власти и беспрекословного повиновения любым её распоряжениям. Таковые согласие и повиновение и были всякий раз решаю-

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 267 (§236, примечание).

Ту же, в сущности, мысль, только выраженную в терминах политической экономики, находим у Е.Б. Пашуканиса: «Меновая стоимость перестаёт быть меновой стоимостью... если меновая пропорция определяется авторитетом, расположенным вне имманентных законов рынка» (Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М., 1980. С. 135).

щим критерием различения «чистых, своих» и «нечистых, чужих». (Вновь подчеркнём особенно отчётливо различимую здесь параллель с лейтмотивом рассуждений Шмитта — «государство знает своих врагов».) «Своим» формальные гарантии, в сущности, и не требовались — они так и так оставались терпеливыми и послушными исполнителями, существующими на условиях, установленных правящей элитой. (Психологическая основа подобных отношений хорошо показана в притче Л.Н. Толстого «Хозяин и работник».) А для «чужих» — хотя на бумаге закон вроде бы гарантировал общегражданские права — действительностью были бесчисленные случаи властного произвола, при том нередко вполне отвечавшие витиеватой формуле Шмитта о нарушениях государством своей же конституции, имевших форму «будто бы легальных...». «Будто бы легальными» подобные действия делала единственно принадлежность нарушителей закона к власти — других оснований не требовалось. «Правовой формализм» и здесь был успешно преодолён — право, даже для официального употребления откровенно именовавшееся большевистскими идеологами «партийным», на деле обрело характер «телефонного». Стоит заметить, что в данном случае я вывожу за скобки случаи, так сказать, чисто личных злоупотреблений, когда властные полномочия служили корыстным целям. Хотя подобных примеров также было немало, и проистекали они всё из того же особого положения носителей власти, здесь речь о другом — об осознанно направляемой *политике квазилегальных репрессий* против тех, кого правящая группировка в тот или иной момент сочла своими врагами, а также о вполне сознательной и последовательной практике освобождения большинства её членов от ответственности за произвол. Эта практика подрывала самые основы правового регулирования, лишая закон силы, а властвующую силу — правовых оснований. И далеко не случайно, что подобная политика характерна для всех тоталитарных государств — каковы бы ни были их внешние различия. В их идейном арсенале неизменно присутствует требование решительно отбросить «отвлечённые умствования об общих принципах права», которые следует заменить единственно верным положением о «воле государства» как всякий раз достаточном источнике и основании решений и действий.

При неизбежной в рамках небольшой статьи фрагментарности рассмотрения проведённая параллель позволяет увидеть главное —

аргументы всех гиперэтанитарных концепций остаются одними и теми же в разных исторических обстоятельствах. Констатируя бедственное положение «современного общества», объясняют его отсутствием должного руководства. Главная причина множества внутренних раздоров и конфликтов — принципиальная неспособность людей ни к самоорганизации, ни к спонтанному поддержанию порядка. Если оставить народу свободу действий, он непременно использует её во зло — столкновение эгоистических интересов либо повергнет общество в состояние хаоса, либо, как минимум, помешает следовать «высшему предназначению» «нации» или «класса». Поскольку такие исходы очевидно нежелательны, их следует предотвратить, сделав «отказ от личной свободы в обмен на порядок и защиту от угроз» образующим принципом не только системы власти, но всей совокупности общественных отношений. Порядок и защита, в свою очередь, обеспечиваются посредством жёсткой подчинённости и дисциплины исполнения приказов. Подобный способ взаимодействия между государством и обществом должен добровольно и сознательно одобряться и поддерживаться абсолютным большинством населения, для чего людей следует утвердить в соответствующем мировоззрении. Окончательно нужный уровень поддержки государственной власти достигается только с введением единой государственной идеологии, повсеместное признание которой обеспечивается неусыпным контролем и санкциями за попытки критического осмысления или сомнения в истинности её положений. Как только народу будет указана верная цель и он обретёт решимость отдать все силы её достижению, всё преобразится и волшебным образом изменится к лучшему. Но в силу заведомой несостоятельности и «незрелости» народных масс миссию их взраждения и вдохновения должна взять на себя некая «избранная элита», вооружённая совершенным знанием. Тем самым «идеократия» объявляется единственно правильной формой государства, отвечающей его подлинной сущности и назначению, а «идеологи» оказываются неперенной частью властвующей элиты¹.

¹ Нелишне напомнить, что, помимо идеологии сталинско-большевистской, на русской культурной почве возросла ещё одна разновидность этой политической философии. Таковой стала концепция «демотического государства», направляемого «идеями-правительницей», разработанная в 20-х гг. прошлого века русскими эмигрантами — философами, историками и правоведами, принадлежавшими к

Любые попытки усомниться в правильности и дееспособности подобной системы, как уже не раз отмечалось, неизменно расцениваются её сторонниками как «колебание устоев» и потому считаются заведомо враждебным основополагающему принципу государственности. Прочность и сила государства являются неременным и главным условием исполнения его предназначения. Так как такое в последнем счёте всегда состоит в «борьбе с враждебным окружением», внутренние противники государства объявляются «естественными союзниками» врагов внешних и потому подлежат искоренению — идеологическому и, если понадобится, физическому. Соответственно, основным органом обеспечения «надлежащего состояния умов» становится политическая полиция (непременно включающая в свой состав идеологические подразделения инквизиционного типа). Со временем её представители выходят на ключевые позиции в системе государственной власти, полагая себя наиболее полным и последовательным воплощением принципов порядка и управляемости. Все исходящие от государства предписания, запреты и ограничения преподносятся как необходимые условия обретения «всеобщего блага», поддержание которого требует готовности жертвовать «малым во имя великого» и судьбами отдельных индивидов во имя «всего народа» (пусть даже эта «малость» выражается шестизначными цифрами; в понимании самых ретивых «государственников» ради «величия нации» допустимы жертвы, исчисляемые миллионами человеческих жизней и десятками миллионов судеб).

История последних десятилетий не раз продемонстрировала, что подобная политическая философия выливается в апологию авторитарных практик, навязывая убеждение, что режимы этого типа являются самым последовательным воплощением идеи государства как такового. Реализация же этой программы в силу присущей ей логики неизменно рождала цепь последовательных перерождений: то, что первоначально объявлялось «волей народа» (или «класса»), вскоре представало как «воля партии», а затем с неизбежностью оборачивалось волей одного человека, вдобавок провозглашавшейся наиглавнейшей цементирующей силой обще-

направлению, получившему имя «евразийства». Ныне эта концепция, правда, в сильно упрощённом и даже искажённом варианте, вновь поднимается на щит эпигонами этого течения.

ства в его стремлении к «светлому завтра». В итоге сей персонаж закономерно обретал статус «персонифицированного государства» — имена менялись, суть оставалась: «фюрер», «вождь всех народов», «великий кормчий» — все они порождения одной и той же системы, одной и той же идеологии.

Вполне отчётливо выявлен сегодня и трагический парадокс веры в сверхмогучее и всеспасающее государство; его ничем не ограниченная власть, не признающая иного права, кроме права силы, всякий раз неизбежно оборачивалась тотальным отрицанием основополагающего принципа государственности. Понимание главной причины этой метаморфозы отчётливо оформилось в европейской мысли как минимум со времён Аврелия Августина, прямо утверждавшего, что лишённое подлинного права государство — это всего лишь большая банда разбойников.¹ Не нужно долго доказывать, что в случае укоренения подобного режима перспективы общества плачевны — ему только и остаётся, что ожидать чередования у власти новых и новых группировок, перехватывающих друг у друга рычаги управления — с неизбежной перспективой окончательного истощения ресурсов и потерей возможностей устойчивого развития.

¹ *Augustini. De civitate Dei. IV,6.*

К.Ю. Аласания

Постмодернистская концепция власти во французской политической философии второй половины XX — начала XXI вв.

Во второй половине XX века политическая картина мира стремительно менялась. Нельзя не отметить при этом, что попытки переосмысления категорий политического неизбежно наталкивались на противоречия, продиктованные реальной политической ситуацией. Нерушимость жестких конфронтационных понятий, опирающихся на бинарные оппозиции (Запад—Восток, капитализм—социализм, либеральная демократия—тоталитаризм), стала подвергаться сомнению. Вместе с тем возникновение концепций многополярности, толерантности, мультикультурализма как новых характеристик политического пространства не избавило мир от таких социально-политических явлений, как, например, расизм или ксенофобия. Декларации о новых формах политического управления в эпоху глобализации казались весьма справедливыми, но не всегда эффективными в реальности.

Данные перемены и связанные с ними противоречия нашли свое отражение во множестве новых мировоззренческих подходов, к числу которых относится постмодернизм. Постмодернистские принципы, применимые к различным областям — философии, политической науке, правовым дисциплинам, социологии, — позволяют говорить о постмодернизме как об особой парадигме мышления, в рамках которой осуществляются попытки анализа метаморфоз, происходящих сегодня в жизни мирового сообщества.

Одной из основополагающих черт понимания политического в постмодернизме является отказ от безоговорочного принятия постулатов, определений, концепций, которые складывались на протяжении всего существования политического знания. Следует подчеркнуть, что для французских постмодернистов характерна тенденция к рассмотрению политических понятий в различных контекстах (культурном, социальном, экономическом), а также к пересмотру черт, традиционно характеризующих данные понятия.

Так, концепция политической власти в работах французских авторов получает неожиданные интерпретации, в то время как традиционные признаки данной концепции отходят на второй план. Достаточно обратиться к одному из программных для политической философии сочинений Мишеля Фуко «Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности» (1971), чтобы понять, насколько постмодернистская интерпретация власти отличается от классического понимания.

Прежде всего, стоит отметить, что определение власти у Фуко начинается с отрицания некоторых признаков традиционной концепции. «Властью, — пишет Фуко, — я называю не «Власть» как совокупность институтов, которые гарантировали бы подчинение граждан в каком-либо государстве. Под властью я также не подразумеваю такой способ подчинения, который в противоположность насилию имел бы форму правила. Наконец, я не имею в виду и всеобщей системы господства, осуществляемого одним элементом (или группой) над другими, господства, результаты действия которого через ряд последовательных ответвлений пронизывали бы все социальное тело»¹.

Согласно классическим концепциям, сущность власти — будь то власть политическая, экономическая или социальная — сводится к отношениям господства и подчинения или, по меньшей мере, включает в себя субъектно-объектные отношения, в рамках которых действуют принципы руководства и исполнения². Из данного признака закономерно вытекает природа власти как аппарата принуждения. Опровергать данный факт означает отрицать наличие власти как таковой. Вслед за понятием власти должны потерять смысл концепции государства, закона, социального и политического устройства.

Однако Фуко не стремится к отрицанию концепции власти, он предлагает взглянуть на нее с иной точки зрения: «Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их транс-

¹ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 191–192.

² См.: Халипов В. Ф. Власть // Политическая энциклопедия: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 206.

формирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формировании закона, в формах социального господства».¹ В данном определении можно найти общую черту с традиционной концепцией политической власти.

Фуко допускает возможность конструирования некоторого политического пространства, что отвечает традиционному пониманию власти. В то же время автор «Воли к истине» настаивает на том, что данное пространство должно состоять из множества политических пространств, которые, в свою очередь, образуются вокруг точки столкновения сил. Благодаря акценту, который делает Фуко на понятии властной стратегии, обнаруживается еще одно отличие от классической концепции. В традиционном понимании стратегия есть последовательная программа, проводимая властью. В понимании Фуко множество стратегий формируют саму власть.

Еще один важный момент заключается в том, что Фуко не отрицает такие понятия, как государственность и законность, но настаивает на том, что они должны изменить свою форму, структуру с целью функционирования в новом политическом пространстве.

Согласно классическому определению, власть предполагает моноцентричность, то есть существование общего центра (системы властных органов) принятия решений, а следовательно, и отношения субординации, многоуровневого подчинения, иерархии. Власть, таким образом, рассматривается как центральное, организационное и регулятивно-контрольное начало политики². Фуко в свою очередь настаивает на том, что возможность осуществления власти не связана с наличием единого центра. Философ пишет: «Условие возможности власти не следует искать в изначальном существовании некой центральной точки, в каком-то одном очаге суверенности, из которого расходились бы лучами и происходя-

¹ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 192.

² См.: Халипов В. Ф. Власть // Политическая энциклопедия: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 206.

щие из него формы; таким условием является подвижная платформа отношений силы»¹.

Тема децентрализации власти получает развитие в работах других французских постмодернистов. Следует заметить при этом, что взгляд на данную проблему изменяется с течением времени. Модель политической власти, лишенной единого центра, рассматривается не только в теории (как это в большинстве случаев наблюдается у Фуко).

В данном контексте следует обратиться к точке зрения американского политического философа Ричарда Рорти, который подчеркивал, что работы постмодернистов отстранены от политической действительности. Стоит пояснить, однако, что критика Рорти в основном относится к «абстрактности» и «метафизичности» политической теории Мишеля Фуко. Постмодернисты видят Рорти наблюдателями, которые взирают на реальную политическую ситуацию со стороны².

Данная оценка представляется во многом обоснованной, в особенности применительно к политической теории Фуко. Однако вряд ли правомерно распространять ее на все направление: нередко постмодернисты предпринимают попытки интерпретировать реальные политические ситуации, основываясь, в частности, на положении децентрализации власти. В качестве примера можно привести рассуждения Жана Бодрийяра по поводу федерализма в Америке.

В эссе «Америка» Бодрийяр пишет: «В сфере политики от первоначальной децентрации навсегда останется федерализм... В Соединенных Штатах нет неразрешимой проблемы федерации... поскольку американцы с самого начала представляли собой культуру, соединившую все национальные и расовые особенности, соперничество и разнородность»³. Культурная эклектичность американского общества, таким образом, обуславливает необходимость учитывать особенности многих этносов, существующих на одной территории, объединенных в одном политическом пространстве.

¹ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 192.

² Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века. М., 1998. С. 17.

³ Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000. С. 156–157.

Бодрийяр полагает, что действия власти в Соединенных Штатах имеют дифференцированный характер по причине того, что в процессе управления государством нельзя не принимать во внимание разнородность самого американского общества. В сущности, задача формального политического центра (поскольку в данном контексте центр власти является в большой степени формальным) заключается в том, чтобы подобрать или одобрить ту технику власти, которая будет эффективной для определенного штата.

Бодрийяр считает, что объяснение властной практики, действующей в Новом Свете, следует искать в особенностях зарождения американского государства. По мнению философа, Америка развивалась далеко от Старой Европы с ее устоявшимися правилами политической власти, идеями государственности, и перенять европейский стиль управления не представлялось возможным. К тому же, в силу специфики жителей, населяющих североамериканский континент в начале формирования государства, правила политики, бытующие в Старом Свете, оказались во многом неприемлемыми. Так, по мнению Бодрийяра, отдаленность Америки обусловила ее свободу, определила сознание ее жителей и в результате сказалась на особенностях государственного управления. Бодрийяр замечает, что концепция свободы в сознании европейца несопоставима с «пространственной и подвижной» свободой американца, являющейся следствием его освобождения от «исторической привязанности к центру»¹.

Согласно позиции Бодрийяра, американский федерализм складывался с учетом описанных выше факторов. Нынешняя политическая действительность Америки с ее иногда абсурдными (с точки зрения европейца) законами связана с необходимостью нахождения форм управления, несколько отличных от политических принципов, по которым существует европейское общество.

По прошествии почти двадцати лет с момента опубликования работы Бодрийяра² в политической ситуации, которая сложилась в Америке, трудно не заметить парадоксальности. Постмодернистский принцип подбора техник власти практически реализуется весьма неординарно. Жизнь американского общества, стиль государственного управления внутри страны в определенной степени соотносится с

¹ Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000. С. 156.

² Эссе Бодрийяра «Америка» было написано в 1986 г.

некоторыми постмодернистскими принципами. Однако идея о воплощении постмодернистских принципов в контексте политической ситуации Америки опровергается, если обратиться к внешней политике, проводимой американским правительством.

Стремление к поддержанию статуса супердержавы теми средствами, которые использует американская власть, противоречит не только принципам, обозначенным в постмодернизме, но и некоторым базовым правилам международной политики. Прежде всего, стоит отметить авторитарность решений, нежелание считаться с мнением представителей власти европейских стран. Более того, исходящее от граждан США осуждение тех или иных шагов, предпринимаемых американской властью (в частности, военные действия в Ираке), игнорируется. Так, претензия на реализацию новых властных практик, действующих в соответствии со спецификой ситуации, рушится, если выйти за весьма узкие рамки существования самого американского общества.

Особое восприятие Америки в работах французских постмодернистов характеризуется легкой иронией, которая присуща жителю страны с долгой, богатой политической историей по отношению к молодому государству. Очевидно, что элементы постмодернистской политики, отмечаемые, в частности, Бодрийяром, не являются поводом к тому, чтобы говорить о последовательном воплощении в жизнь постмодернистских политических принципов, отличных от правил эпохи модерна.

Здесь следует привести высказывание Жака Деррида об особенностях американского политического сознания. В одном из интервью Деррида задают вопрос о том, почему главные политические споры связаны с понятиями территории и владения теми или иными ресурсами. В своем ответе Деррида обращает внимание на тот факт, что в современном мире одной из основных проблем остается проблема нефти. Страны, которые давно обрели статус благополучных в экономическом и политическом аспектах, вынуждены считаться с данным фактором. Деррида считает, что в Америке вопрос нефти стоит наиболее остро, в то время как европейские страны вовлечены в решение данной проблемы в меньшей степени, и добавляет: «В Америке любая проблема больше, чем проблема»¹.

¹ McKenna K. The three ages of Jacques Derrida // LA Weekly. 2002. November 8–14. (Перевод мой — К.А.)

Данное высказывание можно трактовать двояко. С одной стороны, Деррида подчеркивает слабость американской власти, неспособной разрешить сложившуюся ситуацию иными методами, нежели, например, захват чужой территории с целью овладения необходимыми ресурсами. С другой — подобные действия американского правительства, по мнению Деррида, обусловлены реальным положением вещей и отсутствием политической мудрости, свойственной европейским странам. Тезисы о том, что на данном этапе человечество стоит на пороге некоей новой политической реальности, в которой будут переосмыслены основные политические понятия¹, пока существуют лишь в теории.

Однако снисходительное, иногда ироничное, отношение французских постмодернистов к Америке меняется после событий 11 сентября 2001 года. Террористический акт, в результате которого погибли сотни невинных людей, был беспрецедентным в политической жизни мирового сообщества. Как отмечает известный исследователь постмодернизма М. Рыклин, «предыдущие виды террора, как правило, осуществлялись от имени государств, союзов государств или, по крайней мере, от имени движений, открыто формулирующих свои властные цели, 11 сентября мы столкнулись с событием, которое принципиально хранит молчание, только усугубляемое смертью его организаторов и исполнителей, и поэтому подвержено бесконечному множеству интерпретаций»². Очевидно, что трагедия такого масштаба не могла не вызвать реакции в интеллектуальных кругах.

Так, Деррида считает, что произошедшее в Америке есть повод для переосмысления политического порядка в Европе и за ее пределами: «...никогда еще задача мыслить Европу по-новому не была более настоятельной... Абсолютное сочувствие жертвам 11 сентября не мешает мне сказать: я не верю в чью-либо политическую невинность перед лицом этого преступления»³. Деррида осознает, что платить за свои политические просчеты придется наиболее влиятельным членам мирового сообщества. В контексте произошедшего существующий политический уклад показал

¹ Beardsworth R. Nietzsche and the Machine. Interview with Jaques Derrida // Journal of Nietzsche Studies. 1994. № 7. P. 56.

² Рыклин М. Apocalypse now? // Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 239.

³ Derrida J. La langue de l'étranger // Le Monde diplomatique. Janvier 2002. P. 27.

себя несостоятельным, следовательно, он должен быть пересмотрен.

Реакция Жана Бодрийяра на трагедию 11 сентября выразилась в эссе «Дух терроризма»¹. Бодрийяр называет произошедшее в Нью-Йорке и Вашингтоне Четвертой мировой войной. «Если Первая мировая война положила конец эре колониализма, Вторая разрушила фашизм, а Третья, принявшая форму холодной войны, привела к распаду коммунизма, то Четвертая мировая война, — считает Бодрийяр, — впервые столкнула глобализованный мир с выделяемыми им же «антителами». Здесь мир сопротивляется собственной глобализации; здесь формируется террористический ответ на терроризм нового мирового порядка. Если за первыми тремя войнами стояли определенные идеологии (антиколониализм, антифашизм, антикоммунизм), то за четвертой ничего подобного не стоит»². Исполнители теракта в качестве оружия использовали то, чем так гордилась западная цивилизация. Они не просто овладели современными техническими навыками, но применили их. Технологические и информационные средства оказались оружием в руках тех, кто считал себя врагом западного мира.

Как отмечает Рыклин, французские философы едины в том, что террор не только не является внешним стремительно глобализующемуся миру, но составляет его интегральную часть, является его продуктом³. Французские постмодернисты считают события 11 сентября не трагедией одного государства, но трагедией мира в эпоху глобализации.

В основе глобализации лежит идея о создании единого, универсального пространства, где функционируют универсальные законы, обеспечивающие всеобщий контроль. Данная позиция противоречит политическим принципам постмодернизма. Ведь помимо стремления уйти от факторов принуждения или насилия, являющихся неотъемлемыми характеристиками классической концепции власти, во французском постмодернизме существует положение об отказе от универсальности как одного из основополагающих признаков вла-

¹ Baudrillard J. L'esprit du terrorisme // Le Monde. Novembre 2. 2001. Цит. по: Рыклин М. Apocalypse now? С. 241–244.

² Рыклин М. Apocalypse now? // Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 242.

³ Рыклин М. Apocalypse now? // Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 242.

сти. Так, на смену характеристике универсальности приходит понятие вездесущности власти, что было отражено уже в теории Фуко¹.

По мнению Фуко, следует говорить о власти, действующей в каждой из ситуаций, где встречаются две или несколько сил. Власть должна проявляться в соответствии с изменяющимися условиями, присущими тому или иному событию. Ни одно властное решение не может претендовать на универсальность, поскольку существует множество внешних обстоятельств, в контексте которых данное решение перестает работать.

В лекции «Безопасность, территория и население», прочитанной в Коллеж де Франс в 1978 г., Фуко анализирует проблему искусства управления государством. Мыслитель противопоставляет концепцию политической власти, представленную в труде Макиавелли «Государь», модели, предлагаемой одним из представителей «антимакиавеллиевской» литературы Гийомом де ла Перьером в сочинении «Политическое зеркало, содержащее различные способы управления»².

Фуко отмечает, что государь Макиавелли является воплощением централизованной власти, неоспоримой и обязательной для всех. Фуко подчеркивает также факт исключительного суверенитета, которым обладает государство Макиавелли, и не отрицает значимости «Государя» для политической науки, отдает должное аргументации Макиавелли, касающейся необходимости сохранения государства посредством применения силы по отношению к угрозе, исходящей извне. Вместе с тем Фуко говорит о том, что умение сохранить собственное государство не означает умения им управлять. Структура государства с единой, централизованной политической властью, представленная в сочинении Макиавелли, ограничивает, по мнению Фуко, возможности эффективного государственного управления³.

В книге «Политическое зеркало, содержащее различные способы управления» содержатся мысли, противоречащие идеям Макиавелли, но близкие теории власти Фуко. Именно модель де ла Перьера переключается с позицией Фуко, изложенной, к примеру, на страницах «Воли к истине».

¹ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 193.

² Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 188.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 188.

Итак, в тексте де ла Перьера Фуко выделяет в первую очередь то, что правителем может называться любой монарх, император, король, князь, сеньор, магистрат, прелат, судья¹. Данное определение правителя подразумевает, что, в отличие от Макиавелли, автор «Политического зеркала» считает управление домом, семьей, монастырем, провинцией составляющими государственного управления. «Таким образом, — пишет Фуко, — наличествуют сразу и множество форм правления, присущих государству, и имманентность практик управления по отношению к государству; множество и имманентность соответствующих форм деятельности, радикально противопоставленных трансцендентной единичности государя Макиавелли»². Существование единовластного правителя, иерархичной власти мешает, по мнению Фуко, совершенствованию жизни государства.

Складывающаяся веками структура государственной власти, принципы ее функционирования ограничивают гармоничное общественное существование, поскольку, исходя из позиции Фуко, власть должна восприниматься как частный тип отношений между индивидами в определенных условиях (семья, школа, тюрьма, больница и т. д.). При этом одна из особенностей теории власти Фуко состоит в том, что отрицание власти как иерархической, универсальной системы, в рамках которой реализуются отношения господства и подчинения, не предполагает полного исчезновения концепции контроля, управления³.

Позднее, в 1978 г., на одной из лекций во франко-японском институте Кансай в Киото Фуко зададут вопрос об основном отличии его теории власти от классического понимания данной концепции. Фуко ответит следующим образом: «Отличается вовсе не теория власти, отличается сам ее предмет и точка зрения на неё. Ведь в общем теория власти говорит о власти на языке права и ставит вопрос о её законности, границах и происхождении. Мои же исследования обращаются к техникам и технологии власти. Они сосредоточены на изучении того, как власть властвует и заставляет себе повиноваться. А ведь современное общество породило разнообразные способы сопротивления власти, такие как

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 188.

² Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 189.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 316.

феминизм, студенческие движения, и отношения между подобными видами сопротивления и техниками власти создают интересный объект исследования»¹. Таким образом, предметом является не сама власть, но техники власти.

Так, Фуко предлагает концепцию, согласно которой власть понимается как множество ситуаций, возникающих в результате взаимодействия между несколькими силами. При этом мыслитель не исключает возможности столкновения интересов, сопротивления и отстаивания собственной позиции. В то же время Фуко настаивает на том, что во властных отношениях не должно оставаться места принуждению². Фуко предлагает обратить основное внимание не на функцию принуждения, но на функцию рационализации того или иного властного действия.

В лекции «*Omnes et singulatim*: к критике политического разума», прочитанной в Стэнфордском университете в 1979 г., Фуко подробно говорит о роли рационализации во власти и подчеркивает следующую особенность: «Управление людьми — вне зависимости от того, собраны ли они в небольшие или в крупные группы, идет ли речь о власти мужчин над женщинами, взрослых над детьми, одного класса над другим или бюрократии над населением, — предполагает определенную форму рациональности, а отнюдь не физическое насилие»³.

При этом Фуко настаивает на том, что любое сопротивление власти не должно сводиться только к ее критике, и заявляет, что бороться с властью означает усомниться в данной конкретной форме рациональности. Например, недовольство существующей системой карательной власти не должно сводиться к отрицанию тюрем, поскольку в таком случае им на смену могут прийти другие учреждения, имеющие такие же методы и цели. Фуко предлагает не опровергать, но задаваться вопросом о способе рационализации власти в каждой конкретной системе. Фуко считает, что бороться надо не со следствиями политической власти, но с прежними основами политической рациональности, с идеями, которые складывались и устанавливались на всем протяжении западного общества⁴.

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 220.

² Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 316.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 316.

⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 317.

Важно отметить, что в стремлении сформулировать новую теорию власти Фуко практически всегда обращается к истории политических систем Европы. В истории Фуко находит идеи, послужившие базой для реализации определенной программы власти в европейском обществе. Осознать новую форму власти, о которой говорит Фуко, понять механизмы ее функционирования возможно, если исследовать этапы ее эволюции. Примером такого анализа может служить работа «Надзирать и наказывать» (1975).

Целью своего исследования Фуко считает описание «сравнительной истории современной души и новой власти судить, генеалогии нынешнего научно-судебного единства, в котором власть наказывать находит себе основания, обоснование и правила, благодаря которому она расширяет свои воздействия и маскирует свое чрезмерное своеобразие»¹. Приведенного выше высказывания достаточно, чтобы понять: тема «Надзирать и наказывать» не сводится только к анализу концепции власти или к исследованию истории карательной системы Европы.

Понятие наказания рассматривается Фуко как сложная общественная функция, представляющая собой определенную политическую тактику. Таким образом, в «Надзирать и наказывать» система преступлений и наказаний, а также история наук, имеющих целью исследование человека, его сознания, оказываются неразрывно связанными. Фуко утверждает, что уголовное право и гуманитарные науки имеют общую «эпистемолого-юридическую матрицу»². Изменение в одной из составляющих данной матрицы неизбежно влечет метаморфозы в другой ее части. Властные отношения можно наблюдать повсюду — в школе, казарме, больнице, семье. Так знание и власть, человек и машина закона — уголовного, политического, экономического, социального — находятся в постоянном взаимодействии.

Изначально в фокусе внимания автора «Надзирать и наказывать» оказывается 1757 г., когда состоялась публичная казнь некоего преступника, покушавшегося на Людовика XV. Затем Фуко приводит распорядок дня Парижского дома малолетних преступников, действующего в 1838 г. Сопоставляя карательные меры, разделенные относительно небольшим временным отрезком, ав-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 35.

² Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 36.

тор делает вывод о том, что система правосудия изменилась. На смену публичному, откровенно жестокому наказанию, результатом которого была смерть виновного и ужас наблюдающих за казнью, пришла иная карательная форма. Отныне, по мнению Фуко, «наказание... должно поражать скорее душу, чем тело»¹.

Со временем в области властных мер, относящихся в данном случае к судебной практике, доля телесных наказаний становится все меньше, в то время как растет число всевозможных исправительных учреждений (тюрем, психиатрических больниц, приютов для несовершеннолетних преступников). На первый взгляд, система наказаний становится менее жесткой. Однако меняется объект наказания, и воздействие карательной меры оказывается более эффективным.

Лишить человека жизни означает прекратить его существование. Лишить человека свободы означает прекратить его существование в обществе. Более того, в условиях несвободы индивид оказывается под постоянным контролем власти в лице надзирателя, врача, тюремного священника, психиатра, воспитателя. Физическое наказание оказывается слабее наказания постоянным контролем. Одно из наиболее эффективных средств контроля — ограничение.

В «Надзирать и наказывать» Фуко демонстрирует исключительную действенность «геометрии власти», применяющуюся не только в рамках карательной системы. Согласно Фуко, с «распределением индивидов в пространстве» связана дисциплина в целом. Методы организации дисциплинарного пространства следующие: «клеточное» отгораживание («каждому индивиду отводится свое место, каждому месту — свой индивид»); функциональное размещение; организация пространства по рядам и т. д.²

Положение индивида усугубляется еще и тем, что надзор осуществляется даже тогда, когда надзирателя не видно. Здесь возникает тема, которая является важной не только в рамках работы «Надзирать и наказывать», но и в целом для концепции власти, представленной у Фуко. Речь идет об идее паноптикума.

В одном из интервью Фуко, говоря о том, насколько важен вопрос о «полной видимости тел, индивидов, вещей»³, замечает, что

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 26.

² Грицанов А.А. «Надзирать и наказывать» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001. С. 488.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 220.

изначально данная тема заинтересовала его в контексте своеобразной архитектуры тюрем. В первой половине XIX в. тюрьмы строились по следующей схеме: по краю располагалось кругообразное здание, в середине этого круга находилась башня, в башне же проделывались широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Строение по краю было разбито на камеры, каждая из которых проходила сквозь всю толщу здания. У этих камер было по два окна: одно, выходящее внутрь напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. В центральную башню достаточно поместить одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осуждённого, рабочего или школьника, и на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания. Фуко признает, что благодаря перечисленным выше особенностям организации пространства тюрем, построенных в первой половине XIX в., была решена важнейшая для того периода задача — задача надзора¹.

Подобная схема контроля обладала весьма важной характеристикой: власть всегда оказывалась в тени и в буквальном, и в переносном смысле. Положение человека, потерявшего свободу, усугублялось тем, что он становился объектом невидимого и всеобъемлющего надзора, источник которого был скрыт. Благодаря данному свойству органы власти получали безусловное преимущество, в то время как индивид, находящийся под наблюдением, имел лишь одно право — знать о постоянном контроле.

Размышляя над идеей паноптикума, представленной в «Надзирать и наказывать», исследователь творчества Фуко Морис Бланшо замечает: «В качестве трагического преимущества подобная видимость... способна сделать бесполезным физическое насилие, которому иначе должно было бы подчиниться тело»². Закономерность, которую подчеркивает Бланшо, связана с одной из основных мыслей «Надзирать и наказывать»: чем незаметнее становятся проявления власти, тем жестче их реальное воздействие.

При оценке результатов исследования, предпринятого Фуко в «Надзирать и наказывать», Бланшо утверждает, что апофеозом со-

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 292.

² Бланшо М. Мишель Фуко, каким я себе его представляю. СПб., 2002. С. 31.

вершенствования властных тактик становится тот факт, что каждый оказывается подчиненным власти и при этом оправдывает властные действия или, по меньшей мере, мирится с ними. Бланшо пишет: «Мы все более и более подавляемы. Из этого уже не грубого, а деликатного *подавления* мы извлекаем знаменитое следствие, оказываясь *подданными*, свободными субъектами, способными трансформировать в знание самые разные приемы лгущей власти»¹. «Ложь власти», о которой говорит Бланшо, заключается в том, что за кажущейся мягкостью наказания скрывается более серьезная мера.

Несмотря на то что Фуко признает факт наличия многочисленных и более разнообразных технологий власти, пришедших на смену паноптикуму², проблема действия скрытой власти, остается в фокусе внимания Фуко на протяжении долгого времени. Парадоксальным образом идея скрытого контроля связана с концепцией вездесущей власти, рассредоточенной по всему социальному пространству.

Так, рассуждая о природе современной власти, Фуко говорит: «Власть повсюду потому, что она отовсюду исходит»³. В тюрьме, архитектура которой задана идеей паноптикума, власть также существует повсюду. Кардинальное отличие организации властного контроля в начале XIX в. от власти в современном обществе состоит в том, что современные технологии власти не подразумевают наличия единого скрытого источника.

В то же время сама форма власти, рассеянной во всех сферах социального пространства, о которой говорит Фуко, предполагает ее «скрытность». По Фуко, власть в современном обществе обладает свойством подвижности, следовательно, ее можно обнаружить в каждой точке социально-политического пространства. Однако есть одно условие: власть осуществляется только в том случае, если присутствуют «отношения неравенства»⁴. Таким образом, при отсутствии некоторых условий для образования отношений неравенства власть не проявляет себя, то есть находится в дремлющем, скрытом состоянии.

¹ Бланшо М. Мишель Фуко, каким я себе его представляю. СПб., 2002. С. 32–33.

² Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 223.

³ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 193.

⁴ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 194.

Следует отметить, однако, что трактовка идеи «паноптикума», представленная у Фуко, признается отнюдь не всегда. Так, Юрген Хабермас считает, что позиция Фуко является абстрактной и недостаточно убедительной. «Фуко утверждает, — пишет Хабермас, — что «паноптикум», скопированный с современного исполнения наказаний, показателен для самой структуры общественной модернизации в целом. Фуко в состоянии сформулировать только абстрактный аргумент; его мысль вращается вокруг основных понятий, характеризующих теорию власти, нормативные структуры выводятся за границы развития права»¹.

Хабермас, безусловно, верно отмечает отказ Фуко от анализа нормативного измерения права. Это один из важнейших постулатов Фуко — его теория основана на отказе от «юридическо-дискурсивного» подхода к пониманию власти, поскольку он основан на категориях права и функции, что сужает содержание феномена власти². Власть трактуется Фуко шире, чем какая-либо институциональная форма ее выражения. Подчеркивая, что власть — это прежде всего стратегии, отношения сил, Фуко отвергает наличие статичной структуры власти. Паноптизм Фуко, таким образом, представляет собой один из способов создания механизма власти и, по замечанию Жюль Делеза, определяется через технику навязывания цели или управления кем-либо и в этом смысле является категорией власти, поскольку представляет собой чистую дисциплинарную функцию³. Анализируя паноптикум как неотъемлемую черту политической власти XVIII в., Фуко подчеркивает дисциплинарную сущность европейского общества той эпохи.

По замечанию Жюль Делеза, Фуко дал прекрасный анализ идеального проекта пространств изоляции, продемонстрировав, что индивид непрерывно переходит от одного закрытого пространства к другому, у каждого из которых свой собственный дисциплинарный закон (семья, школа, казарма, иногда больница, иногда тюрьма)⁴. Классификация обществ Фуко является, по сути, классификацией типов государственной власти стран Западной Европы на

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 298.

² Вишневатский О.О. Соотношение политики и рациональности в политической теории Мишеля Фуко. М., 2005. С. 101.

³ Deleuze G. Foucault. P., 1986. P. 79.

⁴ Делез Ж. Переговоры. СПб., 2004. С. 228.

определенном историческом этапе. Фуко выделяет общества суверенитета, дисциплинарные общества и общества контроля¹.

В эпоху обществ суверенитета цели власть имущих сводились к сбору налогов и вынесению смертных приговоров. Задачи власти в дисциплинарных обществах (XVII–XIX вв.) состояли в безупречной организации ограниченного пространства, а также в умении его контролировать.

Помимо такой характеристики, как обеспечение изоляции, дисциплинарная власть, по Фуко, обладает целым рядом вполне определенных черт. Для дисциплинарной власти характерно стремление к контролю за перемещением индивидов в пространстве, за временем, которым располагают индивиды, за организацией массы людей в единый механизм. По замечанию российского исследователя З.А. Сокулер, все в рамках дисциплинарной власти у Фуко направлено на устранение беспорядка². Под «беспорядком» подразумеваются любые отклонения от нормы, к ликвидации которых стремится дисциплинарная власть. Таким образом, нормализация и дисциплина становятся основными техниками власти в эпоху дисциплинарных обществ.

Дисциплинарные общества достигли своего расцвета в XX в. Однако на смену им неизбежно должен был прийти новый тип общества, с новой властью. Фуко, а вслед за ним и Делез полагают, что к новым видам общества относятся общества контроля. Теорию власти Фуко вернее всего было бы соотнести именно с данным общественным типом. В своем эссе «Post Scriptum к обществам контроля» Делез подробно останавливается на основных характеристиках обществ контроля, параллельно связывая их с некоторыми аспектами теории власти Фуко.

Концепция Делеза представляет собой один из примеров постмодернистского понимания социально-политического пространства. Автор «Post Scriptum к обществам контроля» утверждает, что дисциплинарные общества исчерпали себя, поскольку старые дисциплинарные методы могли действовать только в замкнутой структуре. Теперь же, по мнению Делеза, человечество становится свидетелем кризиса закрытых пространств. Делез приводит примеры из сфер здравоохранения и образования: уход на дома и по-

¹ См.: Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 248–322.

² Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001. С. 67–75.

степенный отказ от воспитания только в рамках образовательных учреждений¹. Подобные изменения в устройствах общественных институтов, очевидно, предполагают новые формы управления ими. Парадокс заключается в том, что, по мнению Делеза, с ослаблением границ, отделяющих одну сферу общества от другой, методы контроля становятся более совершенными, изощренными. В отличие от контроля физического, приемлемого в закрытом, изолированном пространстве, в новом обществе должен преобладать контроль над информацией.

Стоит отметить, что эссе Делеза появилось в 1990 г., работы Фуко принадлежат к временному отрезку, еще более отдаленному от настоящего момента. Тем не менее многие из аспектов, касающиеся политической проблематики в целом и властного контроля в частности, остаются актуальными не только для современной Франции, но и для мирового сообщества. В качестве доказательства можно привести некоторые замечания Делеза по поводу изменения инструментов власти в обществах контроля.

По Делезу, эпоха общества контроля — это эпоха кибернетических машин и компьютеров². Самым важным и мощным средством управления людьми становится информация, которая может принимать форму цифр, шифров, знаков, визуальных и виртуальных образов. В сущности, наибольшей властью обладает тот, кто имеет доступ к определенной информации. Делез пишет: «Цифровой язык обществ контроля основан на шифре, который допускает вас к информации или отказывает в доступе»³. Здесь возникает вопрос о том, насколько правомерно говорить о власти в сообществе, где главной силой становится не обладание стратегически важной территорией, не умение выстраивать определенную тактику управления, а доступ к информации.

Парадокс, на который обращают внимание постмодернисты, заключается в том, что благодаря развитию технического прогресса, господству информационных технологий власть, с одной стороны, становится более эфемерной, чем когда-либо, но с другой — проникает во все сферы человеческого существования. Неполитиче-

¹ См.: Делез Ж. Переговоры. СПб., 2004. С. 223–228.

² Делез Ж. Переговоры. СПб., 2004. С. 223–228.

³ Делез Ж. Переговоры. СПб., 2004. С. 230.

ское становится предметом политики, политика пронизывает сферы, ранее с ней не соотносимые.

Постмодернистов нередко обвиняют в непоследовательности, в отсутствии полноценной политической теории, в отрыве от политической реальности. С подобными обвинениями можно согласиться лишь отчасти. Несмотря на отсутствие единой политической теории, в постмодернизме обнаруживаются линии преемственности при определении характеристик, механизмов и условий функционирования политической власти. Постмодернисты не дают советов, не придерживаются единой доктрины, но не избегают при этом размышлений над самыми острыми проблемами, существующими сегодня в мировой политике.

Внимание философов-постмодернистов сосредоточено на изменениях, которые претерпевают или должны претерпеть власть, право, формы политического воздействия, принципы межгосударственной и внутригосударственной коммуникации. Подобные исследования представляют значительный интерес, поскольку позволяют лучше понять природу и направленность политической динамики в современном мире.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА (Введение в дисциплину)*

Программа учебного курса
для студентов философского факультета

Программа составлена коллективом
КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
под общей редакцией зав. кафедрой, доктора политических наук,
профессора Моцелкова Е.Н.

АВТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ
профессора Бойцова О.Ю., Моцелков Е.Н., Расторгуев В.Н.,
Шамшурин В.И., доценты Симонов К.В., Соловьёв А.В., Сытин А.Г.,
науч. сотр. Кийченко К.И., асс. Аласания К.Ю.

ТЕМАТИКА И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

1. Общая характеристика философии политики и права как философской дисциплины (2 часа)

Предмет философии политики и права. Специфика и особенности философского осмысления проблем политики и права. Соотношение философии политики и права с философскими и социально-

* Дисциплина преподается студентам 4 курса философского факультета МГУ с февраля 2010 г. как учебный курс по выбору.

гуманитарными дисциплинами: социальной философией, политической философией, политологией, правоведением, этикой, культурологией.

Научные парадигмы в познании политики и права. Цивилизационный и формационный подходы. Философские и специально-научные методы. Сравнительно-историческое изучение правовых институтов и форм правления как основной философский метод познания наиболее общих черт и характерных особенностей их возникновения и эволюции.

Становление философии политики и права в Западной Европе и США. Разделение философии, теории политики и теории права. Создание академических структур, исследовательских центров и профессиональных ассоциаций политической науки и правоведения. Дискуссии о дисциплинарной принадлежности проблематики философии политики и права.

Философия политики и права как новая учебная дисциплина в современном университетском образовании. Современные научные исследования в области философии политики и права.

2. Зарубежная философия политики: исторические вехи, направления, источники и учения (6 часов)

Становление философии политики. Политические учения Античности. Античная философия: постановка и способы решения проблем философии политики (политика, политическое время, сущность и цели государства, формы правления, власть и ее виды, соотношение политики и блага, политическая природа человека и проч.). Элитизм и демократизм в политических учениях античности. Линия Платона и линия Аристотеля: политика как искусство и политика как наука (диалог Платона «Государство» и трактат Аристотеля «Политика»).

Социально-политический идеал раннего христианства. Политические учения средневековой Европы. Теократическая теория государства Аврелия Августина и Фомы Аквинского. Проблема соотношения светской и духовной властей. Политические идеи периода Реформации (М. Лютер, Ж. Кальвин, Т. Мюнцер). Проблема оптимальной модели государственного устройства: утопизм (Т. Мор, Т. Кампанелла) и реализм (Н. Макиавелли). Философия и

политика в учениях Т. Гоббса и Дж. Локка: концепция «общественного договора», государство и права граждан. Географический детерминизм в философии политики и принцип разделения властей Ш. Монтескье.

Становление и политико-философское противостояние «классических идеологий» (либерализм, консерватизм, социализм). Философия политики в немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель). Марксизм, неокантианство, «философия жизни» как философские подходы к осмыслению политики XIX в.

Философия политики и политическая наука в XX в.: институциональный подход, «поведенческая революция», неоинституционализм. Понимание сущности политики и природы политической власти в рамках системного подхода (М. Крозье), реляционизма (М. Дюверже), экзистенциализма (Ж.П. Сартр), теории «символизма» (П. Бурдьё). Основные модели «общества будущего»: теории индустриального, постиндустриального и информационного общества (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, А. Турен). Социально-политические концепции неомарксизма (Д. Лукач, А. Грамши, Ю. Хабермас). Либерально-коммунитарные дебаты 70-х гг. и либеральная философия политики. Проблемы политической власти в концепциях постмодернизма.

3. Зарубежная философия права: идейно-теоретические истоки, этапы эволюции, научные школы и учения (6 часов)

Особенности процесса зарождения философско-правовой мысли в государствах Древнего мира. Формы фиксации идей о правовом порядке. Мифы, их информативная и нормативная функции. Религиозно-философские трактаты. Древнейшие своды законов. Правовой теизм, представления о сакральном происхождении правовых институтов. Правовая мысль в государствах Древнего Востока (Вавилон, Израиль, Египет, Индия, Китай): представления о божественном происхождении социальных норм, естественном и позитивном законе, связи права и управления.

Формирование основ европейской философии права в Древней Греции. Понятия гражданского долга, закона, правосудия, справедливости в учениях Сократа, Платона, Аристотеля, Сенеки, По-

либия. Естественная и законная справедливость, мировой разум и мировой закон. Римское право и его роль в истории философско-правовой мысли. Соотношение права народа, естественного права и закона, принцип равенства перед законом. Правовая концепция Ульпиана. Естественное право и право народов. Публичное и частное право. Раннехристианская философия политики и права.

Философское осмысление права и философско-правовой идеал Византии: «премудрая двойца» как модель государственности. Философия права западноевропейского средневековья. Влияние римского права на юридическую и философско-правовую традиции. Возникновение теории права. Право справедливости и право свободы в философско-правовых воззрениях средневековых юристов. Божественная благодать, естественный и позитивный закон.

Философско-правовая мысль в эпоху возникновения раннекапиталистических отношений. Проблема кодификации в политико-правовой традиции. Юридическая герменевтика. Проблема суверенитета, соотношения божественных, природных и государственных законов в философско-правовых учениях мыслителей эпохи Просвещения. Философия права в трудах представителей классической немецкой философии («Философия права» Гегеля). Закон как выражение всеобщей воли. Гражданское общество и государства. Историческая школа права (К. Савиньи, Г. Пухта, Г. Гуго). Критика естественно-правовой доктрины и теории позитивного права.

Марксистская философия политики и права. Политико-правовая мысль второй половины XIX в.: учения Р. фон Иеринга и Л. Гумпловича. Психологизм, нормативизм, институционализм в философии права XX в.

4. Философия политики и права в России: истоки, первоначальные этапы становления и развития (обычай, нормы, идеи, законы, институты) (6 часов)

Философско-исторические основания права в России. Основные источники философии права в России. История культуры и право в России. История экономики и право в России. Религия и право в России. Традиция «кардиогнозиса» и право. Проблема собственности с философско-правовой точки зрения. Философско-религиозное и правовое понимание закона. Проблема кодифика-

ции русского права с философской точки зрения. «Повесть временных лет» Нестора летописца и «Русская Правда» Ярослава Мудрого — их связь и основные положения. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского — метод символической экзегезы в философии. Государственно-административное управление в Киевской Руси и делегирование высшей власти. Демократический монархизм князей и абсолютизм земщины. Договоры Новгорода, Пскова и Смоленска — основа судебно-процессуального права (мировоззренческий аспект). Проблема сакральности как основы власти в русском праве.

Судебник 1497 г. — философия прав человека. Судебники и Соборные уложения — роль традиции и социально-политических реакций. Выход из смуты. Проблема социальной политики, роль института амнистирования (милости) в Соборном Уложении 1649 г. Земские соборы и институты Земства — их роль в истории права России. Проблема государства и гражданского общества в русском праве.

Реформы Петра I. Государственно-правовые взгляды М.М. Сперанского. Проблема реформ и модернизаций в России: политологический, правовой, философский аспекты. История реформ и модернизаций в России. Реформа Столыпина — Витте: социально-политический аспект.

Роль элиты в реформационно-модернизационных процессах в истории политики и права России.

5. Философия политики и права в России: теории, научные школы и общественные движения (6 часов)

«Норманская теория» права Миллера — Шлёцера — Байера — Карамзина с философско-исторической и политической точек зрения. Критика норманизма М.В. Ломоносовым.

Славянофильство и западничество: философско-исторические и политико-правовые взгляды основных их представителей. Евразийство. Либеральный консерватизм в России.

Философские основы теории правового государства и общественного идеала в трудах представителей философии естественного права «государственной» школы России. Московская и Петербургская школы.

Религиозно-философские основы консерватизма в России и монархизм. Проблема внутреннего мира человека в русской философии политики и права. Учение о праве на достойное существование В.С. Соловьёва и концепция педагогического государства С.И. Гессена.

Критика тоталитаризма П.И. Новгородцевым. «Психология права» как философская установка в концепции Л.И. Петражицкого.

Деятельность кафедр энциклопедии права и истории философии права в российских университетах после 1884 г. Отечественные исследования в области теоретического государствоведения, истории философии права и философии права в конце XIX — начале XX в. Идеи и проекты конституционализма и правового государства в России.

6. Актуальные научно-методологические проблемы философии политики и права (4 часа)

Политическое знание и реальная политика. Творчество и догматизм в философии, политической деятельности и правотворчестве. Философия и практика социальной инженерии. Функциональные (метаисторические) и конъюнктурные цели политики и права. Философские аспекты институционализации в сфере политики, права и науки. Институциональные и политические факты. Особенности институционализации философии политики в России на современном этапе. Специфика политической деятельности: исторический, функциональный и отраслевой подходы. Отраслевые, межотраслевые и трансотраслевые аспекты современной политики и геополитики. Особенности научно-аналитического сопровождения политической деятельности.

Философские основы хронополитических теорий и цивилизационный подход. Способы измерения геополитического пространства («Север — Юг» и «Восток — Запад»). Циклическая и линейная модели политического времени, циклическая природа кризисов и причины цивилизационного кризиса. Цивилизационные ориентиры политической философии в России: дискуссии о русской и славянской цивилизации. Эсхатологизм и финализм в политической философии. Временные горизонты политики, политического планирования и прогнозирования.

Политический и научный дискурсы. Типологический портрет политика и политолога. Явное и неявное знание в политике и науке. Историзм и роль нарративации в изучении политики. Научная и политическая теория, доктринальный уровень политической деятельности. «Великие учения» и власть политических идеологий. Причины политического, правового и методологического нигилизма. Цели и технологии политической индоктринации в современном мире.

7. Философия политики и права и современные политико-правовые процессы (2 часа)

Политико-правовые процессы современности: проекты и утопии в условиях глобализирующегося мира. Сущность и границы процесса политизации. Интерактивность современной политики. Личность и массы, народы как «коллективные личности» и феномен коллективной воли. Утопическая и рациональная социальная инженерия. Философские принципы политического планирования и стратегического прогнозирования.

Правовое поле устойчивого развития и феномен глобальной стратегической нестабильности. Глобальные проблемы и общество риска: политико-правовые и философские аспекты коллективной безопасности. Причины возникновения и демонтажа биполярной политической системы и теории «однополярного» мира. Политико-правовые аспекты формирования нового мирового порядка. Новые угрозы мировому сообществу.

Радикализм в политической философии и политический экстремизм в международных отношениях. Философские аспекты теории суверенитета и проблема национального самоопределения. Теория и практика политики мультикультурализма с учетом этнокультурной и конфессиональной специфики стран и регионов. Пан-идеи и пан-Европа: от философских доктрин и политических проектов к Европейскому союзу.

ЛИТЕРАТУРА

Антологии, хрестоматии и справочно-энциклопедические издания

- Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997.
- Антология мировой правой мысли: В 5 т. М., 1999.
- Бачинин В.А., Сальников В.П.* Философия права. Краткий справочник. СПб., 2000.
- Белый царь. Метафизика власти в русской мысли. Хрестоматия / Сост. А.Л. Доброхотова. М., 2001.
- Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990.
- Зарубежная политология. Словарь. М., 1998.
- Исаев И.А., Золотухина Р.М.* История политических и правовых учений России. Хрестоматия. М., 2003.
- История государственно-правовых учений. Хрестоматия / Сост. С.В. Липень. М., 2006.
- История философии права. СПб., 1998.
- Исупов К., Савкин И.* Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.
- Мораль в политике. Хрестоматия / Сост. Б.Г. Капустин. М., 2004.
- Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001.
- О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
- Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М., 1994.
- Политическая история России: Хрестоматия / Сост. В.И. Коваленко, А.Н. Медушевский, Е.Н. Моцелков. М., 1996.
- Политология. Хрестоматия / Сост. М.А. Василик. М., 1999.
- Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
- Русская социально-политическая мысль XI — начала XX века: В 5 т., 4 кн. / Под ред. Е.Н. Моцелкова. М., 2006.
- Русская философия. Энциклопедия / Под ред. М.А. Маслина. М., 2007.
- Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997.
- Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993.

Словарь философских терминов / Под ред. В.Г. Кузнецова. М., 2004.

Смолин М. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005.

Теория государства и права. Хрестоматия: В 2 т. / Сост. М.Н. Марченко. М., 2004.

Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М., 1991.

Философия истории: Антология. М., 1994.

Юридический энциклопедический словарь. М., 1987.

Учебная и научная литература

Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции. Курс лекций. М., 2003.

Алексеев Н.Н. Основы философии права [1924]. М., 1998.

Алексеев С.С. Право: Опыт комплексного исследования. М., 1999.

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001.

Алексеева Т.А. Политическая философия. От концепций к теориям. Учебное пособие. М., 2007.

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Струи К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.

Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006.

Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1998.

Бойцова О.Ю. Власть нормы и норма власти: о специфике нормативного подхода в западной политической науке XX в. М., 2004.

Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы. СПб., 2008.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.

Гаджиев К.С. Политическая философия. М., 1999.

Гобозов И.А. Философия политики. 2-е изд. пер. и доп. М., 2002.

Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. М., 2001.

Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.

Дюверже М. Идея политики. Применение силы (власти) в обществе. М., 1991.

Жуков В. Н. Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001.

Жюль К.К. Философия и социология права. М., 2005.

Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. Учебник. М., 2007.

Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1990.

Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В. Политическая антропология. М., 1995.

Ильин И.А. Теория государства и права [1915]. М., 2006.

История политических и правовых учений. Учебник для вузов / Под ред. О.В. Мартышина. М., 2004.

История политических и правовых учений. Учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2003.

История русской философии / Под ред. М.А. Маслина. М., 2001.

Кальной И.И. Философия права. СПб., 2008.

Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М. 2004.

Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003.

Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007.

Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1896.

Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989.

Малахов В.П. Философия. Идеи и предложения. М., 2007.

Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995.

Митрошенков О. А. Политическая философия. Эпистемология. М., 2005.

Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. I.

Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. 2-е изд. пер. и доп. М., 2006.

Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 — начало 1930-х годов). М., 1997.

Поздняков Э.А. Философия политики: В 2 т. М., 1994.

Панарин А. С. Философия политики. М., 1996.

Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.

Петражицкий Л.И. Очерки философии права. СПб., 1900.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности [1907]. СПб., 2000.

Политическая наука: новые направления / Науч. ред. Е.Б. Шестопал. М., 1999.

Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М., 2009.

Русская философия: философия как специальность в России. Вып. 1–2. М., 1992.

Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов-на-Дону, 1997.

Смазнова О.Ф. Право и время. Великий Новгород, 2004.

Сморгунов Л.В. Основные направления современной политической философии. СПб., 1998.

Сморгунов Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М., 2007.

Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2000.

Таллер Р.И. Философия как логика и методология познания права. Саратов, 1989.

Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права [1908]. СПб., 1998.

Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001.

Ударцев С.Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток. Академический курс. СПб., 2007.

Федорова М.М. Классическая политическая философия. М., 2001.

Философия власти / Под ред. В.В. Ильина. М., 1993.

Чичерин Б.Н. Философия права [1900]. СПб., 1998.

Чичерин Б.Н. История политических учений: В 5 т. М., 1869–1902. (Т. 1. СПб., 2006).

Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М., 1903.

Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.

Шамиурин В.И. Консерватизм и свобода. Краснодар, 2003.

Шершеневич Г.Ф. Общая теория права [1910–1912]: В 2 т. М., 1995.

Шершеневич Г.Ф. История философии права [1904]. СПб., 2001.

Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.

Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства [1912]. СПб., 1999.

Авторы сборника

Аласания Кира Юрьевна — кандидат политических наук, ассистент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Бойцова Ольга Юрьевна — доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Войниканис Елена Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Гобозов Иван Аршакович — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Жуков Вячеслав Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Кржевов Владимир Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Мошелков Евгений Николаевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Расторгуев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Соловьев Алексей Васильевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Сытин Андрей Георгиевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Хмелевская Светлана Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Шамшурин Виктор Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

SUMMARY

PHILOSOPHY OF POLITICS AND LAW

Issue 1

Philosophy of politics and law — a new direction in philosophical education and scientific research in Moscow State University. Introduction to issue 1 (Moschelkov E.N.)

The article presents a philosophy of politics and law as an integrative discipline, considered as a new direction in philosophical education and scientific research. The author observes historical traditions of philosophical study politics and law and offers the reasons for joining these problematics in field of united discipline.

PART I. PHILOSOPHY OF POLITICS AND LAW AS EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC DISCIPLINE

RASTORGUEV V.N. "Subject field of philosophy of politics as scientific and university discipline"

The author concentrates on the history of political philosophy in Russia and in the west as well as on the mission of political philosophy as scientific and university discipline. The article considers the formation of political philosophy in terms of scientific knowledge and its place in the system of higher education is defined. The author examines such questions as the object of political knowledge, subject field of political science and subject of political philosophy. In this context, the author appeals to the theme of overcoming scientific field barriers when studying problems of political philosophy.

MOSCHELKOVA E.N. "The history of philosophy of law as an academic discipline in university education in Russia (XIX — beginning of XX centuries)"

The article is devoted to the questions of history of law philosophy as an academic discipline in Russian university education in the period of XIXth beginning of XXth centuries. The history of law philosophy is regarded as the discipline routed in a tradition of Russian university education. The author gives a historical review of law philosophy formation in Russia, analyses approaches to the object and subject field of Russian philosophy of law and illustrates diverse interpretation of the subject of this scientific discipline. The close connection between studies of law philosophy and general philosophical problems as well as questions of philosophical cognition is stressed in the article.

BOYTSOVA O.Y. "Political cognition in XXth century: in search for a model of scientific investigation"

The article considers institutionalization of political studies in XXth century, process of finding the autonomous and educational status by political science, search and establishment a scientific model, including understanding its aims, tasks, subject of political science, structure of its problem field, correlation with adjacent disciplines. The author shows that, as a result of named processes, the problems of philosophy of politics and law turned out to be in an interdisciplinary field and analyzes the development peculiarities of this research direction caused by that.

PART II. URGENT PROBLEMS OF PHILOSOPHY OF POLITICS AND LAW

SHAMSHURIN V.I. "On the question of correlation of philosophy of politics and law with philosophy and law"

The connection between political philosophy and questions of philosophy, politics and law is analyzed in the article. The author exam-

ines subjects bringing together these scientific disciplines as well as problem views that differ depending on which science appeals to them. The peculiarities of methods and approaches used in philosophy, law and political science in the regard of their appellation to the problem of cognition, question of human core, definition of politics and state are shown.

GOBOZOV I.A. "Philosophical basis of law"

The article considers the question of philosophical basis of law. The most important approaches to the problem of origin and evolution of law norms from juridical, philosophical, sociological, anthropological points of view are analyzed. In course of the research, appealing to civilization paradigm and civil society phenomenon, giving different interpretations of "civilization", "civil society" concepts as well as conceptions connected to them ("morality", "conscience", "freedom"), the author shows philosophical grounds of law origin.

KHMELEVSKAYA S.A. "National system of law: evident and latent philosophical grounds"

The question of philosophical basis in the national law system is considered in the article. The author analyses obvious philosophical grounds on which general law principles reflected in the fundamental state law are based as well as latent philosophical ideas represented in regulations and normative documents. The author shows that researching philosophical sources of law is very important for understanding the basis of national law system and trends of their changing.

VOYNIKANIS E.A. "Paradigm shift in modern law"

The article is devoted to studying the problem of paradigm shift in modern law. The author investigates the concept of paradigm and its

application to the sphere of the humanities. The article explains how shifting of paradigm should be understood in the context of modern law, its fundamental transformations in the epoch of globalization and in the situation of modern law and law comprehension crisis.

SOLOVIEV A.V. "How the philosophy of war is possible?"

The author regards the phenomenon of war in social and cultural context concentrating his attention on the so-called "war philosophy" in terms of which theoretical thinking of fundamental basis of war, reasons of its beginning and its place in human history is conducted. Analyzing declared problems, the author examines works of Russian and French philosophers and states that researches devoted to the war phenomenon develop in the same direction both in Russia and France. This fact is caused by the need of elaborating a scientific approach to war analysis meeting the time requirements.

PART III. HISTORY OF PHILOSOPHY OF POLITICS AND LAW

SYTIN A.G. "History of democracy ideas in west-European political and philosophical conceptions of XIV — XVIIth centuries"

The article is devoted to the processes of democracy ideas' evolution in west-European political and philosophical conceptions of XIV — XVIIth centuries. The author states increasing interest to the problems of ruling-over and state forms in western political and philosophical concepts connected with transferring from theocentrism to anthropocentrism, rationalism development and other important changes. The author gives particular attention to the fact of appearing ideas fundamentally important for further comprehension of democracy problems and such concepts as "sovereignty", "natural law", and "social compact".

ZHUKOV V.N. "P.I. Novgorodtsev as a law philosopher"

The article is devoted to research of law philosophy works of I.P. Novgorodtsev. The author concludes that Novgorodtsev's philosophy of law expands to the scale of social philosophy and philosophy of history. The author investigates the subject of cultural crises in works of the Russian philosopher and characterizes his approach to the theory of natural law. The comprehensive and detailed character of Novgorodtsev's approach to analysis of crisis phenomena in political and spiritual life in Europe and Russia is stressed in the article, practical change of natural law theory in his interpretation is noted, the philosopher thesis about solving a problem of correlation of the national and supernational is marked.

KRZHEVOV V.S. "The K. Schmitt's concept of state and law: the place and role in political theory and practice of XXth century"

The article critically considers Karl Schmitt's views on the basis and limits of the political power as well as on the state's core and functions. The author examines in details Schmitt's argumentation in order to prove inconsistency of his conclusions concerning nature of the political, scientific inconsistency of the approach to the definition of state. The article mentions a contradiction between principles of the researched concept and liberal ideals of rights and liberties of the person, shows ideological and practical consequences following from the doctrine of the German thinker, and traces his influence on ideological and political field of modern Russia.

ALASANIYA K.Y. "Postmodernist conception of power in French political philosophy of the second part of XXth — beginning of XXI centuries"

The article considers the concept of political power in French postmodernism. The author compares classical understanding of the political power and postmodernist interpretations of this conception, charac-

terizes the concept of political power in postmodernism, and shows an approach to analyzing political power mechanisms of influence and functioning in the epoch of postmodern.

APPENDIX

PHILOSOPHY OF POLITICS AND LAW (Introduction in discipline). The program of course of studies.

The program of course of studies for students of faculty of philosophy in Moscow State University.

Научное издание

Философия политики и права

Сборник научных работ

Выпуск 1

Под общ. ред. профессора *Е.Н. Моцелкова*

Научный редактор профессор *О.Ю. Бойцова*

Оригинал-макет и обложка подготовлен *А.В. Воробьевым*

Корректор *Е.В. Феоктистова*

Сдано в набор 08.02.2010. Подписано в печать 16.02.2010.

Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 15,24.

Тираж 1 000 экз. (1-й завод — 500 экз.). Заказ № 0138.

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru

117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. Тел. **772–03–76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595.